

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4 • 2017

Свидетельство о регистрации
Роскомнадзора ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Д. В. Зотов,

кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Стариков,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,

кандидат юридических наук, доцент (отв. секретарь)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров,

доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева,

доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширбекова,

доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

М. О. Баев,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаш,

доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

П. Н. Бирюков,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

С. И. Давыдов,

доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин,

доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев,

доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин,

доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян,

доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов,
кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

З. В. Макарова,
доктор юридических наук, профессор
(Южно-Уральский гос. университет);

Е. В. Марковичева,
доктор юридических наук, профессор
(Орловский гос. университет);

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. И. Носырева,
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. В. Победкин,
доктор юридических наук, профессор
(Московский университет МВД России);

Т. Б. Рамазанов,
доктор юридических наук, профессор
(Дагестанский гос. университет);

С. Б. Россинский,
доктор юридических наук, доцент
(Московский гос. юрид. университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА));

А. В. Руденко,
доктор юридических наук, профессор
(Кубанский гос. университет);

М. К. Свиридов,
доктор юридических наук, профессор
(Томский гос. университет);

И. В. Смолькова,
доктор юридических наук, профессор
(Байкальский гос. университет);

В. В. Трухачев,
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Ю. В. Францифоров,
доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия)

Адрес редакции:

394018 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810

E-mail: sudvl@mail.ru

Сайт журнала:

www.law.vsu.ru/sudvl

Подписной индекс:

94235 Объединенного каталога «Пресса России»

Ведущий редактор издательской группы

Н. Н. Масленникова

Подписано в печать 31.12.2017. Формат 70×108/16

Уч.-изд. л. 19,7. Усл. п. л. 19,8. Тираж 300 экз. Заказ 695

Издательский дом ВГУ

394018 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ

394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

© Воронежский государственный университет, 2017

© Оформление, оригинал-макет.

Издательский дом ВГУ, 2017

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 4 • 2017

Registration certificate ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, editor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor,
executive secretary
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov,

doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva,

doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova,

doctor of legal sciences, professor
(Vorlhograd State University);

M. O. Baev,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash,

doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

P. N. Biriukov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

S. I. Davidov,

doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin,

doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev,

doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin,

doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian,

doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov,
candidate of legal sciences, professor
(Volgograd State University);

Z. V. Makarova,
doctor of legal sciences, professor
(South Ural State University);

E. V. Markovicheva,
doctor of legal sciences, professor
(Orel State University);

N. G. Muratova,
doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. I. Nosyreva,
doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. V. Pobedkin,
doctor of legal sciences, professor
(Moscow University of the Russian Ministry
of Internal Affairs);

T. B. Ramazanov,
doctor of legal sciences, professor
(Dagestan State University);

S. B. Rossinskiy,
doctor of legal sciences, associate professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL));

A. V. Rudenko,
doctor of legal sciences, professor
(Kuban State University);

M. K. Sviridov,
doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

I. V. Smolkova,
doctor of legal sciences, professor
(Baikal State University);

V. V. Trukhachev,
doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

Yu. V. Franziforov,
doctor of legal sciences, professor
(Saratov State Law Academy)

Editorial address:

394018 Russia, Voronezh,
Lenin Sg., 10a, r. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Official site:

www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2017

© Desin, original-model.

Publishing house of Voronezh State University, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

II Всероссийская научно-практическая конференция
«Нравственные основы юридической деятельности (Кокоревские чтения)»
(Воронеж, 15–16 сентября 2017 г.): фотоотчет..... 9

23 **НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

<i>Александрова Л. А.</i> Система участников уголовного судопроизводства как отражение нравственного состояния общества 23
<i>Васильев О. Л.</i> Справедливость как принцип уголовного процесса 28
<i>Козьявин А. А.</i> Дифференциация уголовно-процессуальной формы и нравственная оценка ее сущности и эффективности..... 32
<i>Кривошеев С. И.</i> Справедливость в уголовном процессе 38
<i>Малышева О. А.</i> Нравственные основы современной уголовно-процессуальной политики Российского государства..... 44
<i>Насонов А. А.</i> Право на обжалование лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования 51
<i>Новикова Е. А., Шумилин С. Ф.</i> Нравственные основы уголовного судопроизводства в законодательстве Российской империи: уроки истории..... 56
<i>Победкин А. В.</i> Уголовно-процессуальный закон России: на пути к отечественным нравственным ценностям 62
<i>Романенко Н. В.</i> Этика судьи в условиях уголовного преследования 71
<i>Стародубова Г. В.</i> Процессуальные документы как отражение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности судьи 75
<i>Францифоров Ю. В., Чечуевский Н. В.</i> Безопасность в уголовном судопроизводстве – составная часть правовых ценностей современного общества..... 79

84 **НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

<i>Грачёва О. А.</i> Организация проведения прокурором проверок на стадии возбуждения уголовного дела..... 84
<i>Красноруцкая Т. А.</i> О способах преодоления нарушений в деятельности начальника подразделения дознания 87
<i>Кряжев В. С., Прошутинская Е. П.</i> Отдельные вопросы расследования преднамеренного банкротства 91
<i>Малахова Л. И.</i> Нравственные начала допроса как следственного действия 98
<i>Манова Н. С.</i> Нравственные аспекты и проблемы законодательной регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве..... 102
<i>Насонова И. А.</i> Проблемы нравственности и правового регулирования, сопровождающие сокращенную форму дознания 108
<i>Россинский С. Б.</i> Об этических проблемах допроса на предварительном следствии 113
<i>Савицкая И. Г.</i> Предмет доказывания по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств 120

125 **НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА**

<i>Загорский Г. И.</i> Обеспечение прав сторон при рассмотрении судом уголовных дел частного обвинения..... 125
<i>Марковичева Е. В.</i> Справедливость как нравственный критерий для оценки судебного разбирательства: проблемы толкования и применения 130

	<i>Меженина Е. В.</i> Нравственные основы наложения ареста на имущество в уголовном процессе Российской Федерации.....	134
	<i>Стрелкова Ю. В.</i> Значение нуллифицирующего вердикта присяжных в усилении нравственных начал уголовного судопроизводства	140
145 ПРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА	
	<i>Баев М. О. Цурлуй О. Ю.</i> Проблема наложения денежного взыскания на адвоката-защитника: процессуально-нравственные аспекты.....	145
	<i>Баева Н. А.</i> Реализация профессиональных прав адвоката-защитника в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых	151
158 КУЛЬТУРА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	
	<i>Макарова З. В.</i> Культура судебного процесса.....	158
163 ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ	
	<i>Долина М. Ю.</i> Особенности профессиональной этики сотрудников специальных подразделений войск национальной гвардии	163
	<i>Репин М. Е.</i> Нравственные основы и профессиональная этика современного сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: куда мы движемся?.....	167
	<i>Рябинина Т. К.</i> О содержании и проблемах реализации принципа независимости судей: нравственный аспект	172
	<i>Тимошенко А. А.</i> Механизм применения Кодекса судейской этики нуждается в совершенствовании	179
182 ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	
	<i>Сазонникова Е. В.</i> Особенности методики изложения учебного материала о правоохранительных органах (очерк о статье В. А. Панюшкина).....	182
185 II ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС НАУЧНЫХ РАБОТ ОБУЧАЮЩИХСЯ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Л. Д. КОКОРЕВА «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ЮРИСТА – 2017»	
	Итоги II Всероссийского конкурса научных работ обучающихся, посвященного памяти профессора Л. Д. Кокорева «Профессиональная этика юриста – 2017»	185
	<i>Азаров А. П.</i> Этические основы досудебного соглашения о сотрудничестве	189
	<i>Бобылев С. Р.</i> О соотношении адвокатской этики и профессиональных стандартов поведения адвоката	193
	<i>Викulina Н. А.</i> Нравственно-правовые основы деятельности следователя в уголовном судопроизводстве	197
	<i>Касьянова М. Н.</i> Профессиональная этика патентных поверенных.....	201
	<i>Кулинич В. П.</i> Нравственность и человечность в законотворчестве	210
	<i>Лемешев К. А.</i> Этические аспекты размещения информации о суициде в средствах массовой информации	214
	<i>Соловьева П. В.</i> Соотношение профессионализма судьи и его нравственно-моральных качеств или профессионализм судьи как профессионально-нравственное качество	219
226 ИСКУССТВО И ПРАВОСУДИЕ	
	<i>Зотов Д.</i> Следственный эксперимент в живописи	226

CONTENTS

The second all-Russian scientific-practical conference «The moral foundations of professional legal activities (Kokorevskie reading)» (Voronezh, 16–17 September 2017): Photo report.....9

23ETHICAL ISSUES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Aleksandrova L. A. The system of participants in criminal proceedings as a reflection of the moral state of society.....	23
Vasilyev O. L. Justice as the principle of the criminal process.....	28
Kozyavin A. A. Criminal procedural form differentiation and moral assessment of its essence and effectiveness	32
Krivosheev S. I. Justness in criminal procedure law.....	38
Malysheva O. A. Moral foundations of the modern criminal procedural policy of the Russian state.....	44
Nasonov A. A. The right to appeal of the face, requested to issue for criminal persecution.....	51
Novikova E. A., Shumilin S. F. Moral foundations of criminal procedure in the legislation of the Russian empire: history lessons.....	56
Pobedkin A. V. The Russian Federation Code of Criminal Procedure: on the way to domestic moral values.....	62
Romanenko N. V. Ethics of the judge in the conditions of criminal prosecution	71
Starodubova G. V. Procedural documents as the reflection of moral bases of the criminal-procedural activity of the judge	75
Franciforov Yu. V., Chechuevsky N. V. Security in criminal proceedings is an integral part of the legal values of modern society.....	79

84ETHICAL ISSUES OF PRETRAIL

Gracheva O. A. Organization of the prosecutor's conduct of inspections at the stage of initiation of criminal proceedings	84
Krasnorutskaya T. A. To the question about how to predozenie violations in the activities of the chief of division of inquiry	87
Kryazhev V. S., Proshutinskaya E. P. Single issues of investigation of premeditated bankruptcy.....	91
Malakhova L. I. Moral begins of interrogation as a trial action.....	98
Manova N. S. Moral aspects and problems of the legislative regulation of the pre-trial cooperation agreement.....	102
Nasonova I. A. The problem of morality and legal regulation accompanying the short form inquiry	108
Rossinskiy S. B. About ethical issues questioning preliminary investigation.....	113
Savitskaya I. G. The subject of proof in criminal cases on violation of traffic rules and operation of vehicles	120

125ETHICAL ISSUES OF TRAIL

Zagorsky G. I. Ensuring the rights of the parties when the court considers private criminal charges.....	125
Markovicheva E. V. Fairness as a moral criterium for evaluating a trial: the issues of construction and execution	130
Mezhenina E. V. Moral basis of property seizure in the criminal procedure of Russian Federation	134

	<i>Strelkova Yu. V.</i> The value of the nullifying jury verdict in strengthening the ethic origins of criminal justice.....	140
145	ETHICAL ISSUES OF PROCEDURAL ACTIVITY OF THE ATTORNEY	
	<i>Baev M. O., Tsurelyu O. Yu.</i> The problem of fine application against the defense-lawyer: procedural and moral aspects.....	145
	<i>Baeva N. A.</i> Realization of the professional rights of a lawyer in places of detention of suspects and accused.....	151
158	CULTURE OF CRIMINAL PROCEEDINGS	
	<i>Makarova Z. V.</i> The culture of the trial	158
163	ETHICAL ISSUES OF LAW ENFORCEMENT AND THE ORGANIZATION OF THE JUDICIARY	
	<i>Dolina M. Yu.</i> Peculiarities of professional ethics employees of special subdivisions troops of the national guards.....	163
	<i>Repin M. E.</i> Moral foundations and professional ethics of the modern employee of the internal affairs of the Russian Federation: where are we moving?.....	167
	<i>Ryabinina T. K.</i> The question about realization of principle the independence of judges: the moral dimension.....	172
	<i>Timoshenko A. A.</i> The mechanism of application of the Code of Judicial Ethics	179
182	PROBLEMS OF LEGAL EDUCATION	
	<i>Sazonnikova E. V.</i> Peculiarities of the method of the summary Educational material on law enforcement agencies (october of article V. A. Panyushkin)	182
185	II ALL-RUSSIA COMPETITION OF SCIENTIFIC WORKS OF STUDENTS OF THE MEMORY OF PROFESSOR LD. KOKOREVA «PROFESSIONAL ETHICS OF THE LAWYER – 2017»	
	Results of the II All-Russian competition of scientific works of the students of the memory of Professor L.D. Kokorev «Professional ethics of a lawyer – 2017».....	185
	<i>Azarov A. P.</i> Ethical basis of pre-trial cooperation agreement.....	189
	<i>Bobylev S. R.</i> On the issue of the correlation of lawyer ethics and professional standards of attorney's conduct	193
	<i>Vikulina N. A.</i> Moral and legal basis for the activities of the investigator in criminal proceedings	197
	<i>Kasyanova M. N.</i> Professional ethics of patent attorneys.....	201
	<i>Kulinich V. P.</i> Morality and humanity in lawmaking	210
	<i>Lemeshev K. A.</i> Ethical aspects of posting information on suicide in the media.....	214
	<i>Solovyeva P. V.</i> Value of professionalism of the judge and his moral and moral qualities or professionalism of the judge as a professional and moral quality	219
226	ARTS AND JUSTICE	
	<i>Zotov D.</i> Investigative experiment in painting.....	226

**II ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

**«НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(Кокоревские чтения)»**

*Воронеж
15–16 сентября 2017 года*

(Фотоотчет)

Участники II Всероссийской научно-практической конференции
«Нравственные основы юридической деятельности (Кокоревские чтения)»
Воронеж, 15 сентября 2017 г.

Выступление
профессора кафедры
криминалистики Воронежского
государственного университета,
доктора юридических наук
Баева Олега Яковлевича

Модератор конференции – заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор **Головко Леонид Витальевич** и декан юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **Стариков Юрий Николаевич**

Пленарное заседание конференции

Выступление заведующей кафедрой уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктора юридических наук,
профессора **Воскобитовой Лидии Алексеевны**

Выступление профессора кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина
(МГЮА), доктора юридических наук **Росинского Сергея Борисовича**

15–16 сентября 2017 года

Пленарное заседание конференции

Выступление заведующей кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктора юридических наук, профессора **Мановой Нины Сергеевны**

Заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор **Воскобитова Лидия Алексеевна**, заведующий кафедрой организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент **Зотов Денис Валентинович**, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии права и управления ФСИН России, доктор юридических наук, доцент **Малышева Ольга Анатольевна**

Заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, кандидат юридических наук, профессор **Рябинина Татьяна Кимовна**, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор **Головко Леонид Витальевич**, заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор **Отческая Татьяна Ивановна**

Пленарное заседание конференции

Выступление ведущего эксперта Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), доктора юридических наук, профессора **Макаровой Зинаиды Валентиновны**

Выступление заведующего кафедрой уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, доктора юридических наук, профессора **Прошлякова Алексея Дмитриевича**

15–16 сентября 2017 года

Пленарное заседание конференции

Профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии права и управления ФСИН России, доктор юридических наук, доцент **Мальшева Ольга Анатольевна**, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, кандидат юридических наук, доцент **Козявин Андрей Александрович**, и.о. заведующего кафедрой уголовного процесса Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент **Стародубова Галина Викторовна**

Пленарное заседание конференции

Выступление главного научного сотрудника отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктора юридических наук **Марковичевой Елены Викторовны**

Выступление профессора кафедры уголовного процесса Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, доктора юридических наук **Шумилина Сергея Федоровича**

Пленарное заседание конференции

На юридическом факультета Воронежского государственного университета

На юридическом факультете Воронежского государственного университета:
декан юридического факультета Воронежского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор **Стариков Юрий Николаевич**,
заведующая кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной
юридической академии, доктор юридических наук,
профессор **Манова Нина Сергеевна**, заведующая кафедрой
уголовно-процессуального права Московского государственного юридического
университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук,
профессор **Воскобитова Лидия Алексеевна**, доцент кафедры уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук **Васильев Олег Леонидович**,
заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор **Головко Леонид Витальевич**

Участники конференции

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

УДК 343

Л. А. Александрова

СИСТЕМА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ НРАВСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА

Статья посвящена соотношению систем уголовного процессуального права с системобразующими логическими законами: построения системы, взаимодействия ее элементов и баланса. Игнорирование общих законов развития приводит к развитию противоречий в уголовном судопроизводстве и разрушению логической структуры закона.

К л ю ч е в ы е с л о в а: система участников уголовного судопроизводства, система процессуальных функций, следователь, дознаватель, прокурор, суд, потерпевший, обвиняемый.

THE SYSTEM OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS AS A REFLECTION OF THE MORAL STATE OF SOCIETY

The article is devoted to the correlation of criminal procedural law with a system of logical laws: the construction of the system, interaction of its elements and balance. Ignoring the General laws of development leads to the development of the contradictions in the criminal proceedings and the destruction of the logical structure of the law.

К е у w o r d s: system of participants in criminal proceedings, procedural functions of the investigator, interrogating officer, Prosecutor, court, victim, the accused.

Поступила в редакцию 12 сентября 2017 г.

Один из критериев нравственного состояния общества – это его отношение к своему государству, которое являет себя, прежде всего, через деятельность органов власти.

Согласно ст. 6 УПК РФ, назначением уголовного судопроизводства является, в первую очередь, защита прав и интересов потерпевшего и обвиняемого. Поскольку общая цель деятельности в рамках данной отрасли права не сформирована, возникает вопрос о том, насколько нравственна монополия государства на уголовное преследование, формирование и доказывание обвинения по уголовному делу, если личность противопоставлена обществу. Об антагонистических отношениях речи, конечно, нет, однако возможность конфликта исключать нельзя. Тенденции развития уголовно-процессуального законодательства также свидетельствуют о проблемах баланса в правоотношениях, возникающих между участниками процесса, затрудняющих развитие как отрасли права, так и общества в целом.

Когда на законодательном уровне заявляется о защите полярных частных интересов, вопрос о приоритете одного перед другим неизбежен, поскольку необходимо принимать окончательное решение в пользу того или иного участника. О том, что приговор выносится в защиту, в первую очередь общественных ценностей, можно было утверждать в период действия УПК РСФСР, четко устанавливающего приоритетную цель уголовного судопроизводства: укрепление законности и

© Александрова Л. А., 2017

правопорядка, предупреждение и искоренение преступлений, охрана интересов общества, прав и свобод граждан (ч. 2 ст. 2 УПК РСФСР 1960 г.).

Это позволяло установить четкую систему задач, среди которых первой была – быстрое и полное раскрытие преступлений. Цель и задачи гармонично соотносились с требованием всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК РСФСР 1960 г.), которое признавали принципом уголовного процесса. Данная взаимосвязь обуславливала, в свою очередь, логичность системы участников уголовного судопроизводства, в которой отдельную группу субъектов составляли органы государственной власти, осуществляющие производство по уголовному делу.

Во взаимосвязи и взаимодействии трех основных систем – задач, принципов и участников процесса раскрывается действие системообразующих законов, логика которых исключает произвольный подход к формированию как порядка уголовного судопроизводства, так и содержания уголовного процессуального законодательства.

Так проявляется объединяющее начало как основа построения системы, что подразумевает существенное многообразие и порядок частей, определенные одной целью и объединенные одной идеей¹. Наличие цели как обязательного системообразующего элемента обозначается некоторыми авторами как закон направленности развития, который выражается в соответствии формы и содержания, в прослеживающихся причинно-следственных связях и взаимодействии элементов системы².

Можно предположить, что общепринятой идеи уголовное процессуальное право в современном виде не имеет, поскольку даже Конституция РФ ее не содержит (ст. 13 Конституции РФ). Не устанавливается действующим законодательством и цель уголовного судопроизводства в отличие от УПК РСФСР. Его назначение, предложенное ст. 6 УПК РФ целью назвать сложно, поскольку единая деятельность органов государственной власти дробится необходимостью защищать частные интересы лиц и организаций – участников производства по уголовному делу. Причем в первую очередь упоминание об уголовном преследовании носит негативный характер: и в первой, и во второй частях ст. 6 УПК РФ говорится о незаконной деятельности, от которой необходимо защищать личность. Таким образом, противопоставляются государственные органы расследования, лица – участники уголовного процесса и суд. Это разрушает систему участников, отрицая важнейший системообразующий закон – взаимодействия элементов. Тем не менее суд, являющийся органом государственной власти, преследует те же цели, что и прокуратура, и органы расследования (в любом случае это – предупреждение преступлений и защита интересов общества). Эти субъекты вопреки умозрительным представлениям законодателя взаимосвязаны и взаимозависимы. Поскольку законодатель этого не хочет видеть и понимать, действует теневая система взаимосвязей, которую можно вполне назвать настоящей системой участников уголовного судопроизводства, в которой дознание, следствие, прокуратура и суд остаются в одной группе. То же можно сказать и о цели: отсутствие упоминания о ней в уголовно-процессуальном законе влечет системные ошибки в развитии отрасли права.

Отсутствие идеи и цели уголовного судопроизводства стало причиной путаницы в определении системы процессуальных функций, плоское понимание кото-

¹ См.: Кант И. Критика чистого разума / пер. Н. Лосского. М., 1994. С. 645.

² См.: Кабаченко В. Я. Мифы, символы, системы. Законы взаимодействия. М., 2010. С. 73.

рых, не основанное на единой цели деятельности, привело к их определению, исходя из узкой трактовки непосредственных действий субъектов. Получается, если следователь предъявляет обвинение, составляет обвинительное заключение, значит, он относится к стороне обвинения. Тем не менее единое целеполагание деятельности органов расследования, сохранившееся фрагментарно в некоторых нормах УПК РФ, позволяет утверждать, что следователь (дознатель) изобличает лицо, совершившее преступление, только посредством установления всех обстоятельств преступления, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. То же делает и судья, постановляющий приговор на основе исследованных им всех обстоятельств уголовного дела.

Расследование преступлений является исключительной компетенцией государственных органов и включает в себя правила, по смыслу не связанные с собственно обвинением, не сформировавшимся еще к началу расследования. Обвинение формируется во взаимодействии уголовного преследования и защиты от него. Эти понятия пересекаются между собой в динамике, дополняют друг друга и тем самым создают необходимый баланс, гарантией равновесия для которого является как раз расследование. В свою очередь, предварительное расследование связано с уголовным преследованием и защитой так же, как правосудие – с обвинением и защитой на судебных стадиях.

Таким образом, создается устойчивая система основных функций – взаимосвязи и взаимодействия, тождества противоположных элементов:

- расследование и формирование обвинения в защиту интересов общества;
- защита интересов потерпевшего – участника формирования обвинения;
- защита интересов обвиняемого от уголовного преследования.

В этом проявляется и закон баланса – устойчивости системы или тождества противоположных элементов. Противопоставляются не органы государственной власти частным лицам, а равные участники: следователь (дознатель) и прокурор, потерпевший и обвиняемый. Пары тождественных противоположностей взаимодействуют между собой.

Подтверждается эта позиция статьями УПК РФ, по смыслу которых расследование уголовного дела должно носить объективный (публичный) характер. Уголовно-процессуальным законом закреплена обязанность уголовного преследования от имени государства в каждом случае обнаружения признаков преступления (ч. 1, 2 ст. 21 УПК РФ), а также обязанность доказывать обстоятельства, как смягчающие, так и отягчающие наказание лица, совершившего преступление (ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Защита по объему равна уголовному преследованию, но имеет противоположное направление. Поскольку защита признается процессуальной функцией, значит, и уголовное преследование является также не видом деятельности, а функцией.

При этом выводы законодателя о том, что преследование – вид деятельности, представляются ошибочными. Преследование – самостоятельная функция, которая существует и является обязательным признаком движения дела в досудебных стадиях. Предложенные системы функций и субъектов свойственны досудебному производству, обусловленные особыми для своего уровня правилами – общими условиями предварительного расследования.

С началом судебного производства происходят изменения и в рассматриваемых системах.

Что касается уголовного преследования, то оно после формирования обвинения становится собственно функцией обвинения. Защита остается при этом защитой, правда, уже от обвинения, а не от преследования. Что же касается расследования, его место занимает судебное разбирательство – функция правосудия – такое же объективное и беспристрастное.

Меняются некоторые тождественные элементы системы участников уголовного судопроизводства – взаимодействуют пары противоположностей: судья (правосудие) – прокурор (государственное обвинение) и потерпевший – подсудимый (защита частных интересов). Содержанием данного взаимодействия являются правила, связанные уже с выдвижением обвинения, его поддержкой, защитой от него перед беспристрастным судом – общие условия судебного разбирательства.

Любая система, в том числе функций, участников уголовного судопроизводства, не существует без собственных критериев построения, без логики разграничения (дифференциации) системных элементов. Это – условия существования внутренней структуры отрасли права и основа ее устойчивости.

Императивный метод, присущий уголовному процессуальному праву, предполагает принятие решения властным субъектом и его ответственность. Любой, даже самый состязательный процесс заканчивается императивным волеизъявлением, в этом проявляется публичность права как социального феномена. Стремление к разумному функциональному балансу не предполагает отнесение властного лица к одной из сторон судопроизводства. К такому выводу позволяет прийти закон соотношения тождества противоположностей, обеспечивающий пропорциональность между элементами единой системы³.

В динамике данный закон был описан А. А. Богдановым как принцип подвижного равновесия. Система, находящаяся в равновесии, в процессе развития утрачивает это качество и переживает это состояние как «кризис», а преодолевая его, приходит к новому равновесию на новом уровне своего развития⁴. В уголовном судопроизводстве этому правилу подчинены не только системы участников и функций, отражающие его статику, но и система стадий – этапов движения уголовного дела, предполагающая изменение статусов субъектов, соотношения их прав и обязанностей.

Противоречия внутри системы ведут к созданию внутри нее антисистемы. В случае с уголовным судопроизводством — это теневой порядок действий должностных лиц правоохранительных органов, завуалированный процессуальными формами, представляющий собой приспособление к нормативной регламентации, закрепленной в УПК. Например, мотивацию того или иного процессуального решения следователя или дознавателя иногда содержат должностные инструкции, содержащие критерии оценки их работы, а не предписания УПК РФ.

Так, после вынесения незаконного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела к уголовной ответственности была привлечена инспектор по делам несовершеннолетних районного отдела УУП и ПДН ОМВД России. Ей было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 285 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями, повлекшее тяжкие последствия. Выполняя поручение начальника отдела, она провела проверку сообщения о преступлении, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, совершаемом Ф. в отношении своей дочери, и приняла решение об отказе в возбуждении уголовного дела. В результате Ф., пользуясь своей безнаказанностью,

³ См.: Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1989. С. 25.

⁴ См.: Там же. С. 31.

продолжил совершать преступление, а уголовное дело в отношении его было возбуждено следователем СК только через полтора года. В обвинительном заключении в качестве мотива совершения преступления было указано, что признание факта совершенного преступления на вверенном сотруднику органа дознания участке свидетельствовало бы о снижении качества работы, влияло бы на отчетность и выплачиваемую премию⁵.

Увеличение роли фикций в регулировании уголовного судопроизводства может также свидетельствовать о внутрисистемных проблемах отрасли права. Такие фикции можно назвать презюмированными, поскольку они изначально устанавливают то, что должно оцениваться только апостериори, т. е. после того, как факт свершится. Например, нельзя не согласиться с необходимостью существования норм-гарантий, обеспечивающих невозможность нарушения прав лица правоприменителем, должностными лицами. Но если считать эти права нарушенными изначально, только потому, что обеспечивать их должен представитель стороны обвинения, то это становится презюмированной фикцией, выраженной, например, в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ.

Данное положение может повлечь вопрос о большей или меньшей легитимности, значимости действия, проведенного по решению суда или по постановлению следователя.

Таким образом, нарушение логических системообразующих законов приводит к дроблению отрасли уголовно-процессуального права, возникновению «теневых» закрытых систем наряду с формально признанными, излишней дифференциации процесса в зависимости от должности и социального положения лиц – участников уголовного судопроизводства. Это ведет как к отказу от некоторых конституционных принципов, например равенства перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ), так и к возрастающему недоверию общества к правоохранительной, судебной системе и государству в целом.

⁵ Материалы уголовного дела № 150400160. Архив Туринского межрайонного СО СУ СК РФ по Свердловской области.

Уральский государственный юридический университет
Александрова Л. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Ural State Law University
Aleksandrova L. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Criminal Process Department
E-mail: ml1970@yandex.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Статья посвящена анализу содержания категории «справедливость» в уголовном процессе. Автор делает вывод о том, что справедливость является принципом уголовного процесса и лежит в основе регулирования уголовно-процессуальных отношений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: справедливость, закон, уголовный процесс.

JUSTICE AS THE PRINCIPLE OF THE CRIMINAL PROCESS

The article deals with analyzes of the contents of «Justice» in criminal procedure. The output that justice is the principle of criminal procedure is drawn. Justice is the base of the legal regulation of the criminal procedure relations.

К e y w o r d s: justice, law, criminal procedure.

Поступила в редакцию 4 декабря 2017 г.

Оживленные научные и практические дискуссии на эту тему не оставляют сомнений, что реформа российского уголовного процесса будет продолжаться. Однако известно, что любая уголовно-процессуальная реформа обречена на неудачу, если она не опирается на систему принципов. Принципам отечественного уголовного процесса в науке уделялось и уделяется большое внимание. Но все ли принципы названы в УПК РФ? В актах Конституционного Суда РФ и в решениях судов общей юрисдикции, так же как и в некоторых международных актах, прямо говорится о принципе справедливости. Но является ли справедливость принципом?

В одних нормативных актах России справедливость прямо названа принципом, в других – как задача судопроизводства и свойство судебного акта, а в некоторых – как идея. Чтобы удостовериться, что справедливость есть принцип уголовного процесса, необходимо дать определение уголовно-процессуального принципа и провести сравнение с понятием «справедливость». Если суммировать взгляды ученых на принципы, то можно выделить несколько признаков принципа, по которым особых расхождений нет.

Во-первых, принцип права – это основная идея, исходное положение, начало, основа, основание, правило. То есть это не просто норма, предписание или запрет, а идея, как некая абстрактность, идеальность, лежащая в основе чего-то (например, поведения, деятельности, организации, даже мыслей). При этом имеются в виду не субъективные представления, желания, а объективные установки, основанные на закономерностях. Во-вторых, принцип уголовного процесса не может быть безнравственным, даже если его питает политическая идеология. В-третьих, это идея, или основное положение, характеризующее, определяющее основные черты уголовного процесса и его частей. Это, безусловно, важный элемент определения принципа, поскольку позволяет отделить его от институтов, условий или просто правил. Главное отличие принципа от правила – отсутствие, более того, невозможность исключений. В-четвертых, неотъемлемым признаком уголовно-процессуального принципа является его нормативное закрепление. Закрепление принципа в законе не обязательно должно выражаться в конкретной

статье с названием принципа. Принцип может быть закреплен в законе не явно, т. е. лежать в основе ряда взаимосвязанных норм, не называясь в них, но соединяя их в систему. Действительно, если принцип как объективная идея выявлен на научном уровне, он должен быть закреплен в уголовно-процессуальном законе. Принцип может быть соединен с какой-то нормой права, а может и быть растворен в ней – он может осознаваться как начало, ощущаться в нормах и институтах. Поскольку принципом является руководящая идея, характеризующая уголовный процесс в целом, или какую-либо его часть, становится понятной невозможность дать законодательно точное определение того или иного принципа. Создание дефиниций – дело скорее науки, а не правотворчества. Если проанализировать статьи УПК, названные в соответствии с каким-либо принципом, то дефиниции мы не обнаружим – законодатель пытается раскрыть содержание принципа через какие-то примеры или пояснения. В-пятых, устойчивость, постоянство принципов усиливается соединением их в систему, следовательно, признаком уголовно-процессуального принципа является его системность.

Проведем сравнение этих элементов со справедливостью. Во-первых, справедливость, безусловно, является идеей, началом. Справедливость не есть правило, не есть правовая норма, не есть то, чему легко можно дать определение в законе. Кроме того, из справедливости не должно быть в уголовном процессе исключений, поскольку она существует вне зависимости от желания субъекта, который просто, исходя из своих устремлений, может поступать справедливо или не справедливо. Во-вторых, справедливость является нравственным началом, безусловным благом, гармонизирующим бытие. Кроме того, справедливость не может быть просто абстрактной идеей, она указывает, руководит, направляет, требует подчинения. От справедливости нельзя безнаказанно отступить – история человечества ярко показывает, что отсутствие справедливости или несправедливость приводят к мощному активному протесту (вплоть до революций). В-третьих, и государству, и гражданам, безусловно, важно, чтобы в России уголовный процесс в целом и в его отдельных частях был справедливым, чтобы не встречалось в нем ни норм, ни институтов, противоречащих справедливости, т. е. крайне необходимо, чтобы идея справедливости характеризовала как весь уголовный отечественный процесс, так и его отдельные стадии, в том числе и досудебные. В-четвертых, справедливость как абстрактная, но руководящая идея закреплена в нормативном акте – в данном случае в Конституции РФ, точнее, в ее преамбуле. В-пятых, справедливость в уголовном процессе не может существовать без иных принципов – без них она не будет понятна, но и без справедливости принципы уголовного процесса могут быть неправильно поняты (например, законность, состязательность, презумпция невиновности и т. д.).

Таким образом, по всем формальным критериям справедливость – это действительно принцип уголовного процесса, с чем соглашаются многие ученые. Конституционный Суд РФ констатирует принадлежность справедливости к принципам права. Кроме того, по его мнению, справедливость не просто принцип права, но и принцип уголовного процесса.

В результате анализа действующих в России нормативно-правовых актов из различных отраслей отечественного права можно классифицировать понятие справедливости, во-первых, как соответствие истине, должному; во-вторых, как распределительное, уравнительное начало; в-третьих, как безусловная человеческая добродетель. При этом первое понимание справедливости можно назвать

объективной справедливостью в материальном смысле (сущностной справедливостью), второе понимание – объективной справедливостью в формальном смысле (или просто формальная справедливость) и третье понимание – справедливостью в субъективном смысле (или субъективной справедливостью). Очень важно, что это не отдельные виды справедливости, а три стороны справедливости, призванные действовать едино. При этом справедливость в материальном смысле стоит на первом месте по значимости среди трех названных проявлений, или сторон, справедливости. Но требования справедливости в формальном смысле в сфере уголовного судопроизводства особо ярко проявляются в международно-правовых актах. Конституционный Суд РФ в своих актах формулирует правовые позиции по категории «справедливость», часто упоминает международно-правовые нормы. Очевидно, что без справедливости в формальном смысле довольно трудно осуществлять справедливое правосудие. В случае когда беспристрастный и независимый суд в разумные сроки открыто рассмотрел дело, в котором подсудимый полностью признал себя виновным, не активно допрашивая при этом свидетелей, имея защитника и переводчика, имея достаточное время для подготовки и пр., вынес обвинительный приговор, хотя в действительности подсудимый не совершал преступления. То есть правосудие не свершилось, поскольку оно было не справедливым. В данном примере формальные требования, предусмотренные международно-правовыми актами для справедливого правосудия, хотя и соблюдены, но они способствовали не установлению истинного преступника, а осуждению невиновного. Если при несоблюдении формальных требований справедливости судья смог бы установить истину по делу и постановить правильный как с правовой, так и с фактической точки зрения приговор, то правосудие свершилось бы, и оно было бы справедливым.

При исследовании справедливости в материальном смысле и при анализе справедливости в формальном смысле становится очевидно, что различные источники касаются справедливости в основном применительно к судебным стадиям, в первую очередь к стадии судебного разбирательства – главной стадии уголовного процесса, апогеем которой является постановление приговора. В УПК РФ справедливость так же упоминается, как свойство, качество приговора. Узко сформулированное законодателем такое свойство приговора, как справедливость, ограниченное справедливостью наказания, есть лишь частное проявление принципа справедливости – истины в наказании, т. е. назначении судом такого наказания, которое, во-первых, будет полностью соответствовать собственно главной цели наказания, исправлению; во-вторых, именно поэтому будет справедливым и в субъективном смысле. Вопреки формально-определенной норме УПК РФ о справедливости приговора, доктрина и практика расширяют столь буквальное понимание за счет применения справедливости материальной (должна быть установлена истина). В уголовно-процессуальном законе встречается и житейское, субъективное понимание справедливого, которое гораздо шире справедливого наказания или состязательного процесса. Так, в ст. 332 УПК РФ, посвященной присяге присяжного заседателя, законодатель упоминает справедливость как безусловную добродетель, а значит, включает в правовой контекст субъективную сторону справедливости.

В результате можно дать определение принципа справедливости – принцип справедливости, понимаемый в триединстве сторон (материальная, формальная и субъективная), есть руководящая, основополагающая, нормативно-выраженная

нравственная идея, от которой нельзя отступать под страхом разрушения характеризующей ее подсистемы «Уголовный процесс» в системе «Государство» и всех частей (стадий) подсистемы «Уголовный процесс» и которая находится в системном единстве с другими принципами отечественного уголовного процесса.

Закрепление данного принципа в законе возможно, даже желательно, хотя сформулировать его непросто. Однако более важным представляется, чтобы данный принцип стал ориентиром правоприменительной практики. Конституционный Суд РФ уже сделал для этого немало, хотя одних его усилий здесь недостаточно.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Васильев О. Л., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора

Lomonosov Moscow State University

Vasilyev O. L., Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor of the Criminal Process, Justice and Supervision
by Public Prosecutor Department

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ И НРАВСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ЕЕ СУЩНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ

Рассмотрена дифференциация уголовно-процессуальной формы с социально ценностной точки зрения, обосновывается существование аксиологического основания выделения усложненных и упрощенных уголовно-процессуальных порядков, а также демонстрируются приемлемость и особенности аксиологического критерия оценки их эффективности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дифференциация уголовно-процессуальной формы, аксиология, эффективность уголовно-процессуальной системы.

CRIMINAL PROCEDURAL FORM DIFFERENTIATION AND MORAL ASSESSMENT OF ITS ESSENCE AND EFFECTIVENESS

In the article differentiation of the criminal procedure form is analyzed from the point of view of the social values. The existence of the axiological ground for the singling out of complicated and simplified criminal procedure orders is substantiated and the acceptableness and the peculiarities of the axiological criterion of their efficiency appreciation is being demonstrated. K e y w o r d s: differentiation of the criminal procedure form, axiology, efficiency of the criminal proceedings system.

Поступила в редакцию 11 сентября 2017 г.

Уголовно-процессуальная форма – одно из базовых понятий в уголовном процессе, впрочем, до сих пор остающееся сугубо научной категорией, подвергаемой теоретическому анализу с разных сторон. Несмотря на отдельные расхождения, характерные для научных представлений о ней, оформившиеся в процессуальной науке за последние полвека¹, под уголовно-процессуальной формой понимается система предъявляемых к субъектам уголовного процесса, установленных уголовно-процессуальным законом и основанных на его принципах требований, выполнение которых приводит к наиболее точному и рациональному достижению задач уголовного судопроизводства².

Ценность уголовно-процессуальной формы универсальна. Сложнейшие по своей структуре, многоплановости, целевой и функциональной направленности и комплексности общественные отношения, складывающиеся в сфере рассле-

¹ См.: Калиновский К. Б. Основные виды уголовного судопроизводства : учеб. пособие. СПб., 2002. С. 27 ; Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 13–14 ; Рахунов Р. Д. Проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вопросы борьбы с преступностью. 1978. № 29. С. 84 ; Рустамов Х. У. Уголовный процесс. Формы. М., 1998. С. 13 ; Советский уголовный процесс / под ред. Б. Т. Безлепкина. М., 1989. С. 37 ; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2005. С. 50 ; Францифоров С. Ю. Уголовно-процессуальная форма – гарантия обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. 2008. № 3. С. 9.

² См.: Великий Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы : история, современность, перспективы. Оренбург, 2005. С. 14.

дования и рассмотрения уголовно-правовых конфликтов, безусловно, уже на ранних исторических этапах развития уголовного процесса потребовали строгой формальной определенности соответствующих социальных связей. Дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства шло по пути постепенного усложнения уголовного процесса, появления различных форм производства, разграничения прав и обязанностей участников процесса.

Установить формальную определенность исследуемых отношений – задача не только юридическая, но и аксиологическая, ибо правила судопроизводства объективно отражают сущность конкретного типа уголовного процесса через воплощаемые им нравственные ценности, положение личности в системе отношений с государством, наконец, тот или иной политический режим. Таким образом, уголовно-процессуальная форма закрепляет процессуальную процедуру, в соответствии с которой осуществляется деятельность, приводящая к справедливому разрешению уголовно-правовых конфликтов и торжеству правосудия. То есть процессуальная форма является, помимо всего прочего, показателем правовой культуры, развитости и цивилизованности народа.

Как показывает история, попытки упразднения уголовно-процессуальной формы приводят к страшным последствиям. Например, ее замена принятием решений в соответствии с революционным правосознанием в 20–30-е гг. XX в. привели к массовым репрессиям. К счастью, коренного слома системы уголовного судопроизводства в те годы не произошло³.

Однако трансформация социально-экономического базиса общества как следствие объективного развития всех сфер жизни не может не касаться и уголовно-процессуальной сферы. Переход к демократическим политическим режимам и уголовному процессу охранительного типа с приоритетом прав личности был обусловлен в том числе изменившимся до неузнаваемости уровнем личностного самосознания, которое уже понимало свою роль и значение в реализации процессуальных интересов в отношениях с государством в лице его должностных лиц и органов.

Кроме того, процессуальные отношения в своем развитии с учетом научно-технического прогресса специализируются, усложняются, технократизируются, бюрократизируются, поэтому возникает необходимость в дифференцированных подходах к различным категориям уголовных дел. Меняются и отдельные нравственные ценности в силу общего свойства историчности морали, да и вся аксиологическая система общества. На рубеже двадцатого и двадцать первого столетий данные изменения ярко проявляют основную тенденцию – расширение автономии воли участников уголовного процесса в выборе способов разрешения уголовно-правового конфликта и отстаивании своих процессуальных интересов. Более обстоятельно данная проблема в процессуальной науке представлена исследованием проблемы соотношения частных и публичных интересов в уголовном процессе и расширения первых из них.

После длительного периода, ввиду событий 1930–1940-х гг., большинство ученых не допускали мысли о сокращении гарантий прав личности в уголовном процессе и какой-либо дифференциации уголовно-процессуальной формы, в начале 90-х гг. прошлого века при составлении концепции судебной реформы Российской Федерации о ней вновь заговорили⁴.

³ См.: Михайловская И. Б. Указ. соч. С. 16.

⁴ Концепция судебной реформы Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М., 1992. С. 45.

Однако полноценная возможность установления дифференцированных форм уголовного процесса стала реальностью только с принятием УПК РФ 2001 г., который коренным образом изменил ситуацию: им предусмотрены, помимо обычных, и усложненные, и упрощенные виды досудебных и судебных производств. Наряду с этим в науке активно стал обсуждаться принцип единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы, под которым понимается способ построения процесса, тенденция его развития, а также характерная черта процессуальной формы и ее свойства⁵.

Исключительная важность дифференциации уголовно-процессуальной формы состоит в том, что унифицированный уголовный процесс не может удовлетворять стремительно изменяющиеся с течением времени потребности общества и превращается в тормоз в развитии процессуальной формы⁶.

Традиционно считается, что возможны два направления дифференциации: упрощение и усложнение. Под усложнением понимается увеличение сроков производства по делу, введение дополнительных гарантий прав личности в зависимости от ее природных, социальных или профессиональных признаков, участие большего числа субъектов, принимающих решение, и их более высокое должностное положение, дополнительное санкционирование и т.д. При упрощении, соответственно, наоборот.

Помимо этого, в последнее время в нашей стране намечается тенденция к дифференциации уголовно-процессуальной формы в зависимости от объекта преступления, не имеющая целью ее упрощение или усложнение, скорее она происходит из желания направить практику на конкретный вариант применения дискретных полномочий и оценочных норм УПК РФ. Так, во исполнение идеи предыдущего Президента России Д. А. Медведева о сокращении административного давления на бизнес (знаменитое «перестаньте «кошмарить» бизнес!») были введены особые нормы, регулирующие отдельные вопросы производства по делам о преступлениях экономической и предпринимательской направленности, включая избрание мер пресечения, отдельное основание для прекращения уголовного дела и т. д.

К целям создания упрощенных процессуальных форм относят: ускорение процесса и его удешевление по преступлениям невысокой общественной опасности и процессуальной сложности. Целью создания усложненных процессуальных форм является установление дополнительных гарантий прав личности в уголовном процессе, обусловленных, как правило, социальными причинами.

Однако среди причин дифференциации форм уголовного судопроизводства есть и яркая аксиологическая причина – ценность формы вначале как нерушимых единых правил справедливой процессуальной процедуры уступает место ценности самостоятельного участия личности в решении судьбы уголовного дела, необходимости его сделать менее затратным для человека во всех смыслах, особенно экономическом и эмоциогенном. Вместе с тем самые сложные с социальной, бытовой, семейной и нравственной точек зрения дела с уязвимостью субъекта требуют особых гарантий: справедливо противопоставить безличию государства и единству его правил участие и особое внимание общества, заботу конкретных должностных лиц и т. д.

Таким образом, дифференциация уголовно-процессуальной формы опирается на баланс ценностей субъектоцентризма и объектоцентризма в обществе.

⁵ См.: Великий Д. П. Указ. соч. С. 24–25.

⁶ См.: Михайловская И. Б. Указ. соч. С. 21.

К упрощенным уголовно-процессуальным формам относятся производство у мирового судьи, особый порядок судебного разбирательства, дознание, дознание в сокращенной форме; к усложненным уголовно-процессуальным формам относится производство в суде присяжных.

Новой и одной из самых спорных уголовно-процессуальных форм является производство при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, регулируемое главой 40.1 УПК РФ. С одной стороны, комплекс дополнительных гарантий, предоставляемый лицам, заключившим данное соглашение, позволяет говорить об усложнении уголовно-процессуальной формы. С другой стороны, судебное заседание в данном случае проводится по правилам главы 40 УПК РФ, т. е. в упрощенном порядке. Однозначно сказать, к какой форме относится производство при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, на данный момент не представляется возможным.

Таким образом, российский уголовный процесс практически сложился в систему процессуальных форм, подчиненных собственной социально-правовой, экономической и, конечно, аксиологической логике, предопределив главный вопрос, адресуемый ее создателям: правильно ли проведена дифференциация уголовно-процессуальных порядков и насколько они себя оправдывают с точки зрения процессуальной и социальной эффективности. Не лишним будет обратить внимание и на то, что разные основания дифференциации обязательно должны влечь различия и в критериях оценки качества той или иной формы.

Так, суд присяжных, особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и досудебное соглашение с самого начала стали предметом серьезных дискуссий. Представляется, все они подвергаются именно аксиологическому ostracism, как не соответствующие моральным ценностям российского правосудия и не засуживающие права на жизнь, хотя главе 40.1 УПК РФ больше других досталось еще и по части процессуальной конструкции и юридической техники. Остальные формы отличаются от указанных тем, что их существование как теоретических моделей уголовно-процессуальных порядков в основном не оспаривается, но весьма жестко оценивается процессуально-правовое качество в системе уголовного судопроизводства. Яркий тому пример – дознание и сокращенное дознание: мало кто считает, что упрощение расследования несложных дел необходимо, особенно сейчас, когда отмечается рост нагрузки на досудебное производство, но еще меньше тех, кто одобрил предложенную законодателем в действующем УПК РФ конструкцию данных процессуальных форм.

Таким образом, вслед за верным ранжированием главных и второстепенных целей дифференциации уголовно-процессуальной формы в зависимости от преобладания в них аксиологических оснований, или же наоборот, следует правильно их оценивать. Смеем утверждать, что дознание, особые порядки глав 40 и 40.1 УПК РФ призваны разрешать уголовно-правовые конфликты исключительно с праксиологических позиций, без лишних эмоций и даже с некоторым отчуждением от нравственных ценностей. Суд же присяжных – это яркий пример не практичной, а нравственно-психологической потребности разрешения проблем, на которую ориентирован уголовно-процессуальный порядок, ибо факт наличия у народа трибуны здесь важнее голый эффективности государственно-значимой деятельности.

Поэтому и оценивать эти формы нужно по соответствующим критериям: ценностные рассуждения о качестве дознания и особых порядков глав 40 и 40.1 УПК РФ следует отставить. Скорее следует прививать нравственную ценность равно-

правных переговоров, в которых в полной мере и реализуется свобода выбора каждой личности, а не упорно твердить о дьявольском происхождении «торговли с правосудием». В то же время конкретно-практический правовой анализ не уместен при оценке суда присяжных, где, как традиционно считается, главенствует обывательское понимание справедливости над правовым.

Обращение к данным официальной статистики, на наш взгляд, весьма красноречиво это подтверждает. Так, сугубо «техническая» оценка дознания подтверждает мнение теоретиков, да и практиков о его неэффективности как упрощенной формы расследования. В среднем на одного дознавателя, по словам министра внутренних дел России В. А. Колокольцева, приходится 35 уголовных дел, в основном кражи, стоимость расследования которых существенно превосходит сумму причиненного ущерба⁷. Более половины дел, находящихся в производстве органов дознания, приостанавливается по различным основаниям, преимущественно по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, т. е. при невозможности установить лицо, совершившее преступление.

В то же время в России активно заработал особый порядок в соответствии с главой 40 УПК РФ, причем с каждым годом растут как число дел, рассмотренных в особом порядке, так и их удельный вес в структуре оконченных производством дел. Несмотря на то, что для этого потребовалось уточнение Верховным Судом условий его применения, число которых достигло вместе с УПК РФ 12 пунктов⁸ и сделало их систему, по справедливому замечанию Д. П. Великого, одной из самых сложных по сравнению с другими процессуальными формами⁹.

Так, в 2015 г. указанная процессуальная форма судами применена по 67,1 % оконченных производством уголовных дел. В 2016 г. особый порядок применялся по 68,6 % от общего числа оконченных дел¹⁰. Таким образом, доверие судов различных звеньев к особому порядку судебного разбирательства объективно высоко. При этом надо заметить, что появившийся в 2009 г. институт досудебного соглашения о сотрудничестве в силу множества существенных недоработок и противоречий долгое время применялся правоприменителем с высочайшей степенью осторожности. Статистика применения данного института показывает, что поначалу только 1/3 досудебных соглашений о сотрудничестве успешно заключалась и выполнялась¹¹. Помимо этого, до сих пор велик процент обжалования приговоров, вынесенных судом в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Причем данные приговоры одинаково часто обжалуются как стороной защиты, так и обвинения именно в связи с несоответствием наказания степени тяжести деяния¹². Однако уже в 2015–2016 гг., по

⁷ Владимир Колокольцев высказался за введение в законодательство РФ понятия уголовного проступка. URL: <http://news.mail.ru/politics/10763984/?frommail=1> (дата обращения: 30.10.2016).

⁸ О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. // Рос. газета. 2006. 20 дек.

⁹ См.: *Великий Д. П.* Указ. соч. С. 101.

¹⁰ Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2015 и 2016 годов. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 28.07.2017).

¹¹ Интервью заместителя Генерального прокурора Российской Федерации В. Гриня информационному агентству «Интерфакс». URL: <http://www.genproc.gov.ru/news/news-72038> (дата обращения: 10.11.2016).

¹² Приговор по делу о бандитизме, похищении, убийстве, организации, пособничестве в убийстве, использовании подложного документа оставлен без изменения, так как наказание осужденному назначено с учетом характера и степени общественной опасности совершенных

данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в России судами всех уровней рассмотрено 8664 уголовных дела, или 0,4 % от общего числа окончанных производством уголовных дел¹³.

Анализ деятельности суда присяжных свидетельствует о значительно меньшей по сравнению с обычными судами стабильности их приговоров. Многочисленные критические замечания повлекли в итоге законодательный пересмотр их подсудности. На наш взгляд, это следствие изначально неудачной конструкции подсудности судов присяжных (п. 2 ч. 2 ст. 30) в действующем УПК РФ. Так, большинство бытовых преступлений, в том числе и простых убийств, в которых проявляется сложная бытовая трактовка справедливости и где полезен житейский опыт представителей народа, квалифицируются по статьям УК РФ, не подпадающим под подсудность суда присяжных. В то же время сложнейшие и не поддающиеся восприятию обывателя составы преступлений как отнесенные к подсудности судов субъектов Федерации могут быть предметом рассмотрения суда с участием представителей народа. Не удивительно, что статистически (т. е. не аксиологически, а чисто по практическим соображениям) суд присяжных – абсолютно не эффективен, ибо доля рассмотренных им уголовных дел в 2015–2016 гг. составляет около 235 в год, т. е. 0,03 % от всех окончанных производством уголовных дел¹⁴ (за 10 лет снижение более чем в 2 раза). Впрочем, ситуация может сильно скорректироваться вследствие завершения реформы суда присяжных.

Таким образом, дифференциация уголовно-процессуальной формы – сложнейшее явление, требующее системных многоплановых подходов, в том числе и аксиологических.

преступлений, данных о его личности, всех обстоятельств : определение Верховного Суда РФ от 23 марта 2011 г. № 11-О11-13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Приговор по делу о бандитизме, убийстве, незаконном обороте оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ оставлен без изменения, так как наказание осужденному назначено с учетом характера и степени общественной опасности каждого из совершенных им преступлений, данных о личности, обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание : определение Верховного Суда РФ от 22 марта 2011 г. № 11-О11-25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Приговор суда по делу об убийстве и разбое оставлен без изменения, так как виновность осужденного в совершении преступления подтверждена совокупностью доказательств, исследованных в судебном заседании и приведенных в приговоре, наказание назначено с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, данных, характеризующих личность виновного, всех обстоятельств дела, в том числе смягчающих наказание, отягчающих наказание обстоятельств судом не установлено : определение Верховного Суда РФ от 16 февраля 2010 г. № 66-О09-228. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2015 и 2016 годов. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 28.07.2017).

¹⁴ Там же.

Юго-Западный государственный университет (г. Курск)

*Козявин А. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики*

South-West State University (Kursk)

*Kozyavin A. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Criminal Process and Criminalistics Department
E-mail: koziavin@mail.ru*

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Исследуется проблема справедливости в уголовном судопроизводстве. Рассматривается соотношение справедливости и гуманизма. Анализируется действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее вопросы, связанные со справедливостью.

К л ю ч е в ы е с л о в а: справедливость, гуманизм, судебный приговор, справедливость приговора, справедливое наказание.

JUSTNESS IN CRIMINAL PROCEDURE LAW

The article researches problem of justness in criminal trial. Correlation of justness and humanism. Author analyses the current criminal and criminal procedure law regulating justness.

К e y w o r d s: justness, humanism, sentence, justness of sentence, justness of punishment.

Поступила в редакцию 13 ноября 2017 г.

Справедливость уголовного судопроизводства является фундаментальной характеристикой, свидетельствующей об эффективности правосудия и судебной системы в целом. По верному замечанию Г. В. Ф. Гегеля, «... даже один лишний удар или недостающий талер или грош, одной неделей, одним днем больше или меньше тюремного заключения – уже несправедливость»¹.

Уголовный закон охраняет наиболее значимые общественные и государственные интересы, а за их нарушение предусматривает санкцию – наказание. Юридическая ответственность за совершение преступления связана с применением к виновным наиболее строгого вида государственного принуждения – уголовного наказания. Такие меры предполагают существенное ограничение прав и свобод граждан, вплоть до пожизненного лишения свободы.

Иногда приговор суда может предрешить судьбу человека, поэтому к его вынесению необходимо подходить тщательнейшим образом. Несправедливые решения порождают разочарование в правосудии, недоверие как к судам, так и к государству в целом, что может привести и к отрицанию права – правовому нигилизму.

При вынесении решения судья, прежде всего, опирается на закон. Рассмотрение уголовного дела заканчивается вынесением итогового судебного акта, в большинстве случаев – приговора. Законодатель установил, что приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым (ч. 1 ст. 297 УПК РФ). При этом согласно уголовно-процессуальному закону, приговор признается таковым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона (ч. 2 ст. 297 УПК РФ).

Содержание категории «справедливость» в законодательстве РФ отсутствует, это оценочное понятие. Не стоит, однако, полагать, что справедливость судебного решения зависит только от правоприменителя, что означало бы произвол. Она должна основываться не только на субъективных, но и на объективных началах.

¹ Цит. по: Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 251.

© Кривошеев С. И., 2017

Справедливость можно рассматривать в ее общесоциальном, философском, этическом и правовом аспектах.

Значение слова «справедливость» в русском языке определяется как соответствующий истине, правильный².

В этике справедливость – это понятие морального сознания, выражающее общее соотношение ценностей и благ между собой и их распределение между индивидами, между деянием и воздаянием³. В философии справедливость рассматривается как соотношение явлений, распределение блага и зла между людьми, деянием и воздаянием⁴.

Категория справедливости не раз становилась предметом исследования в правовой науке.

Г. В. Мальцев полагал, что «в самом общем смысле справедливость означает принятый обществом или господствующим классом в качестве нравственно оправданного и правильного масштаб для соизмерения действий субъекта в пользу (или во вред) общества и других лиц с ответными действиями последних»⁵. Следовательно, справедливость представляет собой некое мерило, с помощью которого можно соизмерять действия лица и меру ответственности за эти действия.

А. И. Экимов, рассматривая понятие справедливость, отмечал следующее. Во-первых, оно имеет оценочный характер, но в отличие от других категорий этики с позиции справедливости оценивается не отдельное явление, а соотношение явлений. Во-вторых, понятие справедливости носит нормативный характер, так как включает в себя представления о должном и предполагает соответствующее должное поведение. Таким образом, понятие справедливости в отличие от чувства включает в себя не только индивидуальный, но и общесоциальный опыт⁶. С данной точкой зрения следует согласиться, так как справедливость нельзя рассматривать только с позиции мировоззрений отдельной личности, с индивидуальным жизненным опытом, воспитанием, образованием и убеждениями.

З. А. Берешкина также полагает, что понятие справедливости строится не только на субъективных представлениях личности, но и обуславливается объективными факторами. К таким факторам относятся экономические, политические, правовые условия жизни данного общества, и именно они формируют конкретно-историческое содержание понятия справедливости⁷.

Справедливость, являясь, прежде всего, этической категорией, имеет конкретно-историческое содержание. Как верно отмечает Г. В. Мальцев, абстрактной модели социальной справедливости, действительной для всех времен и общественно-экономических формаций, не существует⁸. Не вдаваясь в глубокий анализ сущности справедливости согласно представлениям Г. В. Мальцева, следует отметить, что в сфере права только такой подход имеет право на существование. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением К. В. Бубона о том, что «совет-

² См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. С. 747.

³ См.: Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова, И. С. Кона. 6-е изд. М., 1989. С. 333.

⁴ См.: Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М., 1980. С. 349.

⁵ Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М., 1977. С. 54.

⁶ См.: Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980. С. 42–43.

⁷ См.: Берешкина З. А. Проблема справедливости в марксистско-ленинской этике. М., 1974. С. 114.

⁸ См.: Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 78.

ские приговоры в отношении спекулянтов не были справедливыми, даже если большинство советских людей переживали их как таковые». Автор аргументирует свою позицию тем, что граждане, занимающиеся предпринимательской деятельностью в СССР не были представлены ни на одном уровне власти, в связи с чем их мнение при законотворчестве не учитывалось⁹. Данный подход представляет собой попытку вывести такую справедливость, которая была бы актуальна на все времена. Однако такой подход невозможно реализовать на практике. В СССР согласно марксистско-ленинской этике в сфере обмена и распределения благ, в том числе материальных, под справедливостью понимали, прежде всего, эквивалентность обмена, недопустимость частной собственности, которая неминуемо обогащает одних и поднимает их над другими. Это говорит о подходе советского законодателя к рассматриваемому вопросу с позиции нравственности; советских граждан воспитывали быть равными, в СССР пытались не допустить такие негативные свойственные рыночной экономике явления, как безработица и др. В связи с этим говорить о несправедливости приговоров именем СССР в отношении спекулянтов некорректно. Можно привести массу примеров, когда те или иные поступки признаются справедливыми или несправедливыми в зависимости от эпохи, от государственного строя конкретного государства, а также в различных государствах. Существуют страны, где разрешен оборот наркотических средств, стрелкового и холодного оружия, легализовано занятие проституцией, допускается эвтаназия. Уголовным законом Российской Федерации все это запрещается под угрозой наказания, вместе с тем, несмотря на представления о справедливости отдельных лиц, нельзя считать приговоры несправедливыми исключительно потому, что это не соответствует моделям справедливости каких-либо индивидов. В целом российское общество не готово к такого рода изменениям в правосознании, и все вышеперечисленные запреты действительно воспринимаются им как справедливые. Таким образом, корректно рассматривать справедливость, особенно в сфере уголовного процесса, применительно к конкретно-историческому типу государства.

В науке уголовного процесса можно встретить множество подходов к трактовке понятия «справедливость». Ее рассматривают и как требование к приговору и иным актам правосудия, и как принцип уголовного судопроизводства, и как моральный аспект процессуальной деятельности и решений.

В частности, Э. Г. Шкредова, Н. Е. Муллахметова, А. А. Маганкова в качестве критериев справедливости приговора рассматривают соответствие наказания тяжести содеянного, личности осужденного¹⁰. Кроме того, авторы выделяют две группы факторов, влияющих на справедливость наказания: с одной стороны, законность, целесообразность и обоснованность наказания, гуманизм, равенство граждан перед законом, а с другой – общие правила назначения наказания (ст. 60 УК РФ)¹¹.

Указанную точку зрения следует поддержать в том, что действительно применительно к справедливости приговора следует оценивать наказание с точки зрения его соответствия совершенному преступлению и личности виновного.

⁹ См.: Бубон К. В. Справедливость : поддается ли она юридическому описанию? // Адвокат. 2011. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Шкредова Э. Г., Муллахметова Н. Е., Маганкова А. А. Принцип справедливости : теория и практика применения судами при рассмотрении уголовных дел. М., 2016. С. 62.

¹¹ См.: Там же. С. 117.

Судья обязан исходить из законности, целесообразности и обоснованности наказания, т. е. верно применить правила назначения наказания, определить наказание исходя из назначения уголовно-процессуального законодательства и целей наказания (ст. 6 УПК РФ, ст. 6, ч. 2 ст. 43 УК РФ). Вместе с тем недопустимо включение в содержание понятия «справедливость» идей гуманизма. Нельзя не согласиться с В. Д. Попковым, который отмечает, что в сфере применения уголовного наказания стремление следовать принципу гуманизма приводит к игнорированию принципа справедливости: «строгое, неуклонное соблюдение уголовного законодательства не вступает в противоречие с принципом социалистического гуманизма, потому что сами законы ... предусматривают гуманное отношение к преступнику...»¹². Действительно, при вынесении итогового решения суд должен, прежде всего, стремиться к справедливому итогу рассмотрения дела. В связи с этим необходимо учитывать не только права и законные интересы отдельных лиц, но и интересы общества и государства в целом. Справедливость связана с гуманизмом, но при этом она в отличие от гуманизма учитывает интересы не конкретного лица, а всех лиц, общества и государства в их взаимосвязи. Так, суровое наказание не является гуманным по отношению к подсудимому, но воспринимается как гуманное отношение к потерпевшему, который понес страдания в результате преступления, нередко способствует предотвращению совершения новых преступлений, что отвечает интересам общества и государства. Требование справедливости, а не гуманизма выступает ориентиром в уголовно-процессуальной деятельности, связанной с вынесением итогового судебного решения, а принцип гуманизма соблюдается в этичном и законном обращении с подсудимым со стороны участников судопроизводства. Это может выражаться как в выборе мер пресечения, так и в корректности общения с преступником, условиями его содержания под стражей, предоставлении ему реальной возможности для защиты своих прав. Нельзя согласиться с Б. А. Осипяном, который полагает, что нецелесообразным является наказание в виде пожизненного лишения свободы, в том числе ссылаясь на признанные принципы европейского права¹³. По всей видимости, автор отстаивает позиции гуманизма, совершенно игнорируя при этом принцип социальной справедливости.

По мнению М. А. Чайковской, справедливость как требование к приговору следует понимать только с точки зрения соразмерности назначенного наказания совершенному преступлению. По мнению автора, несправедливость приговора может выражаться в случае назначения чрезмерно сурового наказания, неправильного определения порядка отбытия наказания либо вида исправительного учреждения, чрезмерная мягкость наказания, назначения наказания за деяние, являющееся малозначительным¹⁴.

В таком аспекте справедливость приговора получает конкретное юридически формальное выражение. Вместе с тем, даже при таком подходе, невозможно создать абсолютно объективную справедливость. Это связано с тем, что все санкции статей Особенной части уголовного закона являются альтернативными и предусматривают различные виды наказаний, верхний и нижний пределы размера того

¹² Попков В. Д. Гуманизм советского права. М., 1972. С. 98.

¹³ См.: Осипян Б. А. Обоснование неправомерности смертной казни и пожизненного лишения свободы // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление. 2011. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ См.: Чайковская М. А. Свойства приговора. М., 2013. С. 159–160.

или иного вида наказания. Следовательно, размер и вид наказания во многом зависит от судебного усмотрения. Такое усмотрение имеет определенные законодательные рамки, выход за пределы которых недопустим. В частности, судья при определении наказания должен, прежде всего, руководствоваться законом. При наличии правовых неопределенностей, пробелов, оценочных понятий, судья принимает решение по своему внутреннему убеждению. Последнее связано с судебским усмотрением, оно отражает его психологическую сторону, мыслительно-логический процесс, приводящий к умозаключению по тому или иному вопросу. Внутреннее убеждение должно быть основано как на материалах дела, так и на законе и совести (ст. 17 УПК РФ). Если законодательно регламентировать судебское усмотрение при назначении наказания невозможно, то законодательно установить определенные критерии, по которым следует оценивать справедливость приговора, – задача обязательная.

Основой для вынесения справедливого приговора является материальный закон. Принцип справедливости в уголовном праве предполагает, что наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ). В качестве целей наказания в УК РФ предусматриваются такие, как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Наказание назначается в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, и с учетом положений Общей части УК РФ. Более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания (ч. 1 ст. 60 УК РФ). При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ч. 3 ст. 60 УК РФ).

Эти положения закона являются краеугольным камнем при назначении справедливого наказания. Как известно, нормы уголовного закона претворяются в жизнь посредством механизмов уголовно-процессуального права. Таким образом, в процессе судебного разбирательства судья всесторонне устанавливает фактические обстоятельства дела и данные, характеризующие личность подсудимого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, и другие факты, что в последующем в совокупности оценивается при назначении наказания. В приговоре суда все эти обстоятельства должны обязательно найти свое отражение. На это прямо ориентирует позиция Верховного Суда РФ, согласно которой суду в приговоре необходимо указывать, какие обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности подсудимого, а также иные обстоятельства, характеризующие его личность, доказаны при разбирательстве уголовного дела в соответствии с требованиями ст. 73 УПК РФ и учтены судом при назначении наказания¹⁵. Только всестороннее исследование и оценка доказательств могут свидетельствовать об объективности и справедливости итогового судебного решения.

Таким образом, в уголовном судопроизводстве справедливость представляет собой юридико-этическую категорию, что предполагает преломление нравствен-

¹⁵ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ных принципов сквозь нормы закона. С целью обеспечения вынесения справедливого итогового решения по уголовному делу судья должен руководствоваться законом и правосознанием и учесть все фактические обстоятельства, связанные с преступлением и личностью виновного, которые были установлены в ходе всестороннего и полного исследования доказательств.

Кривошеев С. И., помощник прокурора
Левобережного района г. Воронежа

Krivosheev S. I., Assistant Prosecutor of the Levoberezhny District
of Voronezh

E-mail: yanis00@yandex.ru

Tel.: 8-919-238-14-88

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Раскрываются нравственные основы современной нормотворческой и правоприменительной деятельности в сфере уголовного судопроизводства. На основе анализа российского уголовно-процессуального законодательства, правовых позиций Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, а также статистических данных, характеризующих правоприменение в рассматриваемой сфере, отмечается расширение гарантий прав участников уголовного процесса, повышение уровня законности при производстве по уголовным делам, гуманизация сферы процессуального принуждения. Обосновывается необходимость и вносятся конкретные предложения по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуальной политики Российского государства. К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовно-процессуальная политика, законность, гарантии прав участников уголовного судопроизводства, суд.

MORAL BASES OF MODERN CRIMINAL PROCEDURE POLICY OF THE RUSSIAN STATE

In article moral bases of modern rule-making and law-enforcement activity in the sphere of criminal legal proceedings reveal. On the basis of the analysis of the Russian criminal procedure legislation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation and also statistical data characterizing a law enforcement in the considered sphere expansion of guarantees of the rights of participants of criminal trial is noted, by production on criminal I have put increase in level of legality, a humanization of the sphere of procedural coercion. Need is proved and specific proposals on further improvement of criminal procedure policy of the Russian state are made.

K e y w o r d s: criminal procedure policy, legality, guarantees of the rights of participants of criminal legal proceedings, court.

Поступила в редакцию 5 сентября 2017 г.

В Толковом словаре русского языка понятие «нравственность» интерпретируется как внутренние, духовные качества человека, определяющие его поведение¹. Нравственные основы уголовно-процессуальной политики можно представить как внутреннюю сущность данной политики, формируемой в ходе нормотворческой и правоприменительной деятельности в сфере раскрытия преступления, расследования и разрешения уголовных дел, исполнения решения суда по уголовному делу, международного сотрудничества при осуществлении противодействия преступности.

Поскольку уголовно-процессуальная политика является элементом уголовной политики², то ее нравственные основы обуславливаются сущностью и содержа-

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 1999. С. 423.

² См.: Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности : история, современность, перспективы и проблемы / под ред. В. З. Лукашевича.

нием современной уголовной политики Российского государства. Последняя характеризуется расширением гарантий прав, законных интересов личности, как потерпевшей от преступления, так и подвергающейся уголовному преследованию либо в отношении которой исполняется решение суда по уголовному делу. Для достижения последнего в сфере противодействия преступности усиливаются гуманистические начала, осуществляется дальнейшая дифференциация порядка привлечения лица к уголовной ответственности с учетом степени опасности для личности, общества, государства последствий совершенного деяния, расширяются рамки международного сотрудничества в области противодействия преступности.

В современной уголовно-процессуальной политике в области нормотворчества это нашло проявление в том, что, во-первых, уголовно-процессуальное законодательство дополнено правовыми нормами – гарантиями прав, свобод участников уголовного судопроизводства. В частности, в целях обеспечения права личности на доступ к правосудию в разумный срок в 2010 г. УПК РФ был дополнен ст. 6.1 (разумный срок уголовного судопроизводства), а также был принят ряд федеральных законов (№ 68-ФЗ, 69-ФЗ), закрепивших гарантии осуществления указанного права человека. В 2013 г. Федеральным законом № 432-ФЗ был существенно расширен объем прав потерпевшего. Так, на более раннем этапе уголовного судопроизводства пострадавший стал приобретать процессуальный статус потерпевшего – при возбуждении уголовного дела; расширен перечень процессуальных документов, копии которых имеет право получать потерпевший; потерпевший также наделен правом на уведомление о перемещении осужденного, который совершенным преступлением причинил ему вред, и др.). В целях дальнейшего расширения гарантий прав участников уголовного судопроизводства в марте 2017 г. в уголовно-процессуальный закон были внесены изменения в части совершенствования порядка осуществления государственной защиты, в апреле 2017 г. – изменения, установившие дополнительные гарантии прав адвокатов. Так, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ определен новый порядок вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника – по решению адвокатской палаты; в качестве недопустимых стали признаваться доказательства, полученные посредством изъятия из производства адвоката по делам его доверителей при производстве оперативно-розыскных или следственных действий; и др.).

Во-вторых, осуществляется дальнейшая дифференциация форм уголовного судопроизводства с целью обеспечения права личности на доступ к правосудию в разумный срок, на необходимость чего ориентирует Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (п. 1 ст. 6). Наряду с особым порядком принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ) появились новые формы уголовно-процессуальной деятельности: принятие судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), производство дознания в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ). Отмеченное свидетельствует о стремлении законодателя определить бо-

СПб., 2003. С. 274 ; *Миньковский Г. М.* О понятии и системе уголовной политики в свете положений Конституции СССР // Конституционно-правовые основы организации и деятельности органов внутренних дел. М., 1982. С. 82–83 ; *Загородников Н. И.* Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел. М., 1979. С. 13 ; *Гальперин И. М., Курляндский В. И.* Предмет уголовной политики и основные направления ее изучения. Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 94.

более эффективные с точки зрения результативности, затратности средства и способы разрешения уголовно-правового конфликта, возникшего между личностью и государством. На важность поиска таких средств обращала внимание профессор И. Б. Михайловская³.

В правоприменительной деятельности отмечается также укрепление приоритета соблюдения прав, свобод участников уголовного процесса. Подтверждением тому выступает ряд фактов.

1. Повысился уровень законности при производстве по уголовным делам. В частности, за последние годы в целом отмечается тенденция снижения числа лиц, которые содержались под стражей и в отношении которых следователями органов внутренних дел, Следственного комитета России было прекращено производство по уголовному делу по реабилитирующему основанию или постановлен судом оправдательный приговор по уголовным делам, находившимся в производстве следователей указанных правоохранительных структур (рис. 1).

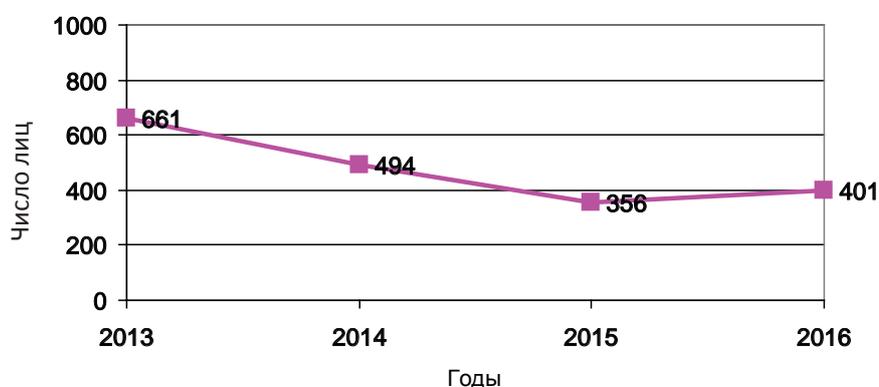

Рис. 1. Динамика числа лиц, содержащихся под стражей и в отношении которых прекращено производство по уголовному делу по реабилитирующему основанию или постановлен оправдательный приговор⁴

Некоторое увеличение числа лиц указанной категории по итогам 2016 г. можно связать со сменой руководства Следственного департамента МВД России. Тем не менее результаты сравнения приведенных показателей с аналогичными показателями 2006–2009 гг. подтверждают верность заключения автора о повышении уровня законности в сфере уголовного судопроизводства, что особенно важно – в досудебном производстве – в 2,5–3 раза (табл.).

Отмеченное свидетельствует о более взвешенном подходе судов, прокуроров, руководителей следственного органа, следователей к необходимости ограничения прав подозреваемого, обвиняемого на свободу, личную неприкосновенность.

2. Отмечается дальнейшая гуманизация сферы применения мер процессуального принуждения. Курс на гуманизацию рассматриваемой сферы в Российском государстве был обозначен в 2009 г. на заседании президиума госсовета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», где президент страны уточнил, что внутренней установкой должно быть использование домашнего ареста в качестве альтернативной заключению под стражу и эффективной ме-

³ См.: Михайловская И. Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Государство и право. 2005. № 5. С. 114.

⁴ См.: Основные показатели работы органов предварительного следствия в системе МВД России в 2013–2016 годы. М., 2017. С. 43.

Т а б л и ц а

*Соотношение количества незаконно заключенных под стражу
в досудебном производстве в 2006–2009 и 2013–2016 гг.*

Годы	Число незаконно содержащихся под стражей подозреваемых, обвиняемых	Годы	Число незаконно содержащихся под стражей подозреваемых, обвиняемых
2006	1478	2013	661
2007	1106	2014	494
2008	911	2015	356
2009	880	2016	401

рой пресечения⁵. На необходимость гуманизации сферы применения мер пресечения не раз указывал и Европейский суд по правам человека (дело «Калашников против Российской Федерации» (2002 г.), «Мамедова против Российской Федерации» (2006 г.), «Дубинский против Российской Федерации» (2008 г.), «Самойлов против Российской Федерации» (2002 г.) и др.)⁶. Вследствие указанного стала формироваться правоприменительная практика, свидетельствующая о более широком применении менее строгой в сравнении с заключением под стражу меры пресечения – в виде домашнего ареста (рис. 2).

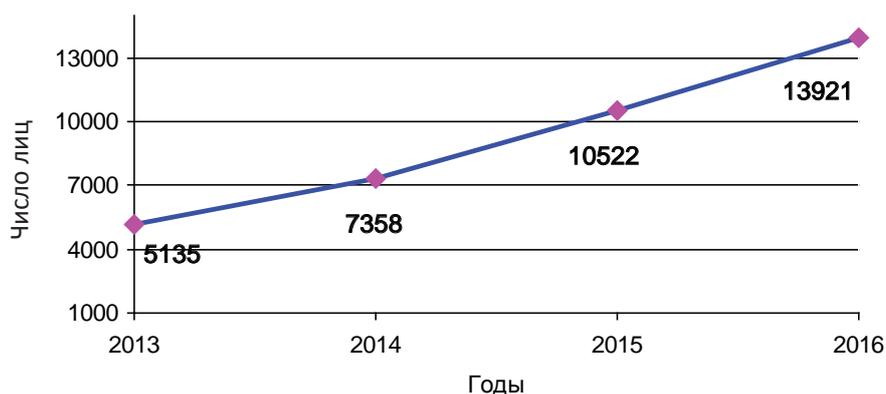

Рис. 2. Динамика числа подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, в отношении которых суд избрал меру пресечения в виде домашнего ареста⁷

В контексте указанного, характеризуя современную отечественную уголовно-процессуальную политику, следует подчеркнуть, что она в большей степени стала отвечать сущности состязательного процесса. Вместе с тем отмечается дисбаланс процессуальных гарантий, обеспечивающих в первую очередь права и законные интересы подозреваемого, обвиняемого в ущерб правам и законным интересам потерпевшего. В качестве подтверждения можно указать закрепленный уголовно-процессуальным законом порядок защиты прав потерпевшего в ходе производства по уголовному делу. В частности, перечень моментов появления защитника подозреваемого, обвиняемого в уголовном судопроизводстве за счет средств федерального бюджета достаточно широк (ст. 49 УПК РФ). Многочисленными представляются и условия обязательного участия защитника в уголовном деле (ст. 51 УПК РФ), что фактически обеспечивает участие защитника в каждом

⁵ См.: Малышева О. А. Домашний арест : процессуальные и организационно-правовые проблемы : науч.-практ. пособие. Saarbrücken (Saarbrücken), 2014. С. 3.

⁶ Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2007–2009 гг.

⁷ Статистика ФСИН–1. Раздел 15.

уголовном деле. При этом в отношении потерпевшего действует ограничительное правило – оплата адвоката в качестве представителя за счет средств федерального бюджета законодателем предусмотрена в случае, если потерпевший не достиг возраста шестнадцати лет и в отношении его совершено преступление против половой неприкосновенности (ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ).

Следует принять во внимание тот факт, что законодатель предусматривает возмещение потерпевшему расходов на представителя (ч. 3 ст. 42 УПК РФ). Однако закрепленный УПК РФ процессуальный механизм возмещения указанных расходов (ст. 131 УПК РФ) не работает как минимум по двум причинам: первая – длительность производства по уголовному делу⁸; вторая – возмещение осуществляется только при вынесении судом решения по уголовному делу публичного и частно-публичного преследования (ст. 132 УПК РФ). Следователь (дознатель) не выносит соответствующего постановления, поскольку нормативно не определены размеры и не установлен порядок оплаты услуг представителя.

Декларируемая первостепенность защиты прав, законных интересов потерпевшего от преступления (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), включая право потерпевшего на возмещение причиненного преступлением вреда (ч. 3 ст. 42 УПК РФ), не обеспечивается в полной мере. Как показывает изучение правоприменительной практики, весомой причиной этого выступает установление законодательного запрета на заочное избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого, обвиняемого, скрывшегося от органов предварительного расследования и объявленного в федеральный розыск. Расширению процессуальных гарантий обеспечения указанного права потерпевшего способствовало бы устранение отмеченного запрета. Одновременно в целях ограждения подозреваемого, обвиняемого от необоснованного ограничения его права на свободу, личную неприкосновенность необходимо дополнить УПК РФ правовым механизмом осуществления судебного контроля за законностью и обоснованностью заключения такого лица под стражу: при задержании объявленного в федеральный розыск подозреваемого, обвиняемого вне места производства предварительного расследования он доставляется в суд (к судье) по месту задержания. Целесообразность такой законодательной новеллы подтверждается правовой позицией Верховного Суда РФ, который признает допустимым рассмотрение судом по месту задержания лица, объявленного в федеральный розыск, ходатайство об избрании в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу при наличии у суда надлежаще удостоверенных копий конкретных процессуальных документов⁹.

Поскольку обеспечение прав участников уголовного судопроизводства выступает концептуальной линией современной уголовно-процессуальной политики, то на фоне расширения международного сотрудничества в сфере противодействия преступности актуальным становится решение на законодательном уровне проблемы обеспечения прав лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче. Обоснованием данного утверждения выступают факты, имеющие место в

⁸ Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ разумный срок производства по уголовному делу составляет четыре года (см.: О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11).

⁹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (п. 18). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

российской правоприменительной практике: неуведомление иностранного гражданина о факте поступления в Российскую Федерацию запроса о его выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора, о предмете указанного запроса – совершение какого деяния вменяется лицу, запрашиваемому иностранным государством, о государстве, выступившем в качестве запрашивающей стороны; неразъяснение лицу его неотъемлемого права на защиту от незаконной и необоснованной выдачи запрашивающей Стороне посредством привлечение адвоката или лично себя защищать, предусмотренного Всеобщей декларацией прав человека 1948 г., Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г.; непредоставление лицу, в отношении которого поступил запрос о выдаче, права заявлять ходатайства, жалобы во время проведения экстрадиционной проверки, права знакомиться со всеми материалами экстрадиционной проверки, права давать разъяснения и предоставлять материалы, опровергающие доводы, изложенные в запросе запрашивающего государства.

Приведенные факты обуславливают целесообразность закрепления в УПК РФ в виде отдельной статьи правовой нормы, определяющей правовой статус лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче, что позволит расширить процессуальные гарантии законности и обоснованности решения о выдаче лица для исполнения приговора и будет способствовать более полному обеспечению права личности на защиту от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод, закрепленному п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ¹⁰.

Принципиальное отличие современной уголовно-процессуальной политики заключается в том, что в рассматриваемой сфере жизнедеятельности Российского государства укрепляется роль суда в правовом механизме разрешения уголовно-правового конфликта. На необходимость этого нацеливает Концепция судебной реформы в Российской Федерации, утвержденная в 1991 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР. Данный факт, по нашему мнению, накладывает на суды повышенную ответственность за принимаемые ими решения, которые должны соответствовать требованиям законности, обоснованности, мотивированности (ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 297 УПК РФ). Однако изучение правоприменительной практики свидетельствует о том, что суды нередко игнорируют не только законодательное установление, но и правовую позицию Верховного Суда РФ: приговор должен быть составлен в ясных и понятных выражениях, что исключает возможность употребления в приговоре неточных формулировок¹¹, влекущих возникновение у осужденного как участника уголовного судопроизводства трудностей при отбывании им уголовного наказания, назначенного судом.

В частности, при постановлении обвинительного приговора с назначением наказания в виде ограничения свободы суды тщательно не исследуют вопрос о том, пределы какого муниципального образования надлежит запретить покидать осужденному, что предписывает уголовно-правовая норма, закрепленная ст. 53 УК РФ. Вследствие указанного уже при постановлении приговора суды фактически инициируют нарушение осужденным условий отбывания наказания, поскольку в качестве указанного муниципального образования суды нередко указывает место, в котором лицо не имеет постоянного места жительства и не пребывает. Отме-

¹⁰ См.: Малышева О. А. Уголовно-процессуальные основы исполнения приговора. М., 2017. С. 232.

¹¹ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 (абз. 1 п. 22). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ченное влечет нарушение права лица на досрочное освобождение от отбывания уголовного наказания, предусмотренное ст. 79 УК РФ, а также право на сохранение его семейных связей.

Так, приговором мирового судьи судебного участка № 57 Ленинского судебного района г. Кирова от 28 августа 2015 г. осужденному к ограничению свободы Р. установлено ограничение на выезд за пределы территории муниципального образования «город Киров». Осужденный Р. в г. Кирове постоянного места жительства не имел, на момент постановления приговора он находился в г. Кирове на лечении от туберкулеза. Из них шесть месяцев стационарно. Постоянное место жительства и регистрацию осужденный Р. имеет в Санчурском районе Кировской области.

В целях устранения последствий неправосудного решения суда в ответ на обращения уголовно-исполнительных инспекций, осуществляющих исполнение данного вида наказания, неправомерно указывают на необходимость обжалования осужденным указанного решения в апелляционном порядке (предмет апелляционного обжалования иной – законность, обоснованность, справедливость приговора (ст. 389.9 УПК РФ)) либо на возможность исправления ситуации самой уголовно-исполнительной инспекцией – изменить вид муниципального образования, что не согласуется с содержанием ч. 3 ст. 53 УК РФ, ч. 4 ст. 50 УИК РФ. Такая судебная практика складывается, несмотря и на то что Верховный Суд РФ акцентировал внимание судов на необходимости обозначения в приговоре во всех случаях наказания таким образом, чтобы при его исполнении не возникало никаких сомнений относительно вида наказания, назначенного судом¹².

Несмотря на особое положение стадии исполнения приговора в системе уголовного судопроизводства обозначенная проблема является актуальной по причине того, что отечественный уголовный процесс должен функционировать таким образом, чтобы цели его назначения, определенные ст. 6 УПК РФ, достигались в результате взаимодействия всех стадий и институтов, всех системообразующих структурных элементов¹³.

В заключение следует подчеркнуть, что современная уголовно-процессуальная политика с точки зрения ее нравственных основ является более прогрессивной, более демократической в сравнении с уголовно-процессуальной политикой, осуществляемой в Российском государстве в прежние исторические эпохи. Между тем она нуждается в дальнейшем совершенствовании, поскольку требуется более полное и точное регламентирование уголовно-процессуальной деятельности в части обеспечения прав личности, достижения баланса прав участников уголовного судопроизводства, исключения практики принятия судами неправосудных решений в уголовно-процессуальной сфере.

¹² О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 (абз. 1 п. 15).

¹³ См.: Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. М., 2006. С. 102.

Академия права и управления ФСИН России

Малышева О. А., доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного процесса и криминалистики

Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia

Malysheva O. A., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of the Criminal Process and Criminalistics

ПРАВО НА ОБЖАЛОВАНИЕ ЛИЦА, ЗАПРАШИВАЕМОГО К ВЫДАЧЕ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Рассматриваются отдельные элементы существующей в рамках экстрадиционной процедуры системы обжалования. Показана обусловленность ее действием принципа, предусмотренного ст. 19 УПК РФ. Затронуты проблемы корректности использования понятия «злоупотребление правом на обжалование».

К л ю ч е в ы е с л о в а: обжалование, запрашиваемый к выдаче для уголовного преследования, Генеральный прокурор РФ, судебное заседание, гарантии, экстрадиционная процедура, судебная практика.

THE RIGHT TO APPEAL OF THE FACE, REQUESTED TO ISSUE FOR CRIMINAL PERSECUTION

The paper considers some elements of the system of appeal existing within the framework of the extradition procedure. It shows the conditionality of its operation by the principle stipulated in Art. 19 of the Code of Criminal Procedure. The problems of the correctness of using the notion of «abuse of the right to appeal» are touched upon.

К е у о r d s: appeal appealed for extradition for criminal prosecution, RF Prosecutor General, court session, guarantees, extradition procedure, judicial practice.

Поступила в редакцию 4 сентября 2017 г.

Возможность обжалования действий (бездействия) государственных органов и должностных лиц как участников уголовного судопроизводства возведена в ранг принципа уголовного судопроизводства (ст. 19). Одним из векторов такого обжалования является обжалование действий прокурора. Данная форма обжалования наиболее востребована среди лиц, запрашиваемых иностранным государством к выдаче для уголовного преследования. И тому есть нормативное объяснение. Именно данная форма весьма детально регламентирована в УПК РФ. В первую очередь, имеются в виду нормы, предусмотренные в ст. 462–463 УПК РФ. Они ориентированы на правовую регламентацию обжалования итогового для экстрадиционной процедуры решения – решение о выдаче, принимаемое Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем. Процессуальные действия указанных субъектов по принятию решения о выдаче будут образовывать предмет рассматриваемого обжалования.

Реализация права на обжалование в рассматриваемом контексте запрашиваемого к выдаче лица служит, как и во всех остальных случаях, «способом защиты субъективных прав личности в уголовном судопроизводстве и гарантией от их нарушения со стороны правоохранителей, поскольку удерживает их от принятия заведомо незаконных решений, совершения незаконных действий (бездействия)»¹.

Обжалование решения о выдаче лица относится к судебному виду обжалования, т. е. субъектами рассмотрения и разрешения жалоб являются верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд ав-

¹ Горак Н. В. Обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 10.

тономной области и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ. Судебное обжалование решения о выдаче иностранному государству лица для уголовного преследования подчиняется определенным процедурным правилам. Такое обжалование допускается в течение 10 суток с момента получения уведомления лицом, в отношении которого оно принято. При этом такое уведомление согласно ч. 7 ст. 462 УПК РФ должно состояться письменно в течение 24 часов с момента принятия решения о выдаче. Обязанность уведомления согласно указанной норме возлагается на Генерального прокурора РФ или его заместителя. Ведомственные нормативно-правовые акты содержат на этот счет следующее уточнение. Указанное письменное уведомление передается Генеральным прокурором РФ или его заместителем не непосредственно лицу, запрашиваемому к выдаче, а через нижестоящих прокуроров. Так, в соответствии с п. 2.8 Указания Генерального прокурора РФ от 18 октября 2008 г. № 212/35 (в ред. от 22.04.2011) «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора и передачи лиц, совершивших общественно опасные деяния, для проведения принудительного лечения»² прокуроры городов и районов, другие территориальные прокуроры, приравненные к ним военные прокуроры и прокуроры иных специализированных прокуратур при получении соответствующего поручения прокуратуры субъектов РФ, приравненные к ней военные или иные специализированные прокуратуры передают под роспись содержащемуся под стражей лицу письменное уведомление Генерального прокурора РФ или его заместителя о принятом решении о выдаче иностранному государству или передаче международному суду. Они же согласно п. 2.9 указанного документа обязаны незамедлительно уведомить об этом прокуроров субъектов РФ, приравненных к ним военных прокуроров и прокуроров иных специализированных прокуратур об обжаловании лицом решения Генеральной прокуратуры РФ о его выдаче. Это необходимо для обеспечения своевременного представления в суд материалов, подтверждающих законность и обоснованность выдачи. Ведь прокурору нужно успеть в течение 10 суток направить в суд данные материалы.

Субъектами обжалования решения о выдаче лица являются само лицо и его защитник. Обжалование осуществляется на уровне судов среднего звена. Прежде оно предполагает составление жалобы, ее подачу, затем осуществляется ее прием и только после этого происходит проверка по жалобе. Анализ действующего законодательства, в частности норм, закрепленных в ст. 463 УПК РФ, позволяет утверждать, что требование обоснованности является обязательным для такого вида жалобы. Именно обоснованность озвучивается в судебном заседании, посвященном проверке законности и обоснованности жалобе (ст. 463 УПК РФ).

Сама проверка по жалобе осуществляется в открытом судебном заседании, в котором участвует прокурор, лицо, в отношении которого принято решение о выдаче, его защитник. Ход данного судебного заседания следующий: судья объявляет о том, какая жалоба подлежит рассмотрению, он же разъясняет присутствующим их права, обязанности и ответственность, после чего заявитель и (или) его защитник обосновывают жалобу, и лишь потом предоставляется слово прокурору. Завершается судебное заседание вынесением одного из решений по жалобе: либо об отмене решения о выдаче лица в случае признания его незаконным или необоснованным, либо об оставлении жалобы без удовлетворения (ч. 7 ст. 463 УПК РФ).

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В связи с этим возникает вопрос: является ли оставление жалобы без удовлетворения свидетельством того, что имело место злоупотребление правом на обжалование лица? Полагаем, что на данный вопрос нельзя дать однозначного утвердительного ответа. Это объясняется следующими причинами:

– в последующем возможны обращения с жалобой в другие судебные инстанции, в которых с доводами заявителя могут согласиться, что нередко бывает в Европейском суде по правам человека. А значит, версия о злоупотреблении правом на обжалование не найдет своего подтверждения;

– по критерию обоснованности жалобы затруднительно судить о наличии или отсутствии злоупотребления правом на обжалование. Во-первых, далеко не всегда закон предъявляет требования к обоснованности подаваемой жалобы. Видимо, это не спроста. Не каждый заявитель юридически грамотен. Иногда заявитель и вовсе безграмотен. Следовательно, ему сложно будет обосновать свою жалобу. Из-за этого он должен лишиться права на обжалование? Вряд ли это будет справедливым. Право на обжалование должно оставаться незыблемым. Во-вторых, нельзя не учитывать и наличие следующей ситуации. Для субъекта, подающего такую жалобу, она будет обоснованной, а субъект, ее рассматривающий, может и не обнаружить такого критерия. Это говорит о том, что требование обоснованности носит субъективный характер. Отсутствие четких ориентиров на этот счет уже не позволит обвинить лицо в злоупотреблении права на обжалование. В противном случае это можно расценить как попытку затруднить реализацию права лица на обжалование в уголовном судопроизводстве.

Не вносит определенности в суть злоупотребления правом и п. 18 постановления Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29, согласно которому суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований ч. 3 ст. 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц³. В связи с этим положением возникают следующие замечания:

а) термин «злоупотребление правом» в тексте данного документа отсутствует, впрочем, как он отсутствует и в тексте УПК РФ;

б) нет ответа на вопрос о том, что понимать под недобросовестным использованием лицом правомочий в ущерб интересам других участников процесса. Из-за этого формулировка, данная Верховным Судом, как верно отмечает Т. В. Трубникова, представляется весьма опасной в применении⁴;

в) нельзя не учитывать, что даже добросовестное использование лицом правомочий может не соответствовать интересам участников уголовного процесса, выполняющих функцию, противоположную той, которая свойственна данному лицу.

Исходя из приведенных соображений полагаем преждевременным предложение Н. В. Горак о дополнении ст. 19 УПК РФ положением о недопустимости

³ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

⁴ См.: Трубникова Т. В. Злоупотребление правом в уголовном процессе : признаки и субъекты // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : материалы Всероссийской конф. (15–16 октября 2015 г.) / редкол. С. А. Синенко [и др.]. Орел, 2015. С. 385.

злоупотребления правом на обжалование⁵, поскольку такая оговорка не внесет ясности в вопрос о том, что считать таким злоупотреблением. Она будет лишь стеснять лицо в его возможности обратиться с жалобой за защитой своих прав, ограничивать его конституционное право на защиту всеми незапрещенными законом способами (ст. 45 Конституции РФ). Полагаем, что будет неправильным наводнять текст УПК РФ оценочными понятиями, которым в нашем случае является термин «злоупотребление правом».

Все сказанное позволяет сделать вывод, что термин «злоупотребления» более корректен в употреблении со словом «полномочия», а не со словом «право». Соответственно понятие «злоупотребление должностным лицом своими полномочиями» более осязаемое. Избежать ошибки в его установлении значительно легче, чем в определении злоупотребления физическим лицом своими правами.

Следует согласиться с Л. Д. Калинкиной, считающей, что в рамках уголовного судопроизводства следует говорить не столько о злоупотреблении правом, сколько о четком регулировании в Уголовно-процессуальном кодексе РФ содержания, условий и порядка реализации прав⁶.

Процедура обжалования является гарантией осуществления права на обжалование лица, запрашиваемого иностранным государством к выдаче для уголовного преследования. Такой же гарантией является и право на обжалование постановления суда об удовлетворении жалобы запрашиваемого к выдаче лица или отказе в этом. Это обжалование осуществляется в апелляционном порядке в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ (ч. 9 ст. 463 УПК РФ). Указанная норма хотя и не раскрывает подробности такого обжалования, но бесспорно предполагает выполнение всех общих требований, адресованных законодателем для такого вида обжалования и предусмотренных прежде всего в ст. 389.4 и 389.5 УПК РФ. Они ориентируют на то, что апелляционная жалоба должна подаваться в течение 10 суток со дня вынесения решения суда, а лицом, содержащимся под стражей, – в тот же срок со дня вручения ему копий постановления. В случае же пропуска срока апелляционного обжалования по уважительной причине лица, имеющие право подать апелляционную жалобу или представление, могут ходатайствовать перед судом, вынесшим обжалуемое решение, о восстановлении пропущенного срока. В пользу уважительности причины должны свидетельствовать какие-либо доказательства наличия реальных обстоятельств, лишивших лицо возможности своевременно написать апелляционную жалобу⁷. Так, если лицо было лишено возможности подать апелляционную жалобу в связи с расстройством его здоровья, то к ходатайству должен быть приложен документ, подтверждающий данное обстоятельство.

Изучение судебной практики позволяет выделить и другие причины пропуска срока для обжалования.

Так, гражданка Республики Молдова Н. А. Маврогени обратилась в Судебную коллегия по уголовным делам Кировского областного суда с апелляционной жалобой на постановление Кировского областного суда от 21 сентября 2015 г., которым было отказано в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного срока обжалования постановления заместителя Генерального прокурора РФ о ее выдаче. Ее доводы о том, что

⁵ См.: Горак Н. В. Указ. соч. С. 11, 18–19.

⁶ См.: Калинкина Л. Д. К вопросу о злоупотреблении правами и их недобросовестном использовании в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2010. № 4. С. 24.

⁷ См.: Постановление судьи Волгоградского областного суда от 23 ноября 2015 г. по делу 15-51/2015.

она своевременно 23 августа 2015 г. обращалась в Кировский областной суд с жалобой на постановление Генеральной прокуратуры РФ, а также о том, что 26 августа 2015 г. жалоба была возвращена без рассмотрения, а повторная жалоба заявителем была подана 31 августа 2015 г., были учтены Судебной коллегией по уголовным делам Кировского областного суда. Она признала причину пропуска Н. А. Маврогени срока для обжалования уважительной. В результате апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда постановление судьи Кировского областного суда от 21 сентября 2015 г. об отказе Н. А. Маврогени в восстановлении срока обжалования постановления заместителя Генерального прокурора РФ от 6 августа 2015 г. было отменено. Срок обжалования постановления заместителя Генерального прокурора РФ от 6 августа 2015 г. об удовлетворении запроса Министерства юстиции Республики Молдова о выдаче гражданки Республики Молдова Н. А. Маврогени был восстановлен⁸.

Итак, право на обжалование весьма активно используется лицами, запрашиваемыми к выдаче. Осуществление его является одним из важных видов реализации права на защиту указанного лица в экстрадиционном процессе. В связи с этим особое внимание должно быть обращено на нормативное регулирование указанной проблемы.

⁸ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда от 29 октября 2015 г. по делу 22-2233/2015.

Воронежский государственный университет
Насонов А. А., аспирант кафедры уголовного процесса

Voronezh State University
Nasonov A. A., Post-graduate Student of the Criminal Process Department
E-mail: tribalcrest@yandex.ru

ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: УРОКИ ИСТОРИИ

Рассматриваются вопросы формирования нравственных основ уголовного судопроизводства в законодательстве Российской империи 1832–1917 гг. и использования полученных результатов в современном уголовно-процессуальном законодательстве России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нравственность, уголовное судопроизводство, Своды законов уголовных, Устав уголовного судопроизводства, Учреждение судебных установлений.

MORAL FOUNDATIONS OF CRIMINAL PROCEDURE IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE: HISTORY LESSONS

The article deals with the issues of the criminal procedure moral foundations development in the legislation of the Russian Empire in 1832–1917 and the use of the obtained results in the modern criminal procedure legislation of Russia.

K e y w o r d s: criminal procedure, morality, codes of criminal laws, criminal procedure rules, organization of judicial institutions.

Поступила в редакцию 4 сентября 2017 г.

Интерес к процессу формирования нравственных основ уголовного судопроизводства в законодательстве Российской империи объясняется тем, что накопленный при этом опыт оставался не востребуемым в советский период развития уголовно-процессуального законодательства и с неоправданными задержками был востребован современным законодателем. По нашему мнению, такое положение не могло не оказать негативное влияние на эффективность уголовного судопроизводства. В связи с этим авторы ставят перед собой цель: на примере развития, последующего забвения и воссоздания в современном уголовно-процессуальном законодательстве отдельных норм законодательства Российской империи напомнить о необходимости бережного отношения к истории российского законодательства в каждом случае его реформирования.

Как известно, уголовно-процессуальное законодательство Российской империи достаточно длительный период представляло собой конгломерат из множества плохо согласованных между собой нормативных актов. Наряду с нормативными актами универсального характера (Соборное уложение 1649 г., Воинский артикул от 26 апреля 1715 г., Краткое изображение процессов или судебных тяжёб 1715 г., Морской устав от 13 января 1720 г., Учреждение для управления губерний Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г., Устав Благочиния или Полицейский от 8 апреля 1782 г., Учреждение Министерства полиции от 25 июня 1811 г. и др.) в сфере уголовного судопроизводства подлежали применению высочайше утвержденные мнения Государственного совета, указы императора, Правительствующего сената, Священного синода и другие документы, в которых содержались предписания относительно производства конкретных действий, принятия решений и т. п.

В рамках настоящей статьи невозможно проанализировать действовавшие в тот период нормативные акты на предмет их нравственного содержания. Кроме того, в этом нет острой необходимости, поскольку они стали предметом проведенной в 1826–1832 гг. работы по созданию Свода законов Российской империи. В конечном итоге их содержание в части, относящейся к уголовному судопроизводству, в новой редакции нашло свое закрепление в соответствующих статьях второй книги Свода законов уголовных «О судопроизводстве по преступлениям» (далее – Свод законов 1832 г.), изданного в 1832 г.¹ и вступившего в силу 1 января 1835 г. При этом под текстами статей Свода законов 1832 г. были указаны нормативные акты, из которых составлена каждая статья.

Изучение Свода законов 1832 г. позволяет обнаружить в нем такой массив правовых норм с четко выраженным нравственным содержанием, что даже самая общая их характеристика вышла бы за пределы настоящей статьи. В связи с этим ограничимся рассмотрением отдельных норм, которые, как уже было отмечено, оказались вне поля зрения при реформировании уголовно-процессуального законодательства РСФСР и с неоправданной задержкой нашли закрепление в действующем УПК РФ.

Так, в ст. 800 Свода законов 1832 г. была закреплена норма, согласно которой «от обязанности доносить² по уголовным преступлениям никто не изъимлетя, кому известны причины к явному в оном обвинению». Вместе с тем составной частью к этой статье было примечание следующего содержания: «По высочайше утвержденному мнению Государственного совета 1822 Февр. 8 (28920) жена подсудимого, изобличенная в не объявлении о воровстве, учиненном мужем ее, освобождена от наказания, по особенному токмо уважению, что на мужа извинительно ей было не доносить». Данное примечание было воспроизведено в ст. 921 последующего издания Свода законов уголовных 1842 г. (далее – Свод законов 1842 г.)³.

В третьем издании Свода законов уголовных 1857 г. (далее – Свод законов 1857 г.)⁴ в книге второй «Судопроизводство по делам о преступлениях и проступках» в ст. 45, аналогичной ст. 800 и ст. 921 Свода законов 1842 г., не устанавливалась обязанность доносить по уголовным преступлениям, и соответственно было исключено вышеназванное примечание.

Нравственный потенциал приведенного выше примечания к статьям сводов законов 1832 и 1842 гг. был настолько велик, что послужил, на наш взгляд, основой для закрепления в Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. (далее – Устав)⁵ норм, устанавливающих свидетельский иммунитет.

Так, в ст. 94 Устава, которая применялась в ходе производства по уголовным делам в мировых судебных установлениях, было закреплено положение, согласно которому «муж или жена обвиняемого лица, родственник его по прямой линии, восходящей и нисходящей, а также родные его братья и сестры могут устранить

¹ Свод законов уголовных. СПб., 1932.

² Доносом согласно ст. 799 Свода законов 1832 г. признавалось явное обвинение кого-либо в преступлении.

³ Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 15 : Законы уголовные. СПб., 1842.

⁴ Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 15 : Законы уголовные. СПб., 1857.

⁵ Устав уголовного судопроизводства // Свод законов Российской империи. 1892. Т. 16, ч 1. С. 223–516.

себя от свидетельства, если же не пожелают воспользоваться сим правом, то допрашиваются без присяги». Норма аналогичного содержания была закреплена в ст. 705 Устава, которая входила в главу 7, регламентирующую производство судебного следствия в общих судебных местах.

Особый интерес в этом отношении представляет ст. 444 Устава следующего содержания: «При приводе свидетелей к присяге и при отводе от допроса под присягой, а равно при освобождении некоторых лиц вовсе от свидетельства следователь руководствуется правилами о допросе свидетелей на суде (ст. 704–709 и 712–717)». Поскольку эта статья подлежала применению на предварительном следствии, то есть основание полагать, что правила ст. 705 Устава распространялись и на предварительное следствие. Однако в литературе тех лет по поводу ее содержания были высказаны неоднозначные суждения.

Так, А. В. Скопинский писал: «В нашей судебной практике, как видно из отчетов ревизионной комиссии (очевидно, речь идет о комиссии 1894 г. – *Е. Н., С. Ш.*), в некоторых судебных округах ст. 705 Уст. Уг. Суд. применяется к указанным в ней лицам и в тех случаях, когда обвиняемый еще не привлечен к ответственности. Такую практику нельзя не признать справедливой, так как нередко привлечение к следствию обвиняемого является последним актом следственного производства и, следовательно, при обратном взгляде на условия применения ст. 705 закон этот при предварительном следствии потерял бы практическое значение»⁶.

Иного мнения по поводу применения ст. 444 Устава был член Московского окружного суда П. И. Астров. Комментируя данную статью автор утверждал, что «...ст. 444 не возлагает на судебного следователя обязанности *безусловно* следовать всем предписаниям ст. 704–709 и 712–717. Эта мысль находит некоторое подтверждение и в тексте ст. 444: она говорит о том, что следователь *«руководствуется»* правилами о допросе свидетелей на суде». Понятие «руководствования» не имеет той же императивной силы, какое имело бы, например, выражение следователь *подчиняется* правилам о допросе свидетелей на суде или *следует* правилам допроса о допросе свидетелей на суде. Поэтому есть основание утверждать, что руководство судебного следователя правилами судебного допроса должно выразиться в применении их в той мере, в какой это оказывается возможным по особенностям предварительного производства. Применимы ли в каждом отдельном случае правила статей 704–709 и 712–717, есть вопрос факта, который решается следователем по его личному убеждению. Гарантией для сторон служит общее постановление ст. 491, предоставляющей право обжаловать действия следователя, которыми нарушаются или стесняются права сторон»⁷.

Отсутствовала и единообразная практика применения ст. 444 Устава, о чем свидетельствуют судебные решения, приведенные в других комментариях Устава⁸.

Очевидно, возникшие разночтения послужили причиной того, что в проекте Устава уголовного судопроизводства 1900 г. не было статьи, аналогичной ст. 444

⁶ Свидетели по уголовным делам : пособие для практиков / сост. А. В. Скопинский, тов. прокурора С.-Петерб. судеб. палаты. М., 1911. С. 38.

⁷ Устав уголовного судопроизводства : систематический комментарий. Вып. 3. Ст. 249–594 / под общ. ред. М. Н. Гернета. М., 1914. С. 835–836.

⁸ См., например: Устав уголовного судопроизводства : с включением изм. по продолжениям Свода законов 1908–1910 гг. / сост. С. Г. Щегловитов. 11-е изд., перераб., испр. и доп. СПб., 1913. С. 337 ; Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего сената и циркулярами Министерства юстиции / сост. М. П. Шрамченко, В. П. Ширков. 7-е изд., испр. и доп. Пг., 1916. С. 522–523.

Устава, а ст. 94 и 705 были объединены в одну ст. 373 следующего содержания: «Муж или жена обвиняемого, родственник его по прямой линии, восходящей и нисходящей, а также родные его братья и сестры могут устранить себя от свидетельства, а если не пожелают воспользоваться сим правом, то допрашиваются без присяги», помещенную в главе девятой «О вызове и допросе свидетелей»⁹.

Однако этому проекту не суждено было стать законом, а свидетельский иммунитет, начало которому было положено в Своде законов 1832 г., после нескольких десятилетий забвения, получил развитие лишь в УПК РФ 2001 г.

Аналогичная судьба постигла и закрепленные в Своде законов 1832 г. нормы, согласно которым «донос до начатия по нем действия должно содержать в тайне» (ст. 806) и «имена доносителей о подделке Государственных ассигнаций, о лицах, соучаствующих или помогающих в сем преступлении, должны во всяком случае быть хранимы в тайне, даже и тогда, когда бы доноситель сам был соучастником преступления» (ст. 807).

В связи с этим следует отметить, что еще в 1815–1816 гг. М. М. Сперанский (руководитель работ по составлению Полного собрания законов и Свода законов Российской империи) подготовил проект Устава уголовного судопроизводства, в котором сформулировал следующее положение: «Хотя доносителю и может быть позволено просить о умолчании его имени перед обвиняемым, однако при сем всегда то место, в которое поступил донос, обязано сделать записку о его звании, имени, фамилии и жительства, которую запечатав приобщать к делу» (ч. 2, § 19)¹⁰.

Формулирование приведенных выше положений, продиктованное то ли заботой о безопасности доносителя, то ли интересами раскрытия преступлений, никак не влияет на их четко выраженное нравственное содержание. Между тем по каким-то причинам эти положения не нашли своего закрепления ни в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., ни в уголовно-процессуальных кодексах РСФСР 1822, 1923 и 1960 гг., ни в первоначальной редакции УПК РФ 2001 г.

К началу судебной реформы 1860–1864 гг. стал очевидным тот факт, что нравственность уголовного судопроизводства невозможно обеспечить только путем законодательных требований к деятельности следователей, прокуроров и судей, исполнение которых предполагает соблюдение норм нравственности. Свидетельством тому являются критические оценки деятельности указанных лиц в литературе тех лет¹¹.

Этим обстоятельством скорее всего обусловлено законодательное закрепление ст. 200–210 Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 г. (далее – Учреждение)¹² условий для занятия должностей по судебному ведомству.

С точки зрения рассматриваемых в статье вопросов особый интерес представляет ст. 201 Учреждения, согласно которой на должности по судебному ведомству не могли быть назначены:

«1) состоящие под следствием или судом за преступления или проступки, а равно и подвергшиеся, по судебным приговорам, за противозаконные деяния, за-

⁹ Проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства, составленный Высочайше учрежденной Комиссией для пересмотра законоположений по судебной части. СПб., 1900. С. 97.

¹⁰ Сперанский М. М. Проект Устава уголовного судопроизводства [Дело] : 1815–1816. URL: www.prlib.ru

¹¹ См., например: Блинов И. Судебная реформа 20 ноября 1964 г. : историко-юридический очерк. Пг., 1914. С. 27–40 ; Кони А. Ф. Судебные уставы 1864 г. – 20 ноября 1914 г. Пг., 1914. С. 5–11.

¹² Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 16, ч. 1–2. С. 20–21.

ключению в тюрьме, или иному более строгому наказанию, и те, которые, быв под судом за преступления или проступки, влекущие за собою такие наказания, не оправданы судебным приговором;

2) исключенные из службы по суду, или из духовного ведомства за пороки, или же из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат;

3) объявленные несостоятельными должниками, и

4) состоящие под опекою за расточительность».

Перечисленные условия для занятия должностей по судебному ведомству в литературе того периода называли нравственными¹³.

Системное толкование ст. 201 и ст. 79 Учреждения, согласно которой «судебные следователи, считаясь членами окружных судов, состоят в назначенных для каждого участка», и ст. 7 Основных положений преобразования судебной части в России от 29 сентября 1862 г., в соответствии с которой «для производства следствий по уголовным делам состоят в определенных участках судебные следователи, кои считаются членами окружного суда»¹⁴, дает основание для вывода о том, что закрепленные в ст. 201 Учреждения условия распространялись и на судебных следователей.

Однако в этом случае перечисленные условия в значительной мере были декларативными, поскольку по состоянию на 1898 г. в Российской империи было всего 1487 судебных следователей, из них утвержденных в своем звании – лишь 154¹⁵.

В процессуальной литературе тех лет закрепленное в п. 1 ст. 201 Учреждения условие для занятия должностей по судебному ведомству воспринималось неоднозначно, что означало несоответствие в представлениях о нравственности.

Так, В. К. Случевский по поводу рассматриваемых условий в целом высказался одобрительно: «Указанные условия представляются минимумом тех требований, которые должны быть предъявлены лицам, желающим занять место по судебному ведомству, так как лица и учреждения, принимающие участие в определении лиц на судебные должности, обязаны, в интересах службы, независимо от этих отрицательных признаков, обращать внимание на то, чтобы определяемый обладал теми положительными нравственными качествами, при наличии которых только и возможно охранение высокого значения судебной должности, если только назначаемое лицо удовлетворяет всем остальным формальным условиям его назначения»¹⁶.

Иную позицию по поводу запрета на занятие должностей по судебному ведомству для лиц, состоявших под следствием или судом, занимал И. Я. Фойницкий, по мнению которого «постановление это представляется неправильным, крайне опасным и ненужным». По его мнению, «неправильно оно потому, что корни его лежат в устаревшем взгляде инквизиционного процесса, который к каждому под-

¹³ См., например: *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. Изд. четвертое. СПб., 1912. С. 209–212; *Случевский Вл.* Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. Изд. 4-е, доп. и испр. СПб., 1913. С. 119–120.

¹⁴ Высочайше утвержденные, 29 сентября 1862 года, основные положения преобразования судебной части в России // Полн. собр. законов Российской империи. Собр. второе. Т. 37, отделение второе. СПб., 1862. С. 148.

¹⁵ Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Т. 1, ч 1 : Введение. Главные основания предполагаемого судостроительства. СПб., 1900. С. 20.

¹⁶ *Случевский Вл.* Учебник русского уголовного процесса. С. 120.

судимому относился подозрительно, вменяя ему в улику как бы само привлечение к суду...», а «опасность его лежит в том, что оно дает каждому легкую возможность устранить всякого безупречного человека от участия в судебной деятельности по букве закона, для этого достаточно предъявить против него обвинение у мирового судьи в ничтожном проступке...»¹⁷.

Помимо установленных в ст. 201–210 Учреждения условий для занятия должностей по судебному ведомству Министерством юстиции было введено еще одно условие, сформулированное в циркуляре от 12 мая 1859 г. № 178 следующим образом: «Окончившие курс в университетах, желая поступить на службу в судебное ведомство, должны представить удостоверение университетского начальства, что они в стенах университета не проявляли неуважения к закону или к установленным властям»¹⁸.

Нам не представилось возможности выяснить мнение ученых и практиков по поводу эффективности исполнения рассмотренного циркуляра, но то, что на тот момент в нем было рациональное зерно не подлежит сомнению.

¹⁷ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. С. 210–211.

¹⁸ Цит. по: Чичинадзе Д. Судебные уставы императора Александра II. Учреждение судебных установлений. Изд. неофициальное. СПб., 1892. С. 86.

*Белгородский юридический институт МВД России
имени И. Д. Путилина*

Новикова Е. А., кандидат юридических наук,
начальник кафедры уголовного процесса

Шумилин С. Ф., доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса

Putilin Belgorod Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

Novikova E. A., Candidate of Legal Sciences,
Head of the Criminal Process Department

E-mail: k_uproc.belui@mvd.ru

Shumilin S. F., Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Criminal Process Department

E-mail: sergejshumilin@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЗАКОН РОССИИ: НА ПУТИ К ОТЕЧЕСТВЕННЫМ НРАВСТВЕННЫМ ЦЕННОСТЯМ

Предлагаются магистральные и кардинальные пути совершенствования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, связанные с отражением в них традиционных нравственных ценностей России. Это позволит наполнить УПК России полноценным нравственным содержанием, воспитывающим правоприменителя и формирующим у него чувство гордости за служение народу и Отечеству.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовно-процессуальный закон, нравственность, публичность, принципы, справедливость, истина, воспитание.

THE RUSSIAN FEDERATION CODE OF CRIMINAL PROCEDURE: ON THE WAY TO DOMESTIC MORAL VALUES

In the article proposes mainstream and cardinal ways of improving the Russian Federation Code of Criminal Procedure. The offers of improvement are related to the reflection in Code the Russian traditional moral values. It will allow fleshing out the Code of Criminal Procedure with full moral content. This will help to educate the executor of law and form to him the sense of pride in serving the people and the Fatherland.

К e y w o r d s: criminal procedural law, morality, publicity, principles, justice, truth, upbringing.

Поступила в редакцию 8 ноября 2017 г.

...что...

совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Заимодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают?

А. С. Пушкин. «Скупой рыцарь»

Если судебное разбирательство повлияло на пробуждение совести... то следует считать, что воспитательная задача суда была решена наилучшим образом.

Л. Д. Кокорев

Юридическое сообщество России ищет выход из законодательного тупика: бесчисленные поправки в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК) не приводят к совершенствованию уголовного судопроизводства, путают практиков, ученых; утяжеляют УПК (в прямом и переносном смысле) и делают его плохо читаемым и трудно толкуемым.

Исчерпанность экстенсивного пути развития закона, регулирующего уголовное судопроизводство, очевидна даже его основным разработчикам, положившим начало мониторингу УПК. Правда, они предлагают еще более нежизнеспособные схемы механистического ограничения законов, вносящих в УПК изменения¹.

УПК в его нынешнем состоянии может вызвать разве что раздражение, а должен вызывать уважение. Уважение, которого никогда не добиться только внуше-

¹ См. об этом: Петров И. Поправьтесь // Рос. газета. 2016. 24 окт.

© Победин А. В., 2017

нием с вузовской кафедры. Соблюдение закона должно быть внутренней осознанной (!) потребностью, которую не сформировать, если сам закон лицемерен, технократичен, пропитан чуждыми ценностями, тяжеловесен и нестабилен.

УПК никогда не сможет обеспечить эффективное правоприменение, если сам не станет средством воспитания. Будучи нравственным по форме и содержанию, УПК обязан непрерывно генерировать нравственность, ценность крайне хрупкую и враз ломающуюся под напором биологического. Текст УПК должен одухотворять, воодушевлять, включать в общенациональные процессы, порождать ощущение, что субъекты, его применяющие, не «кирпичи кладут, а дворец строят», и позволять гордиться причастностью к его строительству.

Сегодня УПК бездушно инструктивен, путан и противоречив. Главная же его проблема в том, что ценности, лежащие в его основе и им преследуемые, невнятные, а поэтому неизбежно преобладают биологические стремления – быстрее и короче.

Закон, в который верят, – таким должен стать УПК. И косметическими средствами уже не обойтись. Только коренной пересмотр идеологии закона позволит одухотворить УПК нравственными ценностями, которые, будучи средством воспитания, потенциально способны обеспечить нравственное, достойное, совестливое правоприменение.

1. Необходимо отказаться от аргумента в дискуссиях, состоящего в утверждении, что те или иные процедуры применяются «во всем цивилизованном мире», «большинстве других стран», признаны «международным сообществом» и т. д.

Во всех странах, в том числе и якобы цивилизованных, процедуры разные, и применяются они, только если соответствуют национальным интересам и традициям.

К числу исконных отечественных нравственных ценностей относятся и те, которые западной цивилизацией поняты и приняты быть не могут. Например, приоритет духовного над материальным (отнюдь не быстрее, короче и дешевле), защита семьи, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие и справедливость² – для России ценности безоговорочные. Западная цивилизация индивидуалистична и прагматична. Это традиция, на которую Запад, конечно, имеет право, но право, ограниченное суверенной территорией конкретного государства и не предполагающее «ценностную агрессию».

Конституционное положение о человеке, его правах и свободах как о высшей ценности нужно толковать так, что существуют еще и «абсолютные ценности», которые в отличие от высшей не могут быть ограничены никогда и ни при каких обстоятельствах³. Это основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и свободы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Уголовно-процессуальный закон должен быть ориентирован на защиту традиционных для россиян ценностей и предусматривать необходимые для этого процедуры. Схоластичные схемы, оторванные от российской реальности, дискредитируют уголовно-процессуальное право. Однако и традиционные ценности на-

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Рос. газета. 2015. 31 дек.

³ Подробнее см. об этом: Победкин А. В. Содержание уголовно-процессуального права как выражение объективной социальной потребности // Библиотека криминалиста : науч. журнал. 2016. № 3 (26).

дежно не защитить, если не принять в число отечественных традиций безусловное соблюдение правовых требований, если не «взять правовой барьер»⁴. Действительно, нельзя жить «по правде, а не по закону». Но нельзя нормально жить, если в законе нет правды.

2. Основным предназначением уголовного судопроизводства, его функцией, должна быть провозглашена публичность. Уголовное судопроизводство существует главным образом для того, чтобы обеспечивать защиту «абсолютных ценностей» посредством выявления лиц, действительно виновных в совершении преступления и назначения им справедливого наказания. В противном случае государство и общество не смогут чувствовать себя в безопасности. Все иные элементы назначения уголовного судопроизводства, включая названные в ст. 6 УПК, производны.

Эффективная реализация публичности возможна только при резком ограничении частных начал уголовного процесса и исключении диспозитивных возможностей должностных лиц, отвечающих за производство по уголовному делу. Особенность уголовно-процессуального метода правового регулирования – в жестких обязанностях должностного лица поступать строго определенным образом в целях реализации функции публичности в любом правоотношении. Уголовное судопроизводство как самостоятельная и социально обусловленная отрасль права не может основываться на чуждом ему методе правового регулирования, иначе оно просто теряет свою идентичность⁵.

3. Принципы уголовно-процессуального права следует превратить в настоящие одухотворяющие идеи.

Во-первых, необходимо преодолеть весьма распространенную точку зрения, согласно которой возможны исключения из принципов уголовного судопроизводства⁶. Эта позиция, заложенная Р. Х. Якуповым, и в свое время, в период зачаточного состояния разного рода несоответствий принципам, весьма привлекательная, сегодня расцветает на попытках объяснить допущенные законодателем многочисленные отступления от им же провозглашенных принципов уголовного судопроизводства (глава 2 УПК).

Принципы уголовного судопроизводства должны действовать на всех стадиях уголовного процесса, определять все процессуальные действия и решения⁷. Процедуры, не соответствующие принципам уголовного судопроизводства, не имеют права на существование.

Такого права должны быть лишены все институты уголовно-процессуального права, допускающие принятие судебных итоговых процессуальных решений без исследования доказательств, фактически на основании одной лишь позиции обвиняемого. Эти процедуры противоречат принципу презумпции невиновности, поскольку позволяют постановлять обвинительный приговор, основанный на предположениях, не устраняя сомнений в виновности. Ясно, что до тех пор, пока

⁴ См.: Зорькин В. Д. Россия должна взять правовой барьер // Журнал конституционного правосудия. М., 2013. № 6 (36). С. 1–12.

⁵ Подробнее см.: Победкин А. В. Об основной функции уголовного судопроизводства и методе уголовно-процессуального регулирования // Библиотека криминалиста : науч. журнал. 2015. № 1 (18).

⁶ См.: Якупов Р. Х. Принципы уголовного процесса : лекция. М., 1997. С. 6 ; Безруков С. С. Принципы уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 8.

⁷ См.: Россинский С. Б., Челохсаев О. З. О понятии и сущности принципов уголовного судопроизводства // Юрид. образование и наука. 2017. № 6. С. 20–25.

мнение судьи о доказанности обвинения не проверено в условиях развернутых процессуальных гарантий в ходе судебного разбирательства посредством исследования доказательств, оно остается предположением, иначе зачем вообще нужны судебные процедуры (более того, при производстве дознания в сокращенной форме полноценное доказывание не проводится и на досудебных стадиях).

Противоречат такие процедуры и принципу свободы оценки доказательств, суть которого состоит в том, что ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы. Очевидно, что признательные показания обвиняемого здесь приобретают значение решающего доказательства, а это не что иное, как потакание человеческим слабостям и фактор, провоцирующий незаконные методы предварительного расследования. Даже крупные руководители судебной системы признают, что «следователи ... даже не хотят собирать ... доказательства, которые бы объективно подтверждали вину соучастников, а упираются в показания того лица, которое признало вину и заключило сделку со следствием»⁸.

Утверждения, согласно которым при условии добросовестного выполнения участниками уголовного судопроизводства своих обязанностей упрощенные порядки позволяют обеспечить возможность справедливого рассмотрения уголовного дела⁹, ничего не меняют. Конечно, если все действуют добросовестно, шансы на справедливый приговор есть. Однако судебные процедуры для того и существуют, чтобы проверить добросовестность следователя и не позволить действовать недобросовестно самому судье.

Просто и понятно пишет об этом О. Я. Баев: «...речи об истинности проведенного следователем расследования, результатов такового – без исследования их материалов в условиях состязательного процесса в суде – идти в принципе не может. По сути, эти материалы свидетельствуют лишь об одном – о согласии с ними обвиняемого ввиду различных субъективных и (или) объективных обстоятельств»¹⁰; «...нельзя не сделать следующего неутешительного вывода: система современного уголовного судопроизводства в исключительной степени цинична по отношению к большей части «рядовых преступников»...»¹¹. Более того, текст УПК не лишен лицемерия. Процессуальные гарантии судебного разбирательства, состоящие в непосредственном исследовании доказательств, придающие уголовному судопроизводству некую респектабельность, применяются едва ли по трети уголовных дел, рассматриваемых судом по существу.

Ограниченные пределы обжалования приговора, постановленного в особом порядке, не согласуются с принципом, провозглашенным ст. 19 УПК, и пресекают всякую возможность проверки правильности так называемого «внутреннего убеждения» (фактически предположения) судьи о виновности лица на момент вынесения приговора.

Не соответствует принципу презумпции невиновности и порядок прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 25–28.1 УПК, как позволяющий признавать лицо виновным в совершении преступления без приговора суда. Об этом применительно к прекращению уголов-

⁸ Цит. по: Егоров И. Судья на прослушке // Рос. газета. 2015. 26 нояб.

⁹ См.: Лазарева В. А. Царица доказательств? (признание вины и презумпция невиновности в особых порядках судебного разбирательства) // Библиотека криминалиста : науч. журнал. 2016. № 2 (25). С. 113.

¹⁰ Баев О. Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). М., 2017. С. 170–171.

¹¹ Там же.

ного дела с применением мер административного взыскания или общественного воздействия просто и ясно говорилось в Заключении Комитета конституционного надзора СССР¹² (далее – Комитет).

Однако сегодня любое прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям влечет существенные ограничения в дальнейшей жизни лица (лишение права на занятие должностей государственной службы и др.).

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) применительно к прекращению уголовного дела в связи с изменением обстановки сделал попытку доказать, что такое прекращение уголовного дела не противоречит принципу презумпции невиновности, поскольку не равно признанию лица виновным в смысле принципа презумпции невиновности, предполагает согласие лица на указанное решение и означает лишь констатацию виновности¹³. Однако четкого отличия констатации виновности от признания лица виновным в совершении преступления Конституционному Суду провести не удалось.

Вероятно, законодатель все же ощущает некоторое беспокойство по вопросу соответствия уголовно-процессуальным принципам прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 25.1. УПК, отнесено к компетенции суда. Однако на деле и эта процедура конфликтует с принципом презумпции невиновности.

Решение суда о прекращении уголовного дела и применении к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа по негативным последствиям для обвиняемого (подозреваемого) не отличается от многих обвинительных приговоров. Более того, судебный штраф гораздо ближе к уголовному наказанию, чем к иной мере уголовно-правового характера¹⁴. Однако судебное заседание не снабжено даже минимумом гарантий, предусмотренных главами 33–39 УПК. Судье даже не предоставлено права не согласиться с позицией следователя (дознателя) о достаточности применения судебного штрафа для решения задач уголовного судопроизводства. Даже очевидная необходимость продолжения судопроизводства в общем порядке и назначения лицу меры уголовного наказания не является основанием для возвращения уголовного дела следователю¹⁵.

В. В. Кальницкий, критически относясь к порядку, предусмотренному главой 51.1 УПК, как позволяющему признавать лицо виновным и назначать меру уголовно-правового характера без судебной процедуры и приговора суда, обращает внимание, что эта процедура по последствиям ближе к решению Комитета, чем Конституционного Суда, поскольку предусматривает применение к лицу серьез-

¹² О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека : заключение Комитета конституционного надзора СССР от 13 сентября 1990 г. № 2-8 // Ведомости съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 39. Ст. 775.

¹³ По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О. В. Сушкова : постановление Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П // Рос. газета. 1996. 6 нояб.

¹⁴ См.: Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 25.

¹⁵ См.: Победкин А. В., Ерохина О. С. Следователь в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу. М., 2017. С. 30–32.

ных мер воздействия¹⁶. Полагаем, в сегодняшних условиях у Комитета были все основания принять такое же решение и по другим основаниям прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Некоторые авторы, следуя за законодателем, вместо того чтобы идти впереди него, видят необходимость включения в систему принципов принципа рациональности (процессуальной экономии), который «лежит в основе все более усиливающейся тенденции к дифференциации уголовного судопроизводства, выработке новых *эффективных* (курсив наш. – А. П.) процедур, позволяющих *упростить и рационализировать уголовно-процессуальную форму...*». О том же и правовая позиция Конституционного Суда, который считает, что законодатель обязан устанавливать такие институциональные и процедурные условия осуществления процессуальных прав участвующих в деле лиц, которые отвечают *прежде всего* требованиям процессуальной эффективности и экономии в использовании средств судебной защиты¹⁷. Обнадеживает, что в числе требований к «институциональным и процедурным условиям» все еще остается процессуальная эффективность. Однако пока рациональность и экономия достигаются, – и это указанные авторы считают нормальным, – за счет «сокращения объема процессуальных действий и изъятия или видоизменения таких условий, как: состязательность судебного производства; устность и непосредственность исследования доказательств в судебном разбирательстве; предоставление сторонам возможности свободного обжалования решения суда по делу»¹⁸. Можно ли считать эффективной процедуру, которая основана на искаженных принципах, призванных создавать хребет уголовного процесса и отличающих его от административных процедур либо вовсе допускает отсутствие таких принципов.

Во-вторых, следует отказаться от заранее неудачных попыток изложить содержание принципа в одной статье УПК.

С. Б. Россинский и О. З. Челохсаев в целом верно замечают, что «...УПК вообще сильно перегружен правовыми нормами организационного или технического характера, не имеющими высокого правового смысла»¹⁹ и приводят примеры рядового регулятивного характера, встречающиеся в статьях УПК, посвященных принципам судопроизводства.

Варианты нормативного закрепления духовно-нравственных начал в качестве принципов уголовного судопроизводства могут быть разными. Скорее всего достаточно ограничиться общей формулировкой идеи, понятной даже для неподготовленного к восприятию сложных юридических текстов человека. Попытки исчерпывающе изложить в одной статье содержание принципа, и все следствия из него

¹⁶ См.: Кальницкий В. В. Порядок прекращения уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа. URL: <http://www.iuaj.net/node/2101>

¹⁷ См., например: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2014 г. № 687-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лунина Валерия Васильевича на нарушение его конституционных прав статьями 1 и 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», статьей 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 244.1, 244.4, 246.6 и 244.8 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

¹⁸ Комбарова Е. Л. Трансформация уголовного судопроизводства в мировых судах России в свете современной уголовной политики государства // Библиотека криминалиста : науч. журнал. 2014. № 3 (14). С. 269.

¹⁹ Россинский С. Б., Челохсаев О. З. Указ. соч. С. 23.

неизбежно превратят идею в обычную регулятивную норму, породят представление об исчерпанности принципа несколькими правовыми требованиями и снизят общее одухотворяющее воздействие и системообразующую роль принципа-идеи.

В-третьих, принципами должны провозглашаться только идеи концептуального уровня, способные наполнить собой содержание всего текста уголовно-процессуального закона.

К числу таких идей не относятся рядовые регулятивные уголовно-процессуальные нормы, а также субъективные права и обязанности участников судопроизводства, заявленные сегодня как принципы (разумный срок уголовного судопроизводства, охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту)²⁰.

Принципами должны быть провозглашены ценности, имеющие, прежде всего, ясную отечественную нравственную природу. Речь, конечно, не идет о том, чтобы выхолостить из УПК прогрессивные ценности, сформулированные на Западе, однако отвечающие российским духовным традициям. Презумпция невиновности, например, вполне укладывается в идею совести, честности, справедливости. Наверное, и авторы, считающие, что пружиной отечественного уголовного судопроизводства является идея виновности, которая корнями уходит в русскую старину²¹, вряд ли всерьез полагают, что презумпцию невиновности нужно заменить презумпцией виновности. Идея виновности в их понимании, судя по всему, – идея искреннего раскаяния, вызванного угрызениями совести, которое можно только приветствовать и стимулировать, в отличие от согласия с предъявленным обвинением, основанного на прямом и жестком расчете, провоцирующем к тому же на нарушение принципа законности.

Ссылка в ч. 1 ст. 17 УПК на совесть, которой нужно руководствоваться при оценке доказательств, заслуживает только позитивной оценки. Это признание на государственном уровне, что бессовестным людям не место в числе должностных лиц, наделенных полномочиями по применению уголовно-процессуального права. Однако это чувство, загнанное сегодня на периферию современных представлений об успехе, нужно рассматривать как основную ценность, которой должны руководствоваться участники процесса. Как ценность, равная законности, в числе принципов уголовного процесса должен стоять принцип совести.

Народ России никогда не сможет с уважением относиться к уголовно-процессуальному закону, который не направлен на установление истины, не содержит для этого достаточных средств. Никаких паллиативов истины (конвенциональная, формальная, юридическая) не существует. Все это не имеет отношения к истине, как ее исконно понимают в России. Если не истина, – то сделка, торговля, голый прагматизм. Точно у Пушкина: «А мне черт ли в истине, мне нужно золото» («Сцены из рыцарских времен»). Этого ли хочет народ от уголовного процесса, и какие качества такой процесс будет воспитывать у его участников и населения? Ответ очевиден. Именно истина как нравственная ценность должна принять на себя функцию «совести уголовно-процессуального права», ориентирующую должностных лиц правильно устанавливать обстоятельства по уголовному делу, невзирая на собственные слабости и личные интересы участников судопроизводства.

²⁰ Почему бы и потерпевшему не предоставить право на восстановление справедливости.

²¹ См.: Агутин А. В., Агутина Н. В. Теоретические и нравственные основания принципов в современном отечественном уголовном судопроизводстве. М., 2009. С. 24–25.

Нельзя разделить традиционные правила жизни народов России и представления о справедливости. Она остро воспринимается каждым нормальным человеком, а в «правовой новизне», как замечает В. Д. Зорькин, «необходимо точно определять различия между целесообразными новациями и рисками создания катастрофических разрывов между правом и укорененными в социальном большинстве морально-этическими нормами, включая массовые представления о добродетели и грехе, о добре и зле, о справедливости и несправедности ...если поток правовой новизны создает такие разрывы, общество не только неуклонно слабеет, но и почти неизбежно ввергается в хаос»²².

Зерно справедливости – в получении человеком заслуженных благ или воздаяний. Справедливость – воздаяние равным за равное²³ и в уголовном процессе, конечно, не может быть сведена к характеристике требований, предъявляемых к приговору. Справедливым должен быть весь уголовный процесс: и процессуальная форма и практика ее применения. Вряд ли существуют серьезные препятствия для того, чтобы сформулировать принцип справедливости в интересах уголовного процесса.

В первом приближении к числу принципов отечественного уголовного судопроизводства могли бы быть отнесены идеи публичности, совести, справедливости, честности, милосердия (к искренне раскаявшимся), истины, равенства, гуманизма, презумпции невиновности, служения (важно для государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство), всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела и др. В числе идей-принципов нравственного характера обязательно должно найтись место идеи законности, как равноправной ценности в числе моральных духовных основ жизни страны.

Каждый правильно воспитанный житель России тонко понимает и чувствует нравственные категории, на которых он воспитан. Поэтому для него не составит труда разобраться, реализуются эти идеи в уголовном судопроизводстве или только лицемерно заявлены.

4. УПК должен воспитывать не только содержанием, сущностью производств и решений, но и конкретными воспитательными механизмами, которые были утрачены в начале XXI в.

Действующий уголовно-процессуальный закон не содержит ни обязанности должностных лиц, ведущих уголовный процесс, решать воспитательные задачи, ни конкретных гарантий, обеспечивающих воспитание участников уголовного судопроизводства и других граждан.

Между тем Л. Д. Кокорев убедительно доказал, что воспитательные задачи правосудия – первостепенны и должны решаться, даже если это осложнит познание истины²⁴.

Воспитательное воздействие уголовного судопроизводства, несомненно, возрастет в результате расширения возможностей общества знакомиться с ходом и результатами судебных заседаний. Этому будет способствовать состоявшаяся регламентация порядка трансляции судебных заседаний по радио, телевидению и

²² Зорькин В. Право против хаоса // Рос. газета. 2015. 24 нояб.

²³ См.: Володина Л. М. Требование справедливости в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста : науч. журнал. 2015. № 5 (23). С. 220.

²⁴ См.: Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса : учеб. пособие. Воронеж, 1993. С. 57.

в сети «Интернет», а также размещения в указанной сети приговоров. Важно, что из размещаемых в сети «Интернет» судебных актов не подлежат исключению сведения о судьях, прокурорах, адвокатах, секретаре судебного заседания, представителях, осужденных, оправданных²⁵. Однако следует идти дальше и предусмотреть по общему правилу обязательную прямую трансляцию судебного заседания в сети «Интернет» на официальном сайте суда. Решение суда о невозможности трансляции судебного заседания, а также об отсроченной или частичной трансляции судебного заседания должно подлежать обязательному безотлагательному процессуальному контролю.

Такой порядок позволит существенно повысить ответственность участников процесса за соблюдение процессуальных норм, собственное поведение в судебном заседании, станет действенной гарантией против хамства, грубости, нетактичности, а также средством воспитания граждан.

В УПК должна быть прямо предусмотрена обязанность следователя, суда реагировать представлениями, частными определениями (постановлениями) на любые факты нарушения закона, выявленные причины и условия, способствующие совершению преступления, а также неправильное поведение граждан в быту, на производстве, нарушение ими общественного долга либо, напротив, проявленных высокой сознательности, мужества, ответственности. Соответственно адресаты представлений, частных определений (постановлений) не могут их проигнорировать, обязаны принять необходимые меры, о чем в УПК необходимо четко заявить, предусмотрев ответственность за невыполнение указанной обязанности.

Уголовно-процессуальный закон, не ставший воплощением лучших отечественных нравственных ценностей, не воспитывающий в их духе участников процесса и всех граждан, знакомящихся с его содержанием или практикой применения, имеет ничтожные шансы на уважение и правильную реализацию.

²⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 июля 2017 г. № 223-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4772.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Победкин А. В., доктор юридических наук, профессор

*Moscow University of the Russian Ministry
of Internal Affairs named after V. Ya. Kikot*
Pobedkin A.V., Doctor of Legal Sciences, Professor
E-mail: apobedkin71@mail.ru

ЭТИКА СУДЬИ В УСЛОВИЯХ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Акцентируется проблема морально-нравственных качеств судей, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Анализируются случаи избрания ими линии поведения, недостойной высокого статуса судьи. Сформулированы предложения о совершенствовании законодательства о судейской этике.

К л ю ч е в ы е с л о в а: неприкосновенность судьи, уголовное преследование судьи, статус судьи, судейская этика.

ETHICS OF THE JUDGE IN THE CONDITIONS OF CRIMINAL PROSECUTION

Article written by the results of a study conducted on the facts of bringing judges to criminal liability. The author emphasizes the problem of moral qualities of judges, in respect of which the prosecution analyzed the cases of election of conduct unworthy of the high status of a judge. Based on these results the author formulates proposals on improvement of the judicial ethics legislation.

К e y w o r d s: inviolability of the judges, the prosecution judges the status of judges, judicial ethics.

Поступила в редакцию 8 сентября 2017 г.

Профессиональная этика устанавливает обязательные для каждого судьи правила поведения как при осуществлении профессиональной деятельности по отправлению правосудия, так во внесудебной деятельности, основанные на высоких морально-нравственных требованиях. Действующий сегодня Кодекс судейской этики, утвержденный VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г., говорит о том, что соблюдение этих требований должно стать внутренней потребностью, кредо судьи, правилом его жизни, которое будет «способствовать укреплению доверия общества к судебной системе, его уверенности в том, что правосудие осуществляется компетентно, независимо, беспристрастно и справедливо». Как верно отмечается учеными, «судейский статус предопределяет такую линию служебного и внеслужебного поведения, которая позволяла бы любому гражданину сказать, что этот судья настоящий профессионал и ему можно доверить рассмотрение любого дела»¹.

Распространяются эти требования на все без исключения жизненные ситуации, в которых может оказаться судья, в том числе и на ситуацию осуществления в отношении его уголовного преследования, в которой, к сожалению, нередко оказываются современные российские судьи. Как показало обобщение практики по данной категории дел², в среднем ежегодно около 15 судей становятся лица-

¹ Салимзянова Р. Р. Нравственные начала судебной деятельности : история и современность. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

² Основу анализа составили материалы более 200 случаев уголовного преследования судей или его инициации в различных субъектах Российской Федерации за последние 15 лет (с момента вступления в силу действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ): более 600 решений квалификационных коллегий судей, свыше 800 решений судов различных звеньев и инстанций, в том числе 105 приговоров, вынесенных в отношении судей.

ми, в отношении которых инициируется или осуществляется уголовное преследование.

Насколько удастся соответствовать преследуемым в уголовном порядке судьям установленным для них высоким требованиям морали и нравственности? Полагаем, для этого следует обратить внимание на социологическую характеристику данной общественной группы. При этом можно отметить, что современные судьи – это:

- достаточно молодая профессиональная группа, ядро которой составляют люди в возрасте от тридцати шести до пятидесяти лет;
- лица так называемого «нового призыва», не обремененные советским прошлым, пришедшие в систему в начале двухтысячных;
- лица, обладающие низкой географической мобильностью благодаря принципу несменяемости, прочно укоренившиеся в местном или региональном социуме;
- лица, находящиеся в высокоинертном относительно принятия новых членов сообществе, как правило, рекрутировавшиеся из аппаратов судов или из органов прокуратуры (по принципу «свои хотят видеть в сообществе больше своих» – основа воспроизводства структуры сообщества в неизменном виде)³.

Жизненные притязания судей высокие, накопленный социальный багаж серьезный, и окружающая их среда предоставляет все условия для его пополнения. Получение статуса судьи – это, как правило, достижение далекой и заветной цели, которое возвышает судью в собственных глазах, поднимает его самооценку, провоцирует на обращение свысока к тем, кто стоит ниже на социальной лестнице.

К сожалению, приходится отмечать, что, оказавшись в положении преследуемого, судьи ведут себя далеко не так достойно, как подобает их высокому статусу. Для них характерно скрупулезное изучение собранных по делу материалов, заявление тщательно подготовленных ходатайств, планомерное поинстанционное обжалование с использованием профессиональных знаний и навыков всех вынесенных против них решений. Случаи, когда судья признал бы правильность и заслуженность уголовного преследования в отношении себя или хотя бы оставил решение этого вопроса «на усмотрение членов ККС», исключительно редки.

Мотивы, приводимые ими в жалобах на принятые против них решения, нередко свидетельствуют о стремлении уйти от ответственности, в частности:

1) нередко преследуемые судьи пытаются убедить судебные, следственные органы и ККС в недопустимости уголовного преследования и незаконности их повторного наказания, поскольку они ранее уже были привлечены к дисциплинарной ответственности по фактам, изложенным в представлении Председателя СК РФ (см. определения Верховного Суда РФ от 12 апреля 2006 г. № 84-Г06-3, от 3 мая 2006 г. № 81-Г06-6, от 27 мая 2009 г. № 41-Г09-11 и др.). Хотя очевидно, что они осознают принципы дифференциации уголовной и дисциплинарной ответственности, имеющие разные цели, реализующиеся посредством различных механизмов, с применением к виновным в качестве наказания разнородных принудительных мер;

2) излюбленным аргументом многих судей против дачи согласия на возбуждение в отношении их уголовного дела становится фраза «Я не совершал вменяемого мне преступления». При этом судьи ссылаются на законность своих действий, на

³ Российские судьи как профессиональная группа : социологическое исследование / под ред. В. Волкова. СПб., 2012. С. 11–12, 15–16, 19–20.

невиновность, на наличие в деянии лишь небрежности, а не умысла, на то, что их оговорили и другое, т. е. входят в обсуждение вопросов, касающихся существования обвинения, стараясь тем самым доказать, что уголовное преследование в отношении их нецелесообразно. Отклоняя данные доводы, суды неизменно указывают, что заявитель не лишен возможности совершать процессуальные действия, направленные на реализацию своего права на защиту, в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством (см. *определения Верховного Суда РФ от 9 февраля 2011 г. № 24-Г11-1, от 16 апреля 2008 г. № 56-Г08-3, от 24 сентября 2008 г. № 46-Г08-19 и др.*);

3) многие судьи при обжаловании решений о даче согласия на возбуждение уголовного дела или о прекращении их отставки ссылаются на личные и семейные обстоятельства: состояние здоровья, инвалидность, наличие детей, их болезнь, затруднительное материальное положение, низкий уровень дохода остальных членов семьи и др., эксплуатируя которые, они пытаются расценить принятые в отношении их решения как слишком жесткие. Однако суды не соглашались с ними в этом, указывая, что «обстоятельство, когда судья один воспитывает несовершеннолетнего ребенка, не является по закону о статусе судей препятствием к наложению на него дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи» и пр. (см. *определения Верховного Суда РФ от 8 апреля 2003 г. № 5-Г03-30, от 17 октября 2006 г. № КАС06-389; решения Верховного Суда РФ от 29 октября 2007 г. № ГКПИ07-1076, от 16 июня 2008 г. № ГКПИ08-1379*);

4) возражая против согласия на уголовное преследование, судьи часто ссылаются на высокую нагрузку. Отвергая эти доводы, суды, в свою очередь, указывают следующее: «Значительный объем работы судей не освобождает от исполнения законов при рассмотрении гражданских дел» (см. *определение Верховного Суда РФ от 8 апреля 2003 г. № 5-Г03-30*); «сама по себе нагрузка судьи не может оправдывать совершение грубого нарушения требований процессуального закона» (см. *определение Верховного Суда РФ от 17 октября 2006 г. № КАС06-389*);

5) нередко судьи расценивают как препятствие для уголовного преследования свои предшествующие заслуги: возраст, длительный стаж безупречной работы в должности судьи и председателя суда, отсутствие каких-либо негативных последствий от их противоправных действий и др. Отклоняя эти доводы, суды указывают, что подобные обстоятельства «не являются основанием для отказа в даче согласия на возбуждение уголовного дела» (см. *определение Верховного Суда РФ от 5 сентября 2007 г. № 51-Г07-18, решение Верховного Суда РФ от 16 июня 2008 г. № ГКПИ08-13 и др.*);

б) некоторые судьи считают допустимым перекладывать ответственность за допущенные ими нарушения закона на подчиненных – сотрудников своего аппарата («секретарь вовремя не написала протоколы», «подготовку дела вел помощник» и т. п.). Суды, пресекая такой уход от ответственности, указывают, что «ссылка на то, что указанные действия должны были совершаться помощником судьи, секретарем, является несостоятельной, поскольку судья несет полную ответственность за находящееся в его производстве дело» (см. *приговор Верховного Суда РФ от 25 апреля 2007 г. № УК-ПИ07-2, определение Верховного Суда РФ от 8 апреля 2003 г. № 5-Г03-30 и др.*);

7) наконец, нередко судьи могут злоупотреблять своими процессуальными правами с целью затянуть принятие невыгодного для себя решения, уклоняются от явки на заседание, скрываются за границей, что приводит к неоднократным

отложениям разбирательства, затягиванию сроков рассмотрения и даже к применению мер процессуального принуждения (приводу) (см. *кассационное определение Верховного Суда РФ от 10 мая 2012 г. № АПЛ12-111, решение Верховного Суда РФ от 17 августа 2015 г. № АКПИ15-769, определение Верховного Суда РФ от 3 декабря 2015 г. № АПЛ15-522 и др.*).

Особенно удручающим выглядит отрицание судьями, застигнутыми на месте преступления, своей вины перед лицом очевидцев и потерпевших, демонстративное акцентирование своего должностного статуса, агрессивное поведение, игнорирование процессуальных обязанностей задержанного, попытки скрыться с места происшествия и др. (см. *приговор Ульяновского областного суда от 19 июня 2013 г., апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11 сентября 2013 г. по делу № 80-АПУ13-12, от 10 февраля 2016 г. № 31-АПГ15-20 и др.*).

Бесспорно, что выбор линии защиты – это неотъемлемое право каждого, кто подвергается преследованию со стороны государственных органов, что отрицание вины не является отягчающим обстоятельством и не может влечь негативных последствий. Но, как правило, достойной, внушающей если не доверие, то хотя бы уважение выглядит последовательная, непротиворечивая линия, согласующаяся с другими доказательствами по делу, не меняемая до конца разбирательства, хотя бы и построенная на отрицании своей вины. Ее выбор говорит о спокойной уверенности лица в своей правоте, вдумчивой последовательности его действий независимо от действий и показаний других лиц, о готовности в случае поражения нести ответственность за допущенные нарушения со всей строгостью закона.

К огромному сожалению, судьи ведут себя подобным образом редко. Все сказанное выше позволяет утверждать о необходимости дополнить Кодекс судейской этики положениями о необходимости соблюдения ими высоких требований морали и нравственности в случае привлечения к ответственности или угрозы такого привлечения.

Уральский государственный юридический университет

Романенко Н. В., кандидат юридических наук,
доцент кафедры судебной деятельности

Ural State Law University

Romanenko N. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Forensic Activities Department
E-mail: bvm@ekboblsud.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЬИ

Раскрывается значение процессуальных документов суда для обеспечения доверия к правосудию и судебной системе в целом. Анализируются сложившиеся в теории и на практике подходы к вопросу о доказательственном значении аудиозаписи, сделанной участниками уголовного процесса в ходе судебного заседания, в русле обеспечения полноты и достоверности содержания протокола судебного заседания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: документ, протокол, судебное заседание, аудиозапись, нравственность.

PROCEDURAL DOCUMENTS AS THE REFLECTION OF MORAL BASES OF THE CRIMINAL-PROCEDURAL ACTIVITY OF THE JUDGE

In the article the value of the procedural documents of the court as a guarantee of the trust to justice and judicial system in general is shown. The theoretical and practical approaches to a question of evidentiary value of the audio recording made by participants of criminal trial during court session in line with support of a completeness and reliability of contents of the protocol of the court session are analyzed.

K e y w o r d s: document, protocol, trial, audio recording, morality.

Поступила в редакцию 11 сентября 2017 г.

Вопросам нравственности в уголовном судопроизводстве Л. Д. Кокорев в научных работах уделял особое внимание. Он подчеркивал, что «какими бы совершенными ни были правовые и организационные гарантии, они окажутся ничтожными, если нравственные устои судьи позволяют ему принимать решение не на основании закона и своего убеждения, а в угоду тому или иному влиянию»¹. Уважительное отношение к закону со стороны, в первую очередь, судей Л. Д. Кокорев считал нравственным долгом² и выступал категорически против оправдания неисполнения правовых предписаний любым образом. И на фоне неукоснительного следования правовым предписаниям не меньшей нравственной ценностью является стремление судьи постановить приговор на основе доказательств, позволяющих достоверно установить обстоятельства преступления и виновность конкретного лица в его совершении. Такое стремление должно быть несовместимо с односторонним подходом к доказыванию, который, в свою очередь, сильно подрывает доверие граждан к правосудию, их веру в объективность и независимость суда при разрешении уголовных дел. Тонкая грань между осуществлением доказывания судом в целях получения достоверного знания и в целях устранения неполноты доказательств обвинения не должна быть стерта.

¹ Кокорев Л. Д. Суд в механизме государственной власти // Юрид. записки. Вып. 3 : Проблемы государственной власти. Воронеж, 1995. С. 62.

² См.: Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса : учеб пособие. Воронеж, 1993. С. 56.

Оценить процесс доказывания в ходе судебного разбирательства, нравственные цели и качества судьи, понимание этических аспектов его профессиональной деятельности позволяет не только непосредственное наблюдение за его действиями и решениями в период заседания, но и анализ основных процессуальных документов – приговора и протокола судебного заседания как документов, отражающих представленные, полученные и исследованные в суде доказательства.

Необходимость ведения протокола судебного заседания и требования к его содержанию закрепляет ст. 259 УПК РФ. Она же устанавливает, что протокол должен быть изготовлен и подписан председательствующим и секретарем судебного заседания в течение трех суток со дня окончания судебного заседания. Закон дает возможность изготавливать протокол судебного заседания по частям, каждая из которых должна быть подписана председательствующим и секретарем судебного заседания. Однако каких-либо указаний относительно того, когда протокол изготавливается полностью, а когда по частям, уголовно-процессуальное законодательство не содержит, оставляя решение этого вопроса на усмотрение правоприменителя.

Отсутствие в УПК РФ требования изготовить протокол судебного заседания в той части, которая фиксирует ход и результаты судебного следствия, обсуждается и осуждается в науке. С чем судья удаляется в совещательную комнату? С обвинительным заключением и материалами уголовного дела, т. е. с документами, обосновывающими версию стороны обвинения. В лучшем случае память судьи и краткие записи, сделанные им по ходу судебного следствия, помогут учесть некоторые нюансы в исследованных доказательствах. Ввиду этого случается, что под приговор, в описательно-мотивировочной части которого воспроизводятся в неизменном виде доказательства обвинения, корректируется протокол судебного заседания.

Более того, необходимость введения повсеместного аудиопроотолирования судебных заседаний депутат Госдумы, согласно пояснительной записке к зарегистрированному еще в 2014 г. законопроекту № 507477-6 «О внесении изменений в ГПК РФ и УПК РФ (в части ведения протоколирования с использованием средств аудиозаписи)»³, объясняет стремлением избежать случаев фальсификации, «подгонки» протоколов под итоговое решение суда.

Порядок подачи замечаний на протокол судебного заседания регулируется ст. 260 УПК РФ. Закон устанавливает для этого срок в три суток со дня ознакомления с протоколом судебного заседания. В системной связи с положением ч. 6 ст. 259 УПК РФ о том, что сторонам на основании ходатайства может быть предоставлена возможность ознакомиться с частями протокола по мере их изготовления, делаем вывод о возможности оперативного реагирования на неполноту либо неточность содержания соответствующей части протокола путем принесения замечаний.

Неудивительно, что большая часть замечаний, приносимых на протокол судебного заседания, касается именно содержания исследованных доказательств⁴. Результат же рассмотрения этих замечаний предсказуем. Согласившись с ними, подтвердив несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, обстоятельствам, установленным в судебном следствии, суд распишется в неправосудности такого приговора. В связи с этим вполне понятно, почему судьи занимают «круго-

³ URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=507477-6&02>

⁴ См.: Баяев О. Я. О протоколе судебного заседания (критический анализ ст. 259 УПК РФ; предложения по ее совершенствованию) // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 224.

вую оборону» в вопросе о доказательственном значении аудиозаписи судебного заседания, сделанной стороной защиты. Суды указывают, что доказательственное значение имеет лишь такая аудиозапись, которая получена в результате применения технических средств самим судом, а не другими участниками процесса⁵.

Право присутствующих в открытом судебном заседании вести аудиозапись и/или письменную запись, фиксируя тем самым ход и результаты рассмотрения и разрешения уголовного дела, является проявлением принципа гласности. Казалось бы, это правило, закрепленное ч. 5 ст. 241 УПК РФ, дано законодателем не только для того, чтобы облегчить сторонам выполнение их функций, например анализ исследованных в ходе судебного следствия доказательств при подготовке к выступлениям в прениях, но и с целью дисциплинировать суд в плане достоверности и полноты отражения в протоколе обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, установленных в судебном заседании, и доказательств, на которых суд основывает свой вывод о виновности либо невиновности подсудимого в описательно-мотивировочной части приговора.

Поскольку стороны уголовно-процессуальным законом наделяются правом подать замечания на протокол судебного заседания (ст. 260 УПК РФ), абсолютно логично и уместно было бы использовать это право в системной связи с правом на ведение аудиозаписи в открытом судебном заседании. Результат реализации последнего дает возможность подать обоснованные и подтверждаемые замечания на протокол судебного заседания ввиду его неполноты и/или некорректности отражения в нем показаний свидетелей, порядка осуществления процессуальных действий и т. д.

Однако на практике аргументация отказа в признании доказательственного значения аудиозаписи, выполненной сторонами по делу, может быть простой и незатейливой со стороны суда: хотя любое лицо, присутствующее в открытом судебном заседании, вправе вести аудиозапись и письменную запись, закон не содержит требований о необходимости приобщения к материалам дела сведений, полученных таким образом⁶.

Отвечает ли такое сложившееся в правоприменении положение требованиям высокой нравственности, предъявляемым к судье в связи с выполняемой им функцией? Решаются ли в таких условиях воспитательные задачи правосудия, которые Л. Д. Кокорев считал первостепенными? Представляется, что нет.

Вызывает тревогу тот факт, что, став довольно замкнутой корпорацией, судебское сообщество не проявляет должной заботы о своем авторитете и авторитете судебной власти в государстве, предпочитает отрицать проблемы, а не проявлять инициативу в их решении.

В подобной ситуации на первый план выходят процессуальные гарантии, сковавающие и нейтрализующие человеческую слабость⁷. Действенной гарантией честности в составлении процессуальных документов было бы аудиопротоколи-

⁵ В качестве примера см.: Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 27 апреля 2017 года по делу № 22-2474/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-krasnoyarskij-kraevoj-sud-krasnoyarskij-kraj-s/act-555887613/>

⁶ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Северная Осетия – Алания от 22 марта 2017 года по делу № 22-18/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-severnaya-osetiya-alaniya-respublika-severnaya-osetiya-alaniya-s/act-554263758/>

⁷ См.: *Победкин А. В.* Гарантии нравственности (о нравственном значении трудов Л. Д. Кокорева) // *Судебная власть и уголовный процесс.* 2015. № 4. С. 60.

рование судебных заседаний. Но с сожалением отметим, что и гарантиям нужны гарантии – гарантии от злоупотребления «техническими неполадками», к примеру. И здесь совершенствование законодательной формулировки права сторон осуществлять аудиозапись судебного заседания путем фиксации в протоколе самого факта проведения аудиозаписи судебного заседания участником процесса и приобщение на основании его ходатайства носителя информации к протоколу по окончании судебного заседания может стать такой гарантией. В ст. 259 УПК РФ следует закрепить фиксацию в протоколе факта проведения участником уголовного судопроизводства аудиозаписи судебного заседания и приобщение на основании его ходатайства носителя информации к протоколу непосредственно по окончании судебного заседания.

Нравственность как совокупность требований к поведению, обеспечиваемая силой общественного мнения, сама переживает не первый виток кризиса в современной российской действительности. Нет общепризнанного эталона, к авторитету которого, в первую очередь, сам человек апеллировал бы, решая для себя частный вопрос. Этим осложняется «жизнь» нравственности в правоприменении, что предполагает совершенствование системы процессуальных гарантий как прав отдельных участников уголовного судопроизводства, так и правосудия в целом.

Воронежский государственный университет
Стародубова Г. В., кандидат юридических наук, доцент,
исполняющая обязанности заведующего кафедрой
уголовного процесса

Voronezh State University
Starodubova G. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Acting Head of the Criminal Process Department
E-mail: gv_starodubova@mail.ru

БЕЗОПАСНОСТЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ – СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена проблемам охраны прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве в рамках обеспечения безопасности лиц, вовлеченных в досудебное и судебное производство; безопасность в уголовном судопроизводстве рассматривается в качестве составной части правовых ценностей государства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальные и правовые ценности, безопасность в уголовном судопроизводстве, государственная защита личности.

SECURITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS IS AN INTEGRAL PART OF THE LEGAL VALUES OF MODERN SOCIETY

This article is devoted to problems of protection of the rights and freedoms of person in criminal proceedings to ensure the safety of persons involved in pre-trial and trial proceedings; the security in criminal proceedings is considered an integral part of the legal values of the state.

К e y w o r d s: social and legal values, security in criminal proceedings, state protection of the individual.

Поступила в редакцию 7 сентября 2017 г.

Рассмотрение проблем ценностной ориентации личности было актуальным еще до нашей эры, когда Сократ сформулировал вопрос о том, что такое благо. «Благо есть реализованная ценность – полезность. По его мнению, ценность и польза – две стороны одной и той же медали»¹.

По мнению С. И. Ожегова, понятие «ценность» связано не только с ценой и стоимостью как материальной составляющей, но и с такими частями, как духовные и культурные достоинства².

Ценность как в античной, так и в современной истории обусловлена необходимостью создания таких духовных опор, которые помогают человеку выдерживать жизненные испытания и невзгоды, придают ему жизненные силы, внося в его повседневность осмысленность, позволяющую соизмерять свои действия как с моральными принципами, так и с нормами права.

Говоря о субъективной природе любого ценностного отношения, следует делать акцент на то, что ценности обусловлены повседневной жизнью человека, поскольку только через него реальность приобретает ценностный характер, в основе которого находятся конкретные потребности общества и его граждан.

Лишь в процессе человеческой деятельности потенциальная ценность явления воплощается в жизнь. Ценность обусловлена такой деятельностью, которая находит свое отражение в сознании и поведении человека в таких ситуациях, которые требуют выбора. По мнению В. Франкла, объективный и универсальный

¹ Ксенофонт. Сократические сочинения : пер. с древнегреческого / вступ. ст. и примеч. С. Соболевского. М., 2014. С. 230.

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1990. С. 871.

© Францифоров Ю. В., Чечуевский Н. В., 2017

характер ценностям придает их осмысленность. Он считал ценности личности «универсалиями смысла», который присущ лицу, на протяжении его развития. Человек обретает смысл жизни, когда переживает определенные ценности³.

Социальные ценности тесно связаны с нормами права, поскольку определяются основными принципами, устанавливающими отношение гражданина к праву. Так, социальными ценностями и ценностями права являются такие категории, как свобода, справедливость, равенство, взаимопомощь, которые формируют человеческое поведение для достижения социальных, общественных целей, а поэтому являются ценностями той культуры, в которой возникло право. «Правоведы не придумывают модели поведения, а заимствуют их из практической жизни и ценностных ориентаций социальной среды, которая характерна для определенной культуры, где они сами существуют»⁴.

И если правовые ценности в сфере правосознания имеют регулирующее значение, то правовые нормы приобретают значение ценностей и становятся объектом оценок. При этом «сознательно-волевое поведение индивидуума всегда исходит в той или иной степени из действия усвоенных и оцененных им социальных норм»⁵.

С точки зрения аксиологического подхода в праве основные ценностные интересы личности определены в Конституции РФ, в которой каждому основному праву корреспондирует конкретная ценность, в основе которой содержится обязательство государства «не делать» или «сделать» что-либо.

Поведение личности всегда зависит от того, на чем основываются его действия – на норме права или на ценности:

– нормы права указывают нам на должное поведение, а ценности – на поведение рекомендуемое;

– нормы права называют правильным поведение, которое является благом одинаково для всех и всех связывает, а ценности считают правильным поведение, являющееся благом для меня (нас), которое предпочтительнее;

– нормы права регулируют отношения в интересах всех, ценности же должны быть согласованы между собой, и это соглашение будет выражать идентичность данного сообщества⁶.

Поскольку высшей ценностью являются человек, его права и свободы, то признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства⁷.

К числу таких социальных ценностей, как свобода, равенство и справедливость, которые обеспечиваются и охраняются нормами права, следует отнести и личную безопасность.

³ См.: *Тетерин В. М.* Ценности и смыслы Виктора Франкла // Вопросы философии. 2013. № 4. С. 48–51.

⁴ *Арутюнян М., Здравомыслова О. М., Курильски-Ожвэн Ш.* Образ и опыт права. Правовая социализация в изменяющейся России. М., 2014. С. 234.

⁵ *Тихомиров Ю. А.* Теория закона. М., 1982. С. 6.

⁶ См.: *Шустров Д. Г.* Государство и конституция // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 13–14.

⁷ См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 дек. ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова термин «безопасность» толкуется как состояние, при котором не угрожает опасность либо есть защита от опасности⁸.

В связи с этим следует согласиться с тем, что в понятие «безопасность» вполне обоснованно включено такое его свойство, как защита.

Основной закон охраняет жизнь каждого путем утверждения такой организации общества, при которой обеспечивается личная безопасность любому его члену⁹.

Понятие безопасности является составной частью охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, поскольку устанавливает средства и способы обеспечения защищенности лица в современном обществе, что обусловлено требованием ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Основная часть реализации такой безопасности ложится на государственные органы и должностные лица в уголовном судопроизводстве. К ним следует отнести суд, прокурора, следователя, орган дознания, дознавателя и других должностных лиц, обладающих властными полномочиями по обеспечению безопасности потерпевших и свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников и близких лиц.

Ежегодно в ходе расследования уголовных дел, согласно статистическим данным, более 10 млн человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей. К участникам уголовного судопроизводства часто применяются приемы и методы физического и психологического воздействия в целях изменения ими своих показаний либо отказа от них. Результатом этого становятся случаи отказа и уклонения потерпевших и свидетелей от участия в уголовном судопроизводстве¹⁰.

Государственная защита участников уголовного судопроизводства обусловлена необходимостью обеспечения мер безопасности, направленных на защиту их жизни, здоровья и имущества, в том числе на осуществление мер социальной поддержки указанных лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве уполномоченными на то государственными органами.

В соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» подлежат государственной защите такие участники уголовного судопроизводства, как потерпевший, свидетель, частный обвинитель, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено, эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также участвующие в уголовном судопроизводстве педагог и психолог, гражданский истец, гражданский ответчик, законные представители, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя. Меры государственной защиты могут быть применены и до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы

⁸ См.: Ожегов С. И. Указ. соч. С. 47.

⁹ См.: Кочетков В. В. Российская элита и модернизация политической системы. М., 2013. С. 54–57.

¹⁰ Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы»: утв. постановлением Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 (в ред. от 29.06.2017 № 780). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления.

Обеспечению безопасности участников процесса способствует производство такого следственного действия, как контроль и запись телефонных и иных переговоров, что вызвано угрозой совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля, их близких родственников, родственников, близких лиц (ч. 2 ст. 186 УПК РФ). Обеспечению безопасности опознающего отводится внимание при производстве предъявления для опознания, в этом случае предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ). Вопрос безопасности допроса свидетеля связан с необходимостью его осуществления без оглашения подлинных данных о личности свидетеля (ч. 5 ст. 278 УПК РФ). Безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, а также их родственников может быть обеспечена следователем (дознавателем), который вправе не приводить в протоколе следственного действия данные об их личности, используя псевдоним и образец его подписи (ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

Обеспечением безопасности участников уголовного судопроизводства и их родственников вызвано требование п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ, связанное с возможностью проведения закрытого судебного заседания.

Вместе с тем следует разобраться в соотношении таких понятий, как «неприкосновенность» и «безопасность», которые часто используются авторами в едином контексте как «личная неприкосновенность и безопасность»¹¹, безопасность и неприкосновенность личности¹². Однако законодатель в уголовно-процессуальном законе разделяет такие термины, как «неприкосновенность» и «безопасность», проявляя определенность в их использовании. Так, «неприкосновенность» применяется им в таком словосочетании, как «неприкосновенность личности», означающая недопустимость задержания или заключения под стражу лица, при отсутствии на то законных оснований, установленных УПК РФ (ч. 1 ст. 10), а «безопасность» используется в словосочетании «меры безопасности», что обусловлено необходимостью защиты лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, от угрозы убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества или иными опасными противоправными деяниями (ч. 3 ст. 11 УПК РФ).

Использование терминов «личная неприкосновенность» и «безопасность личности» в качестве идентичных является ошибочным, поскольку личная неприкосновенность связана в большей мере с невмешательством в личные права и свободы личности, тогда как «безопасность личности» связана в основном с защитой от угрозы убийством или применением насилия.

Безопасность личности – основная ценность современного общества, а также естественное право любого человека, обусловленное необходимостью защиты его жизненно важных интересов от внутренних и внешних угроз, а безопасность в уголовном судопроизводстве – это составная часть правовых ценностей госу-

¹¹ Князев С. Д. Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации // Журнал рос. права. 2013. № 12. С. 23.

¹² См.: Ефремов А. А. Новые информационные технологии в практике Европейского суда по правам человека // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2016. № 6. С.18.

дарства, в основе которых лежат меры безопасности, осуществляемые судом, прокурором, следователем и дознавателем в отношении участников уголовного процесса, их близких родственников, родственников, близких лиц, при наличии достаточных данных о том, что им угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества или иными опасными противоправными деяниями.

Саратовская государственная юридическая академия
Францифоров Ю. В., доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
Чечуевский Н. В., аспирант, преподаватель кафедры
уголовного процесса

Saratov State Academy of Law
Frantciforov Yu. V., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of the Criminal Process Department
E-mail: franciforov@mail.ru
Chechuevsky N. V., Post-graduate Student,
Lecturer of the Criminal Process Department

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343

О. А. Грачёва

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОКУРОРОМ ПРОВЕРОК НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Основным способом обеспечения законности выступают прокурорские проверки. Однако отсутствие должного правового регулирования процедуры надзора препятствует повышению его эффективности. Делается вывод о необходимости внесения предложений по совершенствованию действующего законодательства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: прокурор, прокурорский надзор, прокурорская проверка, стадия возбуждения уголовного дела, уголовный процесс.

ORGANIZATION OF THE PROSECUTOR'S CONDUCT OF INSPECTIONS AT THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The primary method of enforcing the law are the Prosecutor's investigation. However, the lack of legal regulation of procedure of supervision preventing the increase of its efficiency. The conclusion about the need to make proposals for improving existing legislation.

К e y w o r d s: Prosecutor, Prosecutor supervision, public Prosecutor's check, the stage of initiation of criminal proceedings, criminal proceedings.

Поступила в редакцию 6 сентября 2017 г.

Согласно принципам построения правового государства права и свободы человека признаны наивысшей ценностью. Требование ст. 52 Конституции РФ, гарантирующей охрану прав потерпевших от преступлений и обеспечивающей им доступ к правосудию, отражено в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ, где впервые закрепилось правозащитное направление уголовного процесса. Исходя из этого должностные лица государственных органов обязаны осуществлять свою деятельность в соответствии с ожидаемыми от нее результатами, указанными в ч. 1 ст. 6 УПК РФ.

Реализация целей, указанных в данной статье, начинается уже на одном из первых этапов уголовного процесса – в стадии возбуждения уголовного дела. Для этого необходима правильная организация работы всех правоохранительных органов и должностных лиц, построенная согласно букве закона. Это существенно повлияет на раскрытие преступлений, обеспечит неотвратимость ответственности. Причиной совершения новых преступлений является безнаказанность за прежние деяния. Нарушение прав граждан, ущемление интересов человечества происходит из-за отсутствия надлежащих мер по каждому сигналу о преступлении.

Уровень правозащитного потенциала первой стадии уголовного процесса существенно определяет возможность достижения в последующих стадиях процесса общего назначения уголовного производства. Стадия возбуждения уголовного дела должна служить своеобразным барьером, призванным оградить лицо от необоснованного уголовного преследования и привлечения к ответственности, и, следовательно, существенно повышать значение надзорной деятельности за законностью,

© Грачёва О. А., 2017

обоснованностью и своевременностью принятия и разрешения заявлений и сообщений о преступлении.

Еще со времен Уголовно-процессуального кодекса РСФСР принято считать, что задача прокурора в этой стадии – являться гарантом соблюдения законности при возбуждении уголовного дела и отказе в его возбуждении (ст. 25). Нельзя не согласиться с мнением А. Б. Ломидзе, что «роль прокурора на стадии возбуждения уголовного дела состоит в осуществлении надзора за деятельностью следователя и органа дознания по рассмотрению и проверке поступающих сообщений с целью выяснения наличия уголовно-правовых и уголовно-процессуальных предпосылок для возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела»¹.

Прокурорский надзор в первой стадии уголовного процесса представляет собой деятельность прокурора по проверке законности действий (бездействия) и решений следователя и дознавателя по приему, регистрации и разрешению сообщений о преступлениях, включающую право требовать устранения выявленных нарушений (в том числе путем отмены итоговых решений, принимаемых на данной стадии).

Об этом говорится в ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ, определяющей правовой статус прокурора в уголовном процессе. В статье указывается, что прокурор уполномочен проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2 ст. 37), а также истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (п. 5.1 ч. 2 ст. 37).

Однако порядок и формы реализации данных проверок законом не установлены. Фактическое отсутствие порядка осуществления прокурором проверок в стадии возбуждения уголовного дела пытаются компенсировать за счет инструкций, приказов и указаний, что влияет на частое изменение по своему усмотрению сроков и порядка проведения проверок, которые в этих приказах и указаниях содержатся. Отсутствие системности в регулировании прокурорских проверок, существующие законодательные пробелы и коллизии приводят к существенному снижению эффективности надзора.

Генеральный прокурор, выделяя данное направление надзора как одно из приоритетных, сосредоточивает внимание на непосредственной связи эффективности надзорной деятельности, повышения качества следствия и предупреждения нарушений уголовно-процессуального законодательства с совершенствованием методов и форм прокурорского надзора, оптимизацией взаимодействия прокуроров и следователей следственных органов². Соответственно, постоянное совершенствование методов осуществления прокурорской деятельности в стадии возбуждения уголовного дела является одной из первостепенных задач.

Результаты прошедших лет свидетельствуют об отрицательной динамике в данном направлении. Большинство нарушений закона (76 %) органами следствия и дознания допускается в стадии возбуждения уголовного дела. Так, за 2016 г. только органами прокуратуры выявлено более 3,7 млн нарушений, допущенных на этапе

¹ Ломидзе А. Б. Прокурорский надзор за законностью принимаемых следователем процессуальных решений. М., 2000. С. 61.

² Например: Указание Генеральной прокуратуры РФ и Следственного комитета при прокуратуре РФ от 16 декабря 2008 г. № 272/49/5/206 ; Об итогах работы органов прокуратуры за 2008 г. и мерах, направленных на повышение эффективности деятельности по укреплению законности и правопорядка : решение коллегии Генеральной прокуратуры РФ от 25 февраля 2009 г.

приема, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, из них 2698 связаны с необоснованным отказом в приеме или оставлением без регистрации сообщений о преступлениях. Поставлено на учет почти 154 тыс. ранее известных, но по разным причинам неучтенных преступлений. Отменено 19 543 постановления о возбуждении уголовного дела³.

Большинство исследователей⁴ данного вопроса самым распространенным нарушением на этапе приема сообщений о преступлениях считают сокрытие преступлений от учета путем фальсификации заявлений и сообщений о совершенном преступлении. Причиной является не только некорректное применение закона, но и несовершенство нормативно-правовой базы. Верным считается высказывание А. Ю. Чуриковой о том, что «пока решения о возбуждении уголовных дел будут приниматься лицами прямо либо косвенно заинтересованными в укрывательстве уголовных дел в погоне за «легкой раскрываемостью», ситуация в корне измениться не может»⁵.

По итогам деятельности органов прокуратуры РФ в досудебном производстве за январь-декабрь 2016 г. прокурорами было отменено около 2,5 млн незаконно вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел⁶. Это свидетельствует о том, что проведение прокурором проверок на данном этапе имеет особое значение, так как именно в уголовном процессе происходит наиболее острое вторжение в различные области жизни человека. Быстрое реагирование на любое сообщение о совершенном либо готовящемся преступлении, своевременное, всестороннее и полное расследование уголовного дела являются залогом защиты прав потерпевших и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. В таких условиях деятельность прокурора, направленная на оперативное выявление и пресечение нарушений действующего законодательства, играет важную роль в борьбе с преступностью и защите прав граждан.

³ См.: Генеральная прокуратура РФ. Сводный отчет по Российской Федерации по форме НСид за январь-декабрь 2011 г. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 21.02.2016); Генеральная прокуратура РФ. Сводный отчет по Российской Федерации по форме НСид за январь-декабрь 2016 г. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 21.02.2016).

⁴ См.: Ломовский В. Д. Прокурорская проверка и вопросы повышения ее эффективности // Вопросы повышения эффективности правосудия по уголовным делам : межвуз. сборник. Калининград, 1981. Вып. 9. С. 63–75 ; Егзю же. Прокурорская проверка исполнения законов : учеб. пособие. Тверь, 1993 ; Чурикова А. Ю. О деятельности прокурора в досудебном уголовном судопроизводстве // Судебная система и гражданское общество в России : сб. науч. статей. Саратов, 2015. С. 76–79.

⁵ Чурикова А. Ю. Пути совершенствования досудебного производства по уголовным делам // Современное общество и власть : электронный научный журнал. 2015. № 4. С. 128–134. URL: <http://gmanagement.ru/index.php/ru/archiv/06-2015r/272-vasilchikov-52035>

⁶ Генеральная прокуратура РФ. Сводный отчет по Российской Федерации по форме НСид за январь-декабрь 2016 г. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 21.02.2016).

Саратовская государственная юридическая академия
Грачёва О. А., преподаватель кафедры прокурорского надзора
и криминологии

Saratov State Law Academy
Gracheva O. A., Lecturer of the Prosecutorial
Supervision and Criminology Department
E-mail: Letsik91@mail.ru

О СПОСОБАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ НАРУШЕНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ

Рассматривается вопрос о способах преодоления нарушений в деятельности начальника подразделения дознания. Обосновывается идея о том, что поддержание достойного нравственного стандарта для начальника подразделения дознания является гарантией успешного выполнения им своих полномочий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: начальник подразделения дознания, дознание, права, обязанности, нравственный стандарт, принципы, профессиональная этика.

TO THE QUESTION ABOUT HOW TO PREODOLENIE VIOLATIONS IN THE ACTIVITIES OF THE CHIEF OF DIVISION OF INQUIRY

The article is the question of the ways of overcoming the violations in the activities of the chief of division of inquiry. Substantiates the idea that maintaining a decent moral standard for the chief of Department of inquiry is a guarantee of successful execution of its powers.

К e y w o r d s: chief of division of inquiry, inquiry, the rights, duties, ethical standard and principles of professional ethics.

Поступила в редакцию 12 сентября 2017 г.

Одним из показателей проблемы недостаточной эффективности дознания являются нарушения в деятельности начальника подразделения дознания. Решение проблемы эффективности дознания невозможно без их преодоления.

Способы преодоления нарушений в деятельности начальника подразделения дознания связаны с поднятием на новый уровень деловых, моральных качеств начальника подразделения дознания; с преодолением перегрузки в работе указанных участников процесса. Решение указанных вопросов должно осуществляться, прежде всего, в рамках качественной кадровой политики по отношению ко всем лицам, расследующим преступления. Последние, как отмечается в литературе, должны обладать устойчивостью к однообразным длительным воздействиям и к эмоциональным перенапряжениям; способностью устанавливать психологические контакты в общении; видеть проблему там, где все кажется ясным и решенным, и др.¹

Что касается преодоления перегрузки в работе начальников подразделения дознания, то оно должно происходить за счет грамотного планирования его работы, формирующего фундамент для оптимальной организации его труда; четкого распределения функциональных обязанностей между начальником и его заместителем. По поводу последнего средства решения обозначенной проблемы нельзя не согласиться с мнением Л. В. Черепанова и М. М. Кузембаева: «Обязанности между ними должны распределяться так, чтобы каждый из них непосредственно руководил определенной группой дознавателей (например, по организации расследования очевидных и неочевидных преступлений). При этом объем работы по непосредственному руководству дознавателями у начальника должен быть мень-

¹ См.: Ахмадуллин А. С. Всесторонность, полнота и объективность в досудебных стадиях российского уголовного процесса. М., 2006. С. 62.

ше, чем у заместителя, поскольку начальник, кроме этого, осуществляет общее руководство подразделением»².

В достижении позитивных результатов в области преодоления перегрузки в работе начальников подразделения дознания не последнее место отводится научным рекомендациям, использованию передового опыта. Решению данной проблемы будет также способствовать улучшение организационной структуры органов дознания.

Подъем на новый уровень деловых, моральных качеств начальника подразделения дознания является сложной проблемой, требующей своего разрешения. Актуальность ее состоит в том, что как для некоторых начальников подразделения дознания, так и для других лиц, осуществляющих уголовное преследование, почти типичными стали следующие негативные черты: отсутствие необходимых профессиональных познаний и навыков работы; пренебрежительно-нигилистическое отношение к выполнению предписаний уголовно-процессуального закона; профессиональная деформация; недобросовестное отношение к выполнению служебного долга³. Некоторые из этих явлений получили свое толкование в правовых актах. И не только. В этих же актах предусмотрены и направления профилактики данных явлений. Это касается профессиональной нравственной деформации, определяемой Кодексом профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации как негативное изменение ориентиров и девальвация нравственных ценностей у части сотрудников под воздействием условий и опыта профессиональной деятельности, проявляющиеся в искаженном отношении к служебному долгу и дискредитирующие моральный облик сотрудника (ч. 2 ст. 10, ст. 11).

К числу способов, стимулирующих профессиональную составляющую деятельности начальника подразделения дознания, на наш взгляд, следует отнести: повышение качества подготовки специалистов, в том числе и за счет обязательной специализации дознавателей на последних курсах обучения в учебных заведениях⁴; совершенствование системы отбора кандидатов на рассматриваемую должность; регулярное повышение квалификации; стимулирование лучших; привлечение к ответственности за допущенные нарушения.

Как верно отмечалось в литературе, действия лиц, ведущих процесс, должны согласовываться не только с нормами права, но и с нормами морали⁵.

Нравственный компонент в деятельности начальника подразделения дознания, как уже было показано, тесно переплетается с профессиональной составляющей. Он играет не последнюю роль в эффективности реализации полномочий начальником подразделения дознания. На его формирование влияет ряд факторов: всеобщие нравственные принципы, которые должны соблюдать все; степень кон-

² Черепанов Л. В., Кузембаева М. М. Процессуальный контроль и надзор за производством дознания : учеб. пособие. Барнаул, 2010. С. 53–54.

³ Указанные признаки исследовались применительно к следователю А. Б. Соловьевым, который их назвал субъективными причинами следственных ошибок (см.: Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия : метод. пособие / В. В. Воскресенский [и др.]. М., 1991. С. 11–14).

⁴ См.: Повышение квалификации дознавателей и старших дознавателей отделов, отделений дознания горрайлинорганов внутренних дел : учеб. пособие / А. М. Андриянов [и др.]. М., 2008. С. 475.

⁵ См.: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 293.

кретизации всеобщих нравственных принципов в уголовно-процессуальных нормах; степень конкретизации всеобщих нравственных принципов в ведомственных правовых актах применительно к соответствующей группе публичных субъектов, участвующих в уголовном судопроизводстве.

К всеобщим нравственным принципам, которые должны соблюдать все, а не только начальники подразделения дознания, относятся гуманизм, справедливость, достоинство, добросовестность, принципиальность, честность и др. Указанные основы вечны и образуют фундамент всех общественных отношений. Об этом не раз отмечалось в литературе⁶. Именно на них в первую очередь обращает внимание Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, рассматривая в качестве безусловных требований профессиональной и общественной морали к служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел гуманизм, объективность, справедливость, лояльность, толерантность (ч. 2 ст. 6). О них же говорится как о принципах деятельности полиции и в Федеральном законе «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (например, ст. 5).

Процесс конкретизации всеобщих нравственных принципов в уголовно-процессуальных нормах как фактор, влияющий на эффективность реализации полномочий начальника подразделения дознания, обусловлен взаимосвязью права и морали. Эта взаимосвязь как нельзя лучше показана в следующем высказывании русского юриста Г. Ф. Шершеневича: «Нормы права усваиваются теми же способами, как и нормы нравственности, даже больше в качестве норм нравственности»⁷.

Для упомянутого выше процесса характерно существование уголовно-процессуальных норм, наполненных нравственным содержанием, появление новых аналогичных с точки зрения нравственности положений, что в свою очередь свидетельствует о расширении сферы действия морального фактора в уголовном судопроизводстве. Глубоко нравственным является уже само назначение уголовного судопроизводства, охватывающее защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Кроме того, к нравственным требованиям, получившим закрепление в УПК РФ и рассчитанным на всех участников уголовного процесса, можно отнести положения: о законности при производстве по уголовному делу (ст. 7); об охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11); об обеспечении подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16); о свободе оценки доказательств (ст. 17); о неприкосновенности личности (ст. 10); о неразглашении сведений об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства (п. 3 ч. 2 ст. 241; ч. 7 ст. 182); об уважении чести и достоинства личности (ст. 9); о сохранении тайны предварительного расследования (ст. 161) и др. Примечательно, что нравственный компонент содержится практически во всех нормах-принципах. Именно они определяют содержание всего уголовно-процессуального права, и, значит, исполнение их в первую очередь обязательно для всех участников уголовно-процессуальных отношений, включая и начальника подразделения дознания.

⁶ См.: Насонова И. А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

⁷ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права // История политических и правовых учений. Ч. 2 : Русская политико-правовая мысль : хрестоматия / сост. и автор вступ. статей В. В. Ячевский. Воронеж, 2005. С. 613.

Следующим фактором эффективности реализации полномочий начальника подразделения дознания является разумная детализация уголовно-процессуальных норм применительно к различным вариантам участия начальника подразделения дознания в уголовном судопроизводстве. Речь идет в первую очередь о регламентации участия начальника подразделения дознания в сокращенной форме дознания, проблемам которой посвящено немало работ⁸.

Еще одним фактором эффективности реализации полномочий начальника подразделения дознания является степень конкретизации всеобщих нравственных принципов в ведомственных правовых актах применительно к соответствующей группе публичных субъектов, участвующих в уголовном судопроизводстве.

О такой конкретизации применительно к начальнику подразделения дознания можно говорить в аспекте правовых актов ведомственного характера (например, приказов министра), рассчитанных не только на него, но и на других лиц, занимающих в соответствующих органах руководящий статус и относящихся к публичным участникам уголовного процесса. Примером ее являются отдельные нормы Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, согласно ч. 6 ст. 16 которого руководитель должен проявлять высокую требовательность, принципиальность в сочетании с уважением личного достоинства; рассматривать без промедления факты нарушения норм и принципов профессиональной этики и принимать по ним объективные решения; устанавливать справедливую, равномерную служебную нагрузку на личный состав; пресекать интриги, слухи, сплетни, проявления нечестности, подлости, лицемерия в служебном коллективе и т. д.

Итак, поддержание достойного нравственного стандарта для начальника подразделения дознания является гарантией успешного выполнения им своих полномочий. Оно немислимо без соблюдения начальником подразделения дознания нравственных требований, содержащихся в уголовно-процессуальных нормах, в правовых актах, посвященных этическим вопросам, а также традиций, соответствующих всеобщим нравственным принципам. Нравственный стандарт начальника подразделения дознания должен быть дополнен достойным процессуальным стандартом благодаря совершенствованию правовой регламентации полномочий указанного участника.

⁸ См.: Насонова И. А., Цинова М. В. Отдельные аспекты функционирования уголовно-процессуального института дознания в сокращенной форме // Вестник Воронеж. ин-та МВД России. 2014. № 2. С. 7–11 ; Цинова М. В., Насонов А. А. О субъектах обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту и некоторых особенностях их процессуальных возможностей при производстве дознания в сокращенной форме // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 236–241.

Воронежский институт МВД России

Красноруцкая Т. А., кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры административного права

Voronezh Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

Krasnorutskaya T. A., Candidate of Legal Sciences,
Lecturer of the Administrative Law Department
E-mail: Tatjana020382@yandex.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА

Становление системы рыночных отношений остается приоритетным направлением развития и укрепления экономики страны. При этом возникает немало проблем и противоречий, что непосредственно касается применения такого института, как банкротство предприятий. В настоящее время очевидно правомерное банкротство предприятий и фиктивное, преднамеренное банкротство, когда под общим состоянием кризиса предприниматели обманным способом банкротят предприятия. В связи с этим нами рассмотрен криминалистический аспект расследования преднамеренного банкротства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экономика, банкротство, расследование преднамеренного банкротства, признаки банкротства.

SINGLE ISSUES OF INVESTIGATION OF PREMEDITATED BANKRUPTCY

The formation of the system of market relations is a priority for the development and strengthening of the economy. This raises a lot of problems and contradictions. This also applies to the use of such an institution as the bankruptcy of enterprises. In times of crisis it is quite obvious legitimate business failures and false, deliberate bankruptcy, when under the general state of crisis, fraudulently, entrepreneurs bankrupt enterprises. In this regard, we have discussed forensic aspect of the investigation of deliberate bankruptcy.

K e y w o r d s: economy, bankruptcy, premeditated bankruptcy investigation, signs of bankruptcy.

Поступила в редакцию 13 ноября 2017 г.

В период рыночной экономики мы наблюдаем развитие различных отраслей современной предпринимательской деятельности. Независимо от организационно-правовых форм предпринимательства, на его деятельности сказываются негативные последствия кризисного положения нашего государства. Банкротство той или иной организации является в настоящее время обыденным явлением, которое характеризует регресс в деловой жизни. Очевидно, что подобного рода финансовая несостоятельность продолжает оставаться актуальной и как юридический факт, влекущий последствия, и как явление деловой обыденности, результатом неудачного стечения обстоятельств, ошибок управления и планирования, прочих факторов, которые в полном объеме перечислить непросто.

Современные авторы полагают, что банкротство – это результат негативного влияния разнообразных внешних и внутренних факторов развития организации в рыночных условиях.

Мировая практика банкротства показывает, что угроза финансовой нестабильности организаций возникает в среднем на 25–30 % из-за внешних факторов и на 70–75 % из-за внутренних, связанных с неумелым, нерациональным управлением. При этом в развитых зарубежных странах эти соотношения имеют следующие значения: внешние факторы составляют 10–15 %, внутренние – 85–90 %, в России внешние и внутренние факторы составляют примерно по 50 %¹.

¹ См.: *Баринов В. А.* Антикризисное управление : учеб. пособие. М., 2005. С. 310.

© Кряжев В. С., Прошутинская Е. П., 2017

Остановимся на некоторых вопросах понятия, признаках и особенностях расследования преднамеренного банкротства. Преднамеренное банкротство является деянием, за которое предусмотрена административная и уголовная ответственность. Рассмотрим преднамеренное банкротство в уголовном аспекте, актуальными вопросами которого являются признаки, выявление его факта, а также предусмотренные за него санкции.

Фактически с момента принятия в 1996 г. Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) преднамеренное банкротство рассматривается в правоприменительной деятельности в аспекте расследования экономических преступлений. В самом начале действия УК РФ практическим работникам в сфере уголовно-процессуальной деятельности, когда еще не было выработанной позиции о банкротстве Верховного Суда РФ, еще не сформировалась судебная практика по данным вопросам, приходилось сталкиваться со значительными трудностями. Проблематика заключалась в пробелах и противоречиях в действующем законодательстве, возникали вопросы в процессе собирания и оценки доказательств. В частности, в процессе доказывания было практически невозможно доказать умысел преднамеренного банкротства.

В связи с этим по данному вопросу российскими специалистами в области уголовного права и уголовного процесса, криминалистики была высказана точка зрения о декриминализации статей УК РФ, об исключении норм о банкротстве. Однако в первую очередь это было связано с отсутствием общественной опасности этих деяний².

Тем не менее диспозиция ст. 196 УК РФ определяет преднамеренное банкротство как совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредитора по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб.

Как видим, преднамеренное банкротство – это уголовно наказуемое преступление. Конечно, банкротство не считается явлением противозаконным, когда оно стало результатом сложения многих неблагоприятных факторов, результатом невозможности выполнять деловые и законные обязательства, но УК РФ регламентирует наиболее часто встречаемый вариант преднамеренного ухода в это состояние, имитацию несостоятельности, которая имеет всегда понятную цель – прекращение выполнения обязательств перед деловыми партнерами, на самом деле, при имеющейся возможности их выполнять. К сожалению, в настоящее время на фоне тех организаций, предприятий, индивидуальных предпринимателей, которые не могут рассчитаться со своими кредиторами и прибегают к институту банкротства, появились и лица, преднамеренно создающие признаки банкротства, чтобы избежать выплаты своих долгов.

Целью банкротства является избавление от долгов под видом банкротства. Общим родовым объектом всех этих преступных посягательств, названных как «преднамеренное банкротство», является порядок проведения процедуры банкротства, установленный Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ

² См.: *Передеряев И. И.* Учет и анализ банкротств : учеб. пособие. Изд. 2-е, стереотип. М., 2008. С. 44.

(в ред. от 15.07.2016) «О несостоятельности (банкротстве)»³. Отсылочный характер к закону, регламентирующему процедуру банкротства, характеризует ст. 196 УК РФ в качестве бланкетной.

Обратим внимание на то, что, с одной стороны, УК РФ охраняет общественные отношения, возникающие при банкротстве, а с другой – интересы иных лиц, которые могут претерпевать ущерб имущественного характера, вытекающие из этого, а также моральные последствия. Потерпевшими признаются лица только при условии обоснования причинения им вреда в крупном размере. Для наступления уголовной ответственности необходимо наступление имущественного вреда в крупном размере.

Заметим, уголовную ответственность могут нести за преднамеренное банкротство не только руководители и собственники коммерческих предприятий, но и кредиторы, принявшие предпочтительное удовлетворение и знающие об отданном им предпочтении в ущерб другим кредиторам, если эти действия причинили крупный ущерб⁴.

Преднамеренное банкротство, как правило, осуществляется посредством активных действий. Например, В. Ф. Антонов подчеркивает, что в большинстве случаев объективная сторона преступления выражается в заключении расточительных сделок, в принятии заведомо неисполнимых обязательств и долгов третьих лиц⁵. Именно поэтому еще на первых этапах проверки до возбуждения уголовного дела рекомендуется установить, какие конкретно действия руководитель организации обязан был совершить. Например, руководитель может откровенно игнорировать требования совета директоров, экономического отдела⁶.

Актуальность эффективности расследования преднамеренного банкротства с каждым днем становится все более ощутимой. Проблема в том, что преднамеренное банкротство как экономическое преступление направлено против чужой собственности, интересов кредиторов, государства, которые находятся под охраной закона. В настоящее время в качестве дополнительных объектов данного преступления выделяют людей, интересы как наемных работников, так и целых трудовых коллективов.

Для наиболее эффективного расследования уголовных дел, связанных с банкротством, практические работники разработали классификацию его видов. Классификация на виды позволяет выдвинуть соответствующие версии и лучшим способом расследовать преступление. Например, А. Павлисов выделяет три вида преднамеренного банкротства: во-первых, то, которое направлено на уклонение от уплаты налогов и претензий со стороны кредиторов. При таких ситуациях заранее известно о кризисном состоянии предприятия. Во-вторых, направленное на смену собственника предприятия. Данный вид наиболее сложный, потому что требует скупки значительного числа акций, нацелено на получение большинства голосов органов управления. Третий вид напоминает сведение счетов между конкурентами. Проводится представителями других организаций⁷. При определенном виде преднамеренного банкротства следователю рекомендуется

³ Рос. газета. 2002. 27 окт.

⁴ См.: *Александрова К. И.* Реорганизация. Ликвидация. Банкротство : краткий справочник предпринимателя. СПб., 2005. С. 42.

⁵ См.: *Антонов В. Ф.* Преднамеренное банкротство : вопросы квалификации и оценки доказательств // Рос. юстиция. 2005. № 9. С. 32.

⁶ См.: *Иванова С. И.* Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с процедурой банкротства : учеб. пособие. Тюмень, 2013. С. 32.

⁷ См.: *Павлисов А.* Виды преднамеренных банкротств // Законность. 2006. № 7. С. 20–21.

задуматься, необходимо ли устанавливать финансово-хозяйственное положение организации, приемы захвата власти, определять инициаторов преднамеренного банкротства.

Расследование преднамеренных банкротств, как и выявление таковых, имеет свои цели. Разумеется, целью выступает законное и объективное расследование уголовного дела. Для достижения этой цели следователь должен ставить перед собой задачи по установлению: способа и механизма совершения преднамеренного банкротства; обстановки совершения преднамеренного банкротства; субъекта преднамеренного банкротства; следов преднамеренного банкротства и обстоятельств совершения преднамеренного банкротства; восстановление нарушенных прав в результате совершения преднамеренного банкротства. В процессе банкротства немаловажную роль играет и конкурсный управляющий, который по своей инициативе может и должен обратиться в органы предварительного расследования о выявленных признаках преднамеренного банкротства.

Интерес представляет то, что в 2 августа 2016 г. Министерство финансов РФ и Федеральная налоговая служба издали письмо, в котором отмечено, что в соответствии с п. 15 Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855, заключение о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства представляется собранию кредиторов, арбитражному суду, а также не позднее 10 рабочих дней после подписания – в органы, должностные лица которых уполномочены в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.12, для принятия решения о возбуждении производства по делу об административном правонарушении⁸.

В случае если в заключении о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства устанавливается факт причинения крупного ущерба, оно направляется только в органы предварительного расследования. Одновременно с заключением о наличии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства арбитражный управляющий представляет в указанные органы результаты финансового анализа, проводимого в соответствии с Правилами проведения арбитражным управляющим финансового анализа, утвержденными постановлением Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367, а также копии документов, на основании которых сделан вывод о наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства⁹.

Таким образом, установление признаков преднамеренного или фиктивного банкротства, а также совершения иных противоправных действий при банкротстве банка относится к компетенции агентства, реализующего полномочия конкурсного управляющего банка.

В связи с этими задачами органов предварительного расследования должен быть и анализ деятельности конкурсного управляющего, нет ли и в его деятельности умышленной заинтересованности неправомерного характера.

С точки зрения методики расследования преднамеренного банкротства можно выделить четыре этапа: подготовительный, первоначальный, последующий и

⁸ Экономика и жизнь. 2016. № 33. С. 12.

⁹ Правила проведения арбитражным управляющим финансового анализа : утв. постановлением Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 26. Ст. 2664.

заключительный. С точки зрения криминалистики этапы расследования преступления направлены на установление, прежде всего информационно-познавательной стороны этого процесса. Данные этапы можно сформировать следующим образом: 1) выявление на основе вещественных, документальных и личностных источников-носителей доказательственной информации о преступной деятельности и ее извлечение; 2) систематизация исходной информации, извлеченной из ее источников; 3) интеграция исходной информации с данными видовой криминалистической характеристики преступлений (формирование следственных версий); 4) выведение следствий, вытекающих из следственных версий (разработку следственных версий); 5) обоснование альтернатив и выбор методических, тактических решений и технических средств в расследовании преступлений (планирование расследования и проверка следственных версий)¹⁰.

Для наиболее эффективного расследования преднамеренного банкротства необходимо располагать информацией не только о его видах, но и о его признаках.

Признаки преднамеренного банкротства определены УК РФ: наличие у должника долговых обязательств в денежном эквиваленте; неспособность юридического лица удовлетворить требования кредиторов; наличие крупного ущерба; признание несостоятельности должника арбитражем. Признаки преднамеренного банкротства характеризуются совершением неправомерных действий, таких как сокрытие имущества, в том числе сведений, включающих в себя информацию о местонахождении и размере имущества, передачу его в иное владение или отчуждение; невыполнение обязанностей в вопросе передачи заявления о признании должника банкротом в суд; невыполнение компанией правил, которые действуют в период наблюдения, внешнего управления и конкурсного производства, а также заключения и исполнения мирового договора; подделка бухгалтерских документов, включая документы учета и доходно-расходные данные.

Главный признак – это имитация финансовой несостоятельности или отсутствия средств. Для этого создаются дочерние предприятия и подставные фирмы, на счета которых переводятся финансовые активы. Кроме того, в процессе доказывания преднамеренного банкротства могут быть, например, выявлены сведения о том, что должник утаивает и скрывает свое имущество разными способами, точно так же поступает с имеющимися обязательствами; имеет место приостановление должником текущих платежей и одновременное вложение в сторонние ресурсы каких-либо значительных сумм, приобретение недвижимости или иных ценностей через третьих лиц с их оформлением на посторонние имена.

По большому счету данная работа может сводиться к определению добросовестности руководства компании. В связи с этим оперативным сотрудникам рекомендуется по горячим следам обнаружить поисковые признаки, которые могут свидетельствовать о недобросовестном выполнении обязанностей руководителями фирмы, а также проверить задолженности перед кредиторами, их обоснованные претензии, функционирование других компаний, где сам руководитель или его близкие родственники являются учредителями. Следует определить личности проверяемых работников, которые способствовали достижению состояния неплатежеспособности и произвести их опрос.

Необходимо в кратчайшие сроки произвести выемку следующих документов: учредительная документация предприятия; данные дебиторов и кредиторов;

¹⁰ См.: Малышкин П. В. Методологические особенности организации расследования фиктивных или преднамеренных банкротств // Мир науки и образования. 2016. № 1 (5). С. 15.

бухгалтерская отчетность; справки о задолженности; налоговая документация; материалы судебных разбирательств; отчеты ревизионных комиссий; аудиторские заключения. Ознакомление с данной документацией позволит следователю лучше ориентироваться в обстоятельствах уголовного дела, подлежащих доказыванию.

Особенно следует обратить внимание на то, что выявление незаконных сделок может являться основной причиной неблагонадежности компании. К подобным сделкам можно отнести как куплю-продажу имущества должника, так и другие сделки, совершенные на невыгодных условиях. В коммерческой деятельности имеют место случаи, когда преднамеренное банкротство выражается в бездействии руководителей, речь идет о неисполнении руководителем прямых обязательств.

При расследовании преднамеренного банкротства достаточно серьезно стоит подготовиться к допросу и не исключать необходимость применения тактических приемов. В связи с этим представляет интерес научное исследование Н. А. Гавриловой, которая верно полагает, что схема допроса подозреваемого (обвиняемого) должна включать в себя выяснение и занесение в протокол допроса ответы на следующие вопросы: какая необходимость и обоснованность совершения сделок, спровоцировавших возникновение признаков банкротства; какие временные рамки отношений с субъектом, ставшим обладателем имущества; кто выступил инициатором отношений и при каких обстоятельствах; при наличии фактов расчетов с другими кредиторами, на каком основании были избраны именно эти кредиторы.

При производстве допроса в рамках расследования преднамеренного банкротства субъектом со стороны обвинения может быть использован такой тактический прием, как провоцирование конфликта между соучастниками преступления с целью получения от них правдивых показаний посредством преподнесения допрашиваемому лицу информации, добытой оперативным путем, как сведений, сообщенных другим участником преступной деятельности¹¹.

По нашему мнению, по рассматриваемой категории уголовных дел необходимо участие специалиста. К сожалению, не все оперативные сотрудники, следователи хорошо владеют познаниями экономики, процессами банкротства. В связи с этим правой рукой следователя, естественно, будет специалист, который может дать квалифицированную консультацию и подготовить свое заключение по аспектам добросовестности или преднамеренности банкротства.

Кроме того, особое значение имеет и назначение экспертизы, которая напрямую зависит от эффективности изъятия вещественных доказательств, той документации, которая напрямую имеет отношение к финансовому кризису компании. Думается, в таких ситуациях будет востребованной экспертиза давности составления документа, судебно-бухгалтерская или судебно-экономическая экспертизы. Установление фальсификации документов является одним из тех доказательств, которые могут обосновать прямой умысел преднамеренного банкротства. Более того, целесообразно установить нотариуса, у которого заверялись копии документов оборота предприятия, произвести выемку документации, имеющей отношение к факту банкротства.

¹¹ См.: Гаврилова Н. А. Процессуально-тактические особенности производства допроса при расследовании дел о преднамеренных банкротствах // Вестник Воронеж. ин-та МВД России. 2012. С. 160–165.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что одним из главных обстоятельств при расследовании преднамеренного банкротства является быстрота и планомерность расследования. По данной категории уголовных дел необходимо создание следственных групп, члены которых должны действовать оперативно и согласованно.

*Юридический институт
Байкальского государственного университета
Кряжев В. С., доцент кафедры криминалистики,
судебных экспертиз и юридической психологии
Прошутинская Е. П., студентка магистратуры*

*Law Institute of the Baikal State University
Kryazhev V. S., Associate Professor of the Criminology,
Forensic and Legal Psychology Department
Proshutinskaya E. P., Undergraduate*

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ДОПРОСА КАК СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Статья посвящена понятию, сущности и правовой природе допроса как следственного действия. В ней раскрываются также нравственные аспекты и их значение в действующем законодательстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное судопроизводство, следственные действия, допрос, процессуальное доказывание, средство доказывания.

MORAL BEGINS OF INTERROGATION AS A TRIAL ACTION

The article is devoted to the concept of the concept, nature and the legal nature of the interrogation as the investigative action. It also reveals the moral aspects and their value in the current legislation.

К e y w o r d s: criminal proceedings, investigation, questioning, procedural evidence, proof means.

Поступила в редакцию 4 сентября 2017 г.

В теории уголовного процесса сущность допроса определяется во многом его ролью в процессуальном доказывании, под которым принято понимать осуществляемую в процессуальных формах деятельность суда, прокурора, следователя, дознавателя по собиранию, проверке и оценке обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Познание в уголовном процессе подчинено общим гносеологическим закономерностям. Вместе с тем понятия процессуального доказывания и познания не полностью совпадают друг с другом, поскольку необходимым элементом процессуального доказывания является удостоверение установленных в процессе уголовного судопроизводства обстоятельств.

Удостоверительный характер процессуального доказывания определяется тем, что деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств характеризуется соответствующими процессуальными сроками, может осуществляться лишь специально уполномоченными на то субъектами, объем полномочий которых строго регламентирован процессуальным законом. Лица и органы, осуществляющие доказывание, должны облечь свои действия в установленные процессуальные формы.

Но как бы ни была существенна специфика процессуального доказывания, оно является не чем иным, как разновидностью познавательной деятельности, поскольку его цель заключается в установлении истины. Процессуальное доказывание, как и познание в целом, носит информационный характер, опирается в своей основе на диалектическую теорию отражения, в силу которой каждый предмет материального мира является носителем определенной информации, оперирует комплексом логических приемов, включающим анализ, синтез, индукцию, дедукцию, абстрагирование, конкретизацию и т. д.

В то же время в процессуальной науке высказаны и иные суждения относительно сущности доказывания. Так, исходя из узкой трактовки этого понятия, некоторые представители уголовно-процессуальной науки пытаются разграничить познание и доказывание по временному признаку, представив их как качественно разные.

Критикуя несостоятельность такого рода концепции, С. А. Шейфер справедливо отметил, что доказывание есть обосновывающая деятельность мысли, неотделимый элемент познания, проникающий в систему практических операций по собиранию и проверке доказательств, и, следовательно, познание не предшествует обоснованию конечного вывода, а включает его в себя¹.

Процессуальное доказывание как вид познавательной деятельности весьма специфично и характеризуется регламентированной законом процедурой, предусматривающей порядок и условия получения фактических данных, имеющих значение для установления истины по уголовному делу. Существуют различные подходы к рассмотрению вопроса о процессуальной сущности доказательства. М. С. Строгович, Р. Д. Рахунов и другие в разное время указывали, что доказательствами являются как фактические данные, так и их процессуальные источники².

По мнению И. Д. Перлова, Б. А. Галкина, Р. С. Белкина и других, доказательствами по делу являются только фактические данные³.

Позицию, разделяемую в настоящее время большинством процессуалистов, обосновал В. Я. Дорохов⁴. В анализе структуры доказательства автор исходит из единства фактических данных и их процессуальных источников.

Предпочтительнее представляется последняя из приведенных точек зрения. Сами по себе «фактические данные» о каких-либо обстоятельствах являются инструментом логического доказывания в процессе познания истины. Элементом процессуального доказывания (доказательствами по уголовному делу) они становятся лишь на условиях их надлежащего получения и процессуального удостоверения.

Изложенная выше краткая характеристика содержания понятия доказательства, позволяет перейти к определению способов собирания доказательств, поскольку данный вопрос имеет непосредственное отношение к процессуальной сущности допроса с тем, чтобы на этой основе проанализировать содержание и рассмотреть роль допроса в процессуальном доказывании.

В современном русском языке под способом понимается действие или система действий, применяемые при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь⁵.

Исходя из этого под способами собирания доказательств следует понимать регламентированные уголовно-процессуальным законом действия, применяемые

¹ См.: Шейфер С. А. Нуждается ли в пересмотре традиционное представление о доказывании? // Правовые формы и эффективность доказывания по уголовным делам. Самара, 1996. С. 38–39.

² См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 294; Рахунов Р. Д. О понятии доказательства и главном факте доказывания // Советское государство и право. 1965. № 12. С. 96.

³ См.: Перлов И. Д. Уголовное судопроизводство в СССР. М., 1959. С. 35; Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962. С. 175.

⁴ См.: Дорохов В. Я. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1973. С. 199.

⁵ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 20-е, стереотип. М., 1989. С. 618.

для получения доказательств. В свою очередь, наряду со способами собирания доказательств существуют способы их проверки и оценки, имеющие свои особенности и специфику. Цель применения любого из этих способов – доказывание тех или иных, имеющих значение для дела, обстоятельств.

Поэтому справедливо говорить о способах собирания, проверки и оценки доказательств как о способах доказывания.

Процессуальное доказывание характеризуется, прежде всего, сбором доказательственного материала, осуществляемым путем производства подробно регламентированных законом следственных действий. В отличие от других способов собирания доказательств, следственные действия характеризуются не только подробной процессуальной регламентацией, но и активной ролью следователя, как правило, производящего их самостоятельно. Под ними понимаются действия, имеющие познавательный и удостоверительный аспекты и включающие систему взаимосвязанных операций, обусловленных сочетанием в каждой из них общенаучных методов познания, соответствующих особенностям следов преступления.

В научной литературе существуют и другие определения следственных действий. И. Ф. Крылов под следственными действиями понимает регламентированные процессуальным законом действия, в которых осуществляется деятельность, непосредственно направленная на обнаружение, закрепление, изъятие, проверку и исследование доказательств. Г. М. Миньковский понимает под следственными действиями приспособленные к получению и передаче определенного вида информации комплексы познавательных и удостоверительных приемов, операций по собиранию и проверке доказательств, предусмотренные процессуальным законом в виде правил⁶.

Представляется очевидным, что все авторы сходятся на том, что, во-первых, круг следственных действий очерчен законом, а во-вторых, процедура их проведения подробным образом регламентирована соответствующими процессуальными нормами.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что следственные действия служат инструментом и средством процессуального доказывания.

Практически при расследовании каждого уголовного дела допрос активно используется как средство получения доказательств. Установлено, что более четверти бюджета рабочего времени следователи тратят на производство допросов и лишь 4 % времени – на проведение остальных следственных действий.

Допрос как следственное действие заключается в получении органом расследования в установленном законом порядке от допрашиваемого сведений об известных ему фактах, имеющих доказательственное значение.

Применительно к допросу и другим следственным действиям, как отмечалось, допустимо использовать термин «средство доказывания», а поскольку под «средством» понимается прежде всего «способ действия», можно не согласиться с Н. И. Порубовым, который в определенной мере разделяет позицию В. Я. Дорохова, когда относит показания к одному из средств доказывания⁷. Между тем средством доказывания в данном случае служит допрос или другие следственные действия, направленные на получение показаний.

⁶ См.: Дорохов В. Я. Указ. соч. С. 212.

⁷ См.: Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Минск, 1978. С. 17.

Как отмечалось, допрос является наиболее распространенным следственным действием. Это не случайно. Познавательные возможности данного следственного действия чрезвычайно велики, поскольку допрос может производиться по любым обстоятельствам предмета доказывания.

Допрос в процессуальном доказывании служит как бы связующим элементом между способами собирания доказательств, направленными на получение показаний и их проверку путем предъявления лица для опознания, очных ставок, следственных экспериментов и т. д., и способами обнаружения и фиксации материальных следов, вещественных доказательств и документов, связанных нередко с их осмотром и экспертным исследованием.

Это свойство допроса predetermined прежде всего тем, что его гносеологическая природа, основанная на методе познания – расспросе, присуща и другим следственным действиям (проверка показаний на месте, очная ставка и др.). Это, безусловно, их сближает, обуславливает тесное взаимодействие, взаимопроникновение, а также приводит к возникающим в процессе доказывания ситуациям, когда следственные действия, направленные на обнаружение, фиксацию, исследование материальных следов преступления, не выполнили или не полностью выполнили свою роль в установлении имеющих существенное значение для дела обстоятельств. Необходимо конкретизировать, «привязать», «озвучить» имеющуюся в распоряжении следствия информацию о свойствах, признаках тех или иных материальных объектов. УПК РФ содержит четкие требования к производству допроса, в том числе нравственного характера. В ходе допроса запрещено унижение чести и достоинства личности, применение пыток, насилия и другого жестокого или унижающего достоинство обращения. Как верно отметили авторы «Очерка развития науки советского уголовного процесса»: «... любые приемы, связанные с проведением следственных, судебных действий, должны непременно соответствовать правовым и нравственным требованиям»⁸.

⁸ Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 83.

Воронежский государственный университет

Малахова Л. И., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Voronezh State University

Malakhova L. I., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
Tel.: 8(473) 22-08-402

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Статья посвящена проблемам, связанным с обеспечением нравственных основ уголовного судопроизводства, реализацией его основных принципов при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: досудебное соглашение о сотрудничестве, сделка с правосудием, права потерпевшего и обвиняемого при заключении досудебного соглашения.

MORAL ASPECTS AND PROBLEMS OF THE LEGISLATIVE REGULATION OF THE PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

The article is devoted to the problems connected with maintenance of moral bases of the criminal trial, realization of its basic principles at the conclusion of the pre-judicial cooperation agreement.

К e y w o r d s: pre-trial cooperation agreement, transaction with justice, rights of the victim and the accused at the conclusion of the pre-trial agreement.

Поступила в редакцию 5 сентября 2017 г.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве введен в УПК РФ Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ¹ и предназначался, в первую очередь, для повышения эффективности борьбы с преступностью, с ее наиболее опасными и трудно раскрываемыми проявлениями. Как отмечалось в пояснительной записке к проекту федерального закона о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, для раскрытия и расследования заказных убийств, бандитизма, наркопреступлений, коррупционных проявлений, необходимо предоставить правоохранительным органам возможность привлекать к сотрудничеству лиц, состоявших в организованных группах и преступных сообществах, при условии значительного сокращения таким лицам уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Досудебное соглашение о сотрудничестве, с учетом многолетнего положительного опыта применения аналогичных правовых институтов в других государствах, является реальной мерой противодействия организованным формам преступности².

Прошло уже более восьми лет с момента введения института досудебного соглашения о сотрудничестве, однако многие ученые и практики отмечают, что достичь тех целей, которые ставились при его введении в законодательство, пока

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Рос. газета. 2009. 1 июля.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : паспорт проекта федер. закона № 485937-4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

не удалось³, хотя по данным официальной статистики происходит некоторый рост уровня применения данного института (если в 2011 г. он применялся по 0,3 % от общего числа уголовных дел, рассмотренных судами, то в 2015 г. – по 0,47 %)⁴. Кроме того, законодательная регламентация данного института обнаружила множество проблем, связанных с обеспечением нравственных основ уголовного судопроизводства, реализацией его основных принципов при заключении досудебного соглашения, гарантиями прав его участников.

Досудебное соглашение о сотрудничестве представляет собой своеобразную «форму договорных отношений» между правосудием и лицом, совершившим преступление⁵, при которых государство фактически отказывается от установления истины по конкретному уголовному делу, прокурор и обвиняемый договариваются не принимать в расчет установленные следствием и подтвержденные доказательствами обстоятельства дела⁶.

Мнения ученых и практиков относительно оправданности, в том числе нравственной оправданности досудебного соглашения о сотрудничестве, различны. Нередко, подчеркивая негативное отношение к его сути, данный институт называют «сделкой с правосудием»⁷. Позицию противников данного института наиболее ярко выразил профессор И. Л. Петрухин: «В российском уголовном правосудии сделка – явление аморальное, порочное, бесчестное; это торг, компрометирующий власть, свидетельствующий о ее бессилии, неспособности раскрывать преступления»⁸.

Другие авторы отмечают, что сегодня при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве на снисхождение при назначении наказания может рассчитывать не тот, кто действительно раскаялся и желает помочь следствию, а тот, кто меньше всего оставил улики, т. е. более квалифицированное и изощренное в преступной деятельности лицо, а также тот, кто даст больше информации на действительных либо предполагаемых соучастников⁹.

В то же время следует отметить, что в отличие от зарубежных аналогов (предусмотренных в законодательстве США, Испании, Италии, ФРГ), цель которых – признание вины, достижение согласия в части квалификации и размеров наказания, цель российского варианта досудебного соглашения о сотрудничестве – стимулирование положительных посткриминальных поступков обвиняемого (подозреваемого). Механизм действия данного института таков: сначала положительный результат со стороны лица, совершившего преступление, и лишь затем – благоприятные уголовно-правовые последствия. Здесь нет своеобразного авансирования, свойственного, например, институту условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

³ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 1043.

⁴ См.: Судебная статистика. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www/cdep/ru/index/php?id=79> (дата обращения: 10.08.2017).

⁵ См.: Дубовик Н. П. Особый порядок судебного разбирательства и его место в системе упрощенных производств по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 18.

⁶ См.: Тертышник В. Без суда и следствия : острые углы судебно-правовой реформы // Держава. 2000. № 41(239). С. 8–14.

⁷ См.: Шаталов А. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве – новый институт российского уголовного судопроизводства // Право. 2009. № 4. С. 51.

⁸ Петрухин И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Рос. юстиция. 2001. № 5. С. 9.

⁹ См.: Пилюк А. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве : нерешенные вопросы // Там же. 2012. № 11. С. 23.

Говоря о регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве, многие авторы отмечают целый ряд противоречивых, недостаточно продуманных норм, содержащихся в главе 40.1 УПК РФ. Это касается, прежде всего, обеспечения прав личности, вовлекаемой в производство по уголовному делу, по которому заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Для обвиняемых (подозреваемых), с которыми заключается досудебное соглашение, проблемой является то, что даже подписание соглашения не гарантирует его исполнения для указанных участников процесса, так как сторона обвинения и суд не связаны четкими обязательствами или ответственностью¹⁰. Законодатель не предусматривает обязанность суда и участников уголовного процесса со стороны обвинения выполнять в интересах лица, привлекаемого к уголовной ответственности, все то, что ему обещано в тексте заключенного соглашения о сотрудничестве. Огромную роль здесь играет прокурорское и судебское усмотрение, их оценка имеющихся в деле материалов.

При этом законодательство не предлагает никаких объективных критериев, по которым сторона обвинения и суд должны будут определять, выполнил ли принятые на себя в рамках соглашения о сотрудничестве обязательства подозреваемый (обвиняемый, подсудимый), и, следовательно, имеет ли он право претендовать на обещанные льготы при назначении наказания и, соответственно, требовать от представителей стороны обвинения и суда исполнения корреспондирующих этому праву обязанностей.

Тем самым отсутствие в УПК РФ четкой регламентации прав и обязанностей сторон досудебного соглашения создает почву как для злоупотребления правами, так и для необоснованного отказа от выполнения обязанностей.

При заключении досудебного соглашения о сотрудничестве значительные проблемы существуют и при обеспечении прав потерпевшего. В процессуальной литературе многократно указывалось на необходимость, исходя из конституционных положений об обеспечении потерпевшему права на доступ к правосудию, закрепления в законе еще одного условия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве – согласие потерпевшего¹¹. Многие ученые считают, что права потерпевшего при данной процедуре полностью проигнорированы, и факт исключения потерпевшего из процессов согласования условий досудебного соглашения о сотрудничестве и его непосредственного заключения – правовой, законодательный и социальный нонсенс¹².

¹⁰ См.: *Астафьев Ю. В.* Досудебное соглашение о сотрудничестве : законодательные новеллы и практические проблемы // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2009. № 2. С. 358 ; *Шаталов А. С.* Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве : правовая регламентация, достоинства и недостатки // Журнал рос. права. 2010. № 5. С. 35–44 ; *Залов А. Ф.* Сделка с правосудием : проблемы правоприменения // Законность. 2011. № 8. С. 13.

¹¹ См., например: *Смирнов А. В.* Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 7 ; *Быков В. М.* Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о правах потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2010. № 9. С. 13 ; *Ефимичев П. С., Ефимичев С. П.* Расследование преступлений : теория, практика, обеспечение прав личности. М., 2009. С. 151.

¹² См.: *Быков В. М.* Новый закон о сделке обвиняемого с правосудием // Рос. судья. 2009. № 11 ; *Карпов О. В., Маслов И. В.* Досудебное соглашение о сотрудничестве : проблемы правового регулирования и вопросы порядка применения // Уголовный процесс. 2009. № 9 ; *Николаева Т., Ларкина Е.* Некоторые вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2009. № 6 ; *Смирнов А. В.* Особый порядок принятия судебного решения

УПК РФ действительно не оговаривает интересы потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В главе 40.1 УПК РФ о потерпевшем упоминается всего один раз и то, когда говорится, что на подозреваемого или обвиняемого распространяются меры государственной защиты потерпевших. При этом соглашение о сотрудничестве непосредственным образом затрагивает права потерпевшего, которому не безразлично, какое наказание получит виновный. В связи с этим в процессуальной литературе предлагается законодательно установить правило о том, что заключение соглашения о сотрудничестве подозреваемого и обвиняемого с прокурором допустимо только после получения согласия потерпевшего, и дополнить УПК РФ нормами, предусматривающими обязательное установление позиции потерпевшего в судебном заседании, а также определяющее для судьи мнение потерпевшего при принятии судебного решения в результате рассмотрения уголовного дела по существу¹³.

Верховный же Суд РФ считает, что ни получение согласия потерпевшего на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, ни его возражения на проведение судебного заседания в особом порядке не имеют определяющего значения¹⁴. Следует отметить, что данную позицию разделяют и некоторые ученые, отмечая, что участие потерпевшего в решении вопросов уголовного преследования (включая, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве) нецелесообразно, так как такая деятельность требует знания законов, и ее должны осуществлять только профессиональные юристы (следователь, прокурор), которые несут ответственность за законность и обоснованность своих решений и действий, а также обязаны принимать меры к обеспечению прав потерпевшего и возмещению причиненного ему вреда. Уголовное преследование по общему правилу не есть дело самих жертв преступления, потерпевших, других частных лиц, а является обязанностью государственных органов, которую они не вправе переложить на граждан¹⁵.

Другие авторы подчеркивают, что в этом случае преимущество перед частным интересом имеет защита интересов широкого круга лиц¹⁶, что цель рассматриваемого института публичная – борьба с преступностью, и хотя права и законные интересы потерпевшего оказались жертвой достижения этой цели, такую позицию

при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10 ; Баев О. Я. Правовые и тактические основы усмотрения в уголовном преследовании : учеб. пособие. М., 2012. С. 191 ; Федосеева Е. Л. К вопросу необходимости согласия потерпевшего на особый порядок судебного разбирательства в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Адвокат. 2012. № 6 ; Винницкий Л. В., Мельник С. Л. Необходимо ли согласие потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве? // Законность. 2012. № 10 ; и др.

¹³ См., например: Парфенов В. Н. Проблемы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при особом порядке принятия судебного решения в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве // Рос. судья. 2009. № 11.

¹⁴ О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 // Рос. газета. 2012. 11 июля.

¹⁵ См.: Макарова З. В. Защита потерпевшего в уголовном процессе – обязанность государства // Южно-Уральский вестник. Челябинск, 2010. № 6. С. 17.

¹⁶ См.: Ткачев И. В., Тиссен О. Н. Проблемы правовой регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве // Диалектика современных инновационных механизмов по разрешению правовых конфликтов : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 2011. С. 227.

можно понять: интересы потерпевшего могут иметь узко эгоистический характер и ставить достижение публичных задач в зависимость от них нельзя¹⁷.

М. С. Поляев считает, что допускать потерпевшего и его адвоката при заключении такой сделки все-таки стоит. Хотя есть много минусов такого решения, потому что потерпевшему совершенно неинтересно, что будет раскрыто с помощью обвиняемого, какие рецидивисты попадут за решетку. Его в большей степени волнует конкретный человек, который нанес ему ущерб, и ему важно, чтобы этот ущерб ему возместили¹⁸.

Практика Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что значение досудебного соглашения о досудебном сотрудничестве заключается не в обеспечении частных интересов конкретного потерпевшего, а, прежде всего, в обеспечении публичных интересов, в основе которых лежит не только скорейшее разрешение социального конфликта, но и, по возможности, полное раскрытие преступления, изобличение максимального числа виновных. Очевидно, что в таких ситуациях интересы общества и конкретного потерпевшего могут не совпадать. Роль прокурора и суда – правильно определить баланс данных интересов.

Как представляется, мнение потерпевшего о возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым должно учитываться. При этом допускаем, что возражение потерпевшего на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве будет носить для прокурора рекомендательный характер при принятии им решения об удовлетворении ходатайства обвиняемого или подозреваемого либо отказе в его удовлетворении. Но при принятии прокурором решения о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве интересы потерпевшего должны учитываться. В связи с этим в ст. 317.2 УПК РФ целесообразно внести дополнение, указав, что при рассмотрении прокурором ходатайства обвиняемого (подозреваемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и постановления следователя о возбуждении ходатайства о заключении такого соглашения он разъясняет потерпевшему особенности рассмотрения уголовного дела в порядке главы 40.1 УПК РФ и фиксирует отношение потерпевшего к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве в письменной форме.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. был внесен ряд изменений в главу 40.1 УПК РФ¹⁹. В частности, изменения коснулись порядка судебного рассмотрения уголовных дел, по которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Законодатель реализовал высказанное в теории уголовного процесса предложение о необходимости предоставить суду возможность производить допрос подсудимого и потерпевшего²⁰.

Теперь суд должен допросить подсудимого, с которым заключено соглашение. Судья опрашивает его не только о том, понятно ли ему обвинение, согласен ли он

¹⁷ См.: Александров А. С., Александрова И. А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием : правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 10.

¹⁸ См.: Поляев М. С. Перспективы введения в Российской Федерации института «сделки с правосудием» // Материалы круглого стола (8 февраля 2007 г.). М., 2007. С. 19.

¹⁹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 322-ФЗ // Рос. газета. 2016. 8 июля.

²⁰ См.: Кубрикова М. Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 13.

с ним, какое содействие он оказал следствию, но и предлагает подсудимому дать показания по существу предъявленного обвинения. Тем самым суд, рассматривая дело в особом порядке, будет, хотя и в ограниченном виде, исследовать фактические обстоятельства дела по существу. Однако, как справедливо отмечено, права потерпевшего вновь оказываются ущемленными, так как процессуальную информацию по существу дела суд получает исключительно из показаний подсудимого, а потерпевшему закон аналогичной возможности не предоставляет²¹.

Таким образом, для раскрытия потенциала института досудебного соглашения о сотрудничестве как действенного способа обеспечения не только безопасности общества и государства, но и прав граждан необходимо совершенствование ряда положений главы 40.1 УПК РФ.

²¹ См.: Качалова О. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве : новое в законодательстве // Уголовный процесс. 2016. № 10. С. 39.

Саратовская государственная юридическая академия

***Манова Н. С.**, доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса*

Saratov State Law Academy

***Manova N. S.**, Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Criminal Process Department
E-mail: N.MANOVA@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОСТИ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, СОПРОВОЖДАЮЩИЕ СОКРАЩЕННУЮ ФОРМУ ДОЗНАНИЯ

Поднимается проблема следования правоприменителя в своей практической деятельности смыслу уголовно-процессуальных институтов, который вкладывает в них законодатель. Данный вопрос исследуется применительно к уголовно-процессуальному институту дознания в сокращенной форме. Предложены меры по его совершенствованию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дознание в сокращенной форме, нравственность, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, обеспечительная деятельность, ведомственный процессуальный контроль, уголовно-процессуальная форма.

THE PROBLEM OF MORALITY AND LEGAL REGULATION ACCOMPANYING THE SHORT FORM INQUIRY

The article raises the problem of following a law enforcement authority in their practice the meaning of the criminal procedure institutions that invest in them the lawgiver. This question is explored in relation to criminal procedure the institution of the inquiry in abbreviated form. Proposed measures perfection.

К e y w o r d s: inquiry in the reduced form, morality, the chief of division of inquiry, the chief of body of inquiry, interim activities, departmental control procedure, criminal procedure form.

Поступила в редакцию 11 сентября 2017 г.

В настоящее время проблема нравственных основ уголовно-процессуального закона становится менее выраженной в силу разных причин. Это приводит к ошибочному мнению относительно соотношения права и нравственности. Указанные понятия, во всяком случае применительно к уголовному судопроизводству, противопоставляются. Причем данная позиция начинает укореняться в нашем обществе. Эту мысль хотелось бы продемонстрировать на следующем примере.

На канале «Культура» 9 сентября 2017 г. демонстрировалось авторское ток-шоу «Агора» с М. Швыдким. В нем участвовали такие известные деятели культуры, как Е. Ямпольская, С. Юрский, Ю. Поляков, А. Смирнов, К. Крок. Передача была посвящена ситуации, сложившейся вокруг К. Серебренникова. В ходе обсуждения проблем в рамках определенной тематики возник, мягко говоря, спор между двумя участниками ток-шоу, который особенно запомнился. Когда А. Смирнов сказал, что техника следствия должна соответствовать в том числе и моральным законам, М. Швыдкой ему возразил следующим образом: «Вы допускаете колоссальную ошибку. Процедуры никакого отношения к морали не имеют, а имеют отношение к закону. А закон в этом смысле ниже морали, которая хочет других ценностей. Закон же следует процессуальным нормам». Никаких возражений данное высказывание не вызвало у остальных участников передачи, в том числе и тех, которые имели еще и второе образование – юридическое.

Возникает вопрос: каким таким серьезным метаморфозам подверглись Уголовно-процессуальный кодекс и практика его применения в постсоветскую эпоху, что неверие в нравственное содержание уголовно-процессуальных норм культурной элитой страны даже не скрывается? Полагаем, произошло многое за это время. Для того чтобы проанализировать все, статьи явно не хватит. Поэтому хотелось бы остановиться лишь на одном факторе, который, на наш взгляд, подрывает веру в нравственные устои уголовно-процессуального закона.

Речь пойдет об искажении правоприменителем смысла отдельных уголовно-процессуальных институтов, в частности института дознания в сокращенной форме, которому в литературе уже уделялось немало внимания¹.

Прежде всего следует сказать, что выбор оптимальной уголовно-процессуальной формы является одной из тенденций совершенствования правовой регламентации уголовно-процессуальной деятельности. При решении указанной проблемы важно не только думать о процессуальной экономии, но и о сохранении, а в некоторых случаях и преумножении гарантий личности, вовлекаемой в уголовно-процессуальную деятельность. Задача не простая, поскольку соблюсти указанный баланс весьма сложно. Поэтому в последние годы наблюдается широкий диапазон выбора уголовно-процессуальных форм законодателем. Среди них: формы, носящие договорно-правовой характер (прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовного характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ, глава 51.1 УПК РФ); особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ); особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), упрощенное предварительное расследование, разновидностью которого является дознание в сокращенной форме.

Дознание в сокращенной форме в России появилось недавно – в 2013 г. Проводится такое дознание в относительно сжатые сроки, объем следственных и процессуальных действий сведен к минимуму, чем и достигается процессуальная экономия. В то же время проблема эффективности предварительного расследования, осуществляемого в форме дознания, не решена. И по большей мере это связано с недостатками правового регулирования дознания в сокращенной форме, которые в первую очередь прослеживаются в отсутствии тщательной регламентации уведомления потерпевшего и подозреваемого о возможности производства расследования в сокращенной форме дознания, в ограничении на выполнение следственных действий в ходе дознания в сокращенной форме, в недооценке роли начальника подразделения дознания при осуществлении дознания в сокращенной форме.

Недоурегулированность деятельности, осуществляемой в контексте сокращенной формы дознания, дает почву правоприменителю для отступления от

¹ См.: *Гаврилов Б. Я.* Дознание в сокращенной форме : законодательные мифы и реалии правоприменения // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 25–26 сентября 2014 г.). Иркутск, 2014. С. 57–63 ; *Лазарева В. А.* Сокращенное дознание и вопросы доказательного права // Вестник Самарского юрид. ин-та. 2015. № 1 (15). С. 37–43 ; *Насонова И. А., Цинова М. В.* Отдельные аспекты функционирования уголовно-процессуального института дознания в сокращенной форме // Вестник Воронеж. ин-та МВД России. 2014. № 2. С. 7–11 ; и др.

смысла и назначения указанной формы. Так, на практике не редкостью являются ситуации, при которых дознание в общем порядке, продолжающееся около 20 суток, маскируется под сокращенное дознание. Последнее же продолжается 2–3 дня. При этом основная масса необходимых следственных действий по уголовному делу выполняется до того, как будет принято решение об упрощенной форме. Таким образом, дознание проходит не в сокращенной форме, а в усложненной форме, в виде комплекса, включающего дознание в общем порядке (глава 32 УПК РФ) и дознание в порядке главы 32.1 УПК РФ.

Такая видимость упрощения не может способствовать эффективности расследования в форме дознания. Не идет она и на пользу нравственной оценки уголовно-процессуального закона.

В связи с этим учеными разрабатываются меры по коррекции перечня обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме. В частности, предлагается «предусмотреть в законе правило о том, что дознание в сокращенной форме возможно только по уголовным делам, по которым проверка сообщения о преступлении проходила в срок до трех суток со дня поступления указанного сообщения»². Полагаем, что данное условие вполне выполнимо в рамках сокращенной формы дознания.

Однако это не единственное преобразование, которое обсуждается применительно к сокращенной форме дознания в целях повышения его эффективности.

Дискуссионным остается вопрос и о целесообразности существующего порядка правовой регламентации создания итогового документа дознания в сокращенной форме. В связи с этим обоснованно предлагается исключить из процессуальных полномочий начальника органа дознания право утверждения обвинительного постановления с его передачей начальнику подразделения дознания³. Действительно, начальник подразделения дознания, осуществляя непосредственное руководство дознавателем, лучше, чем начальник органа дознания, знает расследуемое им уголовное дело с точки зрения как его сильных сторон, так и слабых. Поэтому качественно выполнить свои обязанности в части утверждения обвинительного постановления ему гораздо легче, чем начальнику органа дознания.

По этой же причине начальнику подразделения дознания значительно легче осуществлять и обеспечительную деятельность в отношении участников уголовного судопроизводства, вовлеченных в сокращенную форму дознания.

Тем более, что проблема обеспечения прав участников уголовного судопроизводства особенно остро встает на этапе окончания сокращенной формы дознания, учитывая некоторые изъяны, которыми он обладает по сравнению с окончанием предварительного следствия.

Обеспечительную деятельность начальник подразделения дознания может осуществлять двояким способом: как в ходе процессуального контроля за деятельностью соответственно следователя или дознавателя, так и непосредственно расследуя преступление⁴.

² *Зотова М. В.* Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 195–196.

³ См.: *Арепьева Т. А.* Начальник подразделения дознания как участник уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2013. С. 14–15.

⁴ См.: *Цинова М. В., Насонов А. А.* О субъектах обеспечения подозреваемому и обвиняемо-

Данные способы, на наш взгляд, могут быть применимы начальником органа дознания. К такому выводу можно прийти, проанализировав содержание ст. 40.2 УПК РФ «Начальник органа дознания». Ведь согласно ч. 2 ст. 40.2 УПК РФ начальник органа дознания по отношению к дознавателям, уполномоченным им осуществлять предварительное расследование в форме дознания, обладает полномочиями начальника подразделения дознания, предусмотренными ст. 40.1 УПК РФ. Указанная оговорка законодателя относительно возможности обладания начальником органа дознания полномочиями начальника подразделения дознания лишь подтверждает мысль о том, что процессуальный ведомственный контроль и обеспечительная деятельность будут более эффективными, если они исходят не от начальника органа дознания, а от начальника подразделения дознания.

В контексте совершенствования правовой регламентации дознания в сокращенной форме интерес представляет предложенный М. В. Зотовой комплекс законодательных новелл, направленных на разумное дополнение прокурорского надзора за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме процессуальным контролем со стороны начальника подразделения дознания, среди них: «распространение процессуальных возможностей начальника подразделения дознания на оба вида дознания, предусмотренных частью 1.1 статьи 150 УПК РФ (как на дознание в общем порядке, так и на дознание в сокращенной форме); нормативное закрепление новых полномочий начальника подразделения дознания по даче согласия дознавателю на выполнение определенных действий и принятие решений (на вынесение постановления об удовлетворении ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме; на обращение к прокурору для продления срока дознания в общем порядке и дознания в сокращенной форме; на обращение к прокурору для утверждения постановления о прекращении производства по уголовному делу)»⁵.

Полагаем, не лишним было бы дополнить приведенный список полномочий начальника подразделения дознания на получение информации по уголовному делу за счет процессуальной возможности данного участника быть информированным об обжаловании дознавателем постановления прокурора о возвращении уголовного дела дознавателю для пересоставления обвинительного постановления или о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке (ч. 4 ст. 226.8 УПК РФ).

Кроме того, дознаватель, на наш взгляд, должен сообщать начальнику подразделения дознания не только об уведомлении прокурора в случае удовлетворения ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме, но и об уведомлении прокурора в случае отказа в удовлетворении ходатайства в применении сокращенного дознания. Последний вид уведомления в настоящее время законодателем не предусмотрен, но вполне обоснованно предлагается авторами к нормативному закреплению⁶.

му права на защиту и некоторых особенностях их процессуальных возможностей при производстве дознания в сокращенной форме // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 236–241.

⁵ Зотова М. В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2016. С. 11.

⁶ См.: Пестов А. Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 106.

В заключение следует сказать, что какое бы из предложений по совершенствованию правовой регламентации уголовно-процессуальной деятельности в Российской Федерации не воспринял законодатель, четко будет прослеживаться его ориентация на создание благоприятных условий для движения уголовного дела по стадиям уголовного процесса, сочетающееся с надлежащей обеспеченностью защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, что немаловажно для повышения нравственного содержания соответствующих уголовно-процессуальных норм.

Воронежский институт МВД России

Насонова И. А., доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса

Voronezh Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

Nasonova I. A., Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Criminal Process Department
E-mail: nasonova-amelina@mail.ru

ОБ ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ДОПРОСА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Рассматриваются этические проблемы, возникающие в практике производства допроса при общении следователя с подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем. Отталкиваясь от «высокого» правового смысла, заложенного в принцип охраны прав и свобод человека и гражданина, автор выражает резко негативное отношение к выполнению требований ч. 5 ст. 164 УПК РФ как обременительной формальности. Вносятся предложения, направленные на совершенствование практических технологий, разъяснения участникам допроса их прав и порядка производства следственного действия, обеспечения возможности эффективно использовать предоставленные права, а также реализацию правил о свободе тактики допроса в этическом контексте.

К л ю ч е в ы е с л о в а: допрос, порядок допроса, права личности, следственная этика, участники допроса.

ABOUT ETHICAL ISSUES QUESTIONING PRELIMINARY INVESTIGATION

In this article the author examines the problems of ethics of interrogation, which is conducted during the preliminary investigation in the criminal case. The author examines the ethics of interrogation of the suspect, accused, victim and witness. The author is repelled from the "high" legal meaning laid down in the rules on the protection of the rights and freedoms of man and citizen. Автор выражает резко негативное отношение к выполнению требований ч. 5 ст. 164 УПК РФ как формальности. Proposals, which aimed at improving the practical technology to explain the procedure of interrogation, by providing the ability to effectively use the provided rights, to ensure the freedom of interrogation tactics in terms of ethics.

К е у w o r d s: questioning, questioning procedure, individual rights, the trial would ethics, participants of interrogation.

Поступила в редакцию 11 сентября 2017 г.

Допрос – это следственное действие, которое заключается в получении показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для уголовного дела. Допрос имеет как самостоятельное процессуальное значение, так и обусловливает предпосылки для проведения последующих следственных действий: очных ставок, предъявлений для опознания, проверок показаний на месте. Являясь сугубо вербальным познавательным приемом, не предполагая работы с материальными фрагментами объективной реальности, допрос представляет собой достаточно простой в организационном плане и, таким образом, наиболее распространенный способ формирования доказательств. Кроме того, в определенных предусмотренных законом случаях допрос должен быть проведен обязательно (ч. 2 ст. 46, ст. 173, ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ), независимо от тактической целесообразности и волеизъявления соответствующих субъектов.

Вместе с тем допрос – это психологически сложное следственное действие, «психологическая борьба» двух лиц¹. Он характеризуется эмоциональным и умственным напряжением, часто проистекает в условиях межличностного конфликта.

¹ См.: Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном процессе. Минск, 1968. С. 56.

© Россинский С. Б., 2017

Указанные обстоятельства невольно актуализируют этические проблемы производства допроса, нравственные аспекты вербального общения следователя с подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем, которые, бесспорно связаны с психологическим контактом, с повышением полноты и достоверности получаемых таким образом сведений и формируемых доказательств. Некоторые из них постараемся затронуть в рамках настоящей статьи.

1. Один из этических аспектов допроса связан с практической реализацией установленных ч. 1 ст. 11 УПК РФ в ее системном единстве с ч. 5 ст. 164 УПК РФ требований о разъяснении допрашиваемому лицу порядка производства следственного действия. На первый взгляд, данные нормативно-правовые предписания являются достаточно безукоризненными, позволяющими посредством установления дополнительных гарантий полноценно обеспечить законные интересы подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля. Однако заложенный в них позитивный замысел невольно упирается в реалии правоприменительной практики, что во многом делает их не более чем пустой формальностью или просто превращает в профанацию. Таким образом, этот вопрос заслуживает более пристального внимания, чем то, которого он традиционно удостоен в современной научной или учебной литературе; рассмотрение указанных проблем должно носить не столько сугубо формальный, сколько содержательный, преимущественно этический, характер.

Пожалуй, самая актуальная проблема, которая возникает в части выполнения этих законодательных предписаний, заключается в том, что значит разъяснить порядок производства допроса и как это сделать, следуя общепризнанным постулатам правовой культуры и нравственности? Ввиду сложной системы уголовно-процессуального права, предполагающей нормы общей и особенной части, отсылочные гипотезы и диспозиции и еще много нюансов современной юридической техники, такой порядок определяется требованиями нескольких десятков статей, рассредоточенных по разным разделам и главам УПК РФ. Это и нормы-принципы, и положения о процессуальном статусе отдельных участвующих лиц, и каноны доказательственного права, и общие условия предварительного расследования, и общие правила проведения следственных действий, и, наконец, особенности производства, фиксации хода и результатов конкретных познавательных процедур. Кроме того, на современную следственную практику оказывают регулятивное воздействие некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ, решения Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека. Таким образом, для полноценного разъяснения допрашиваемым лицам порядка этого следственного действия следователю фактически надо превращаться в вузовского преподавателя и знакомить их с полным учебным курсом уголовно-процессуального права, по крайней мере, досудебного производства (а, по-хорошему, еще и с курсами теории права, правоохранительных органов и т.д.), что выглядит более чем абсурдным.

В связи с этим практика нашла для себя гораздо более простой и быстрый «способ» выполнения данного законодательного предписания, состоящий в его полном игнорировании, в простом уклонении следователей от выполнения подобной обязанности. Даже используемые в практической деятельности бланки протоколов допросов (которые, кстати, в свое время вообще были предусмотрены законом) не содержат ни единого намека на разъяснение участвующим лицам порядка производства следственного действия, что заслуживает исключительно негативной оценки и резко снижает уровень защиты прав и свобод личности, вов-

лекаемой в орбиту уголовно-процессуальных правоотношений, не говоря уже о полном игнорировании элементарной этики.

Представляется, что выход из сложившейся ситуации может быть найден лишь посредством надлежащего методического обеспечения следственной деятельности и формирования некоего унифицированного и короткого перечня базовых тезисов, позволяющих в доступной форме объяснить дилетанту сущность, цели, задачи допроса, обязанности и последовательность действий участвующих лиц, а также потенциальные возможности воздействия на них следователя при неподчинении его законным требованиям. Вполне допустимо включить данный перечень прямо в бланк соответствующего протокола.

2. Следующий этический аспект допроса связан с практической технологией разъяснения прав допрашиваемому лицу. Вообще разъяснить что-то – это значит растолковать, сделать ясным, понятным². Предписывая разъяснение прав участникам допроса, законодатель предполагает механизм, направленный на преодоление процессуальной безграмотности подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и других лиц, чем старается обеспечить предоставленные им правовые гарантии. Поэтому не сугубо формальной, а с этической точки зрения технология разъяснения прав должна определяться, исходя из приоритета наибольшей комфортности для уяснения соответствующих сведений адресатом. Кто-то лучше усваивает информацию на слух, кто-то – визуально, у кого-то в процессе разъяснения прав могут возникнуть дополнительные вопросы и т.д. Конечно, мы не предлагаем доводить подобную ситуацию до крайней степени догматизма и, тем более, ставить следователя в зависимость от возможных злоупотреблений со стороны участников допроса. Во всем должна быть определенная доля разумности. Тем не менее, выполняя предписания ч. 5 ст. 164 УПК РФ, следователь не вправе относиться к ним как к обременяющим его работу ненужным формальностям; он должен осознавать весь груз возложенной на него государством ответственности, должен понимать, что в данном следственном действии именно он, а никто другой является представителем государства, т. е. гарантом прав и свобод личности, которыми эта личность сможет воспользоваться только после надлежащего восприятия и уяснения.

К великому сожалению, практика идет по совершенно иному, чисто формальному пути; правоприменитель часто игнорирует, а может быть, до конца не понимает тот «высокий» правовой замысел, который заложен в ч. 5 ст. 164 УПК РФ, считая его ничем не оправданным бременем и впадая при этом в две противоположные крайности. Следователи либо вообще уклоняются от разъяснения прав участвующим в допросе лицам, заставляя их просто расписаться в соответствующей графе протокола, тем самым имитируют выполнение предусмотренных законом требований (подобный механизм весьма распространен в отношении необразованных, малограмотных, находящихся на нижних ступенях социальной лестницы субъектов, склонных полностью доверять любым действиям сотрудников правоохранительных органов именно из непонимания их сути). Либо начинают быстро и монотонно зачитывать допрашиваемому все его права, предусмотренные соответствующим уголовно-процессуальным статусом: от возбуждения уголовного дела до участия в суде надзорной инстанции (такая технология получила распространение в отношении лиц с высоким уровнем правовой культуры или при использовании технических средств аудио-, видеофиксации). Подобная

² См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 628.

крайность, видимо, и является результатом недопонимания следственными работниками замысла ч. 5 ст. 164 УПК РФ; они действуют по принципу: «маслом кашу не испортишь», т. е. «разъясняемые права лишними не бывают». Но такая технология тоже не имеет никакой практической пользы, а, наоборот, несет один лишь вред ввиду того, что нормальный человек просто не способен уловить и уяснить столь объемный массив быстро и монотонно доводимой до него информации и, тем более, сообразить, какие из перечисленных прав имеют отношение к проводимому следственному действию.

Решение указанной проблемы видится в формировании принципиально иной правоприменительной практики разъяснения допрашиваемому лицу его процессуальных прав. В связи с этим представляется разумной прикладная технология, основанная на следующих тезисах:

а) следователь не должен разъяснять все права, составляющие процессуальный статус допрашиваемого лица. В полном объеме эти права разъясняются лишь при наделении субъекта данным статусом (при задержании подозреваемого, предъявлении обвинения, признании потерпевшим) или в подготовительной части судебного заседания. Исключение составляют только права свидетеля, специалиста, понятого и других временных (локальных) субъектов, участие которых в уголовном деле ограничено рамками данного следственного действия. Вместе с тем следователь не вправе забывать о грузе возложенной на него государством ответственности за обеспечение установленных законом процессуальных гарантий, поэтому в каждом случае производства допроса ему надлежит выяснять у участников, не нуждаются ли они в дополнительном (повторном) разъяснении всех прав. В случае поступления подобного ходатайства права разъясняются заново в полном объеме;

б) участнику допроса разъясняются лишь права, вытекающие из его содержания, т. е. подлежащие использованию в связи с проведением конкретного следственного действия (право давать показания, пользоваться для этого родным языком, заявлять ходатайства и отводы и т. д.). В связи с этим целесообразно разработать унифицированный перечень подобных прав применительно к каждому участнику допроса, включив их в бланки соответствующих протоколов;

в) в необходимых случаях участнику допроса должны быть разъяснены его специальные права (право на свидетельский иммунитет, право ходатайствовать о применении мер безопасности и т. д.), а при нежелании воспользоваться данными правами – предупредить о возможных негативных последствиях, например об использовании их показаний в качестве доказательств по уголовному делу;

г) в каждом случае следователю надлежит выяснять, в какой форме участник предпочитает знакомиться со своими процессуальными правами (посредством личного прочтения, посредством оглашения следователем или посредством оглашения защитником или представителем);

д) устное оглашение прав должно осуществляться в форме, доступной для восприятия и усвоения соответствующим участником. В перспективе представляется возможным использование в этих целях специальных технических средств, воспроизводящих аудиозапись разъяснения прав профессиональным диктором;

е) после ознакомления с правами, следователь обязан выяснить у соответствующего участника, понятны ли ему эти права, не имеет ли он вопросов, и при поступлении соответствующего ходатайства сделать дополнительные пояснения.

В любом случае подобная прикладная технология может быть внедрена в следственную практику при высоком уровне профессионализма, правосознания

и ответственности следственных работников как перед государством, так и перед отдельно взятой личностью за исполнение своих обязанностей.

3. Еще один этический аспект допроса – это выполнение требований об обеспечении возможности осуществления своих прав участниками следственных действий, которое напрямую вытекает из ч. 1 ст. 11 УПК РФ. Данное общее правило предполагает сознание такого правового климата, при котором усилия следователя наряду с познавательной деятельностью, с собиранием (формированием) и проверкой доказательств, максимально направлены на создание наиболее благоприятных условий, позволяющих заинтересованным лицам реализовать свои процессуальные возможности в соответствии с концепцией современной уголовно-процессуальной деятельности. Несмотря на участие защитников, представителей, а также возможную правовую грамотность некоторых потерпевших, свидетелей, иных допрашиваемых лиц, именно он – следователь, являясь представителем государства, выступает публично-правовым гарантом прав и свобод личности. Следователь не вправе занимать пассивную роль, ожидая, когда тот или иной участник заявит ходатайство, отвод, подаст заявление и т. д. Тем более, он не должен безучастно наблюдать за формальными ошибками этих лиц, предвкушая возможность их использования в своих целях. Следователь как субъект уголовной юрисдикции просто обязан по ходу допроса принимать все возможные меры для правильного и разумного использования участниками своих процессуальных возможностей, в частности, в зависимости от сложившихся обстоятельств интересоваться, не желают ли они заявить ходатайство, отвод, сделать заявление, подсказывать, как правильно написать замечание или дополнение к протоколу и т. д.

Сегодня многие ученые, политики, общественные деятели продолжают делать громкие заявления об обеспечении прав личности, забывая, что эти процессы надо начинать с малого, например с конкретно взятого следственного действия или его отдельного фрагмента. Именно в совершенствовании таких частностей, а не в громких словах и постоянных законодательных реформах видится основной вектор развития уголовно-процессуальной детальности в контексте построения в Российской Федерации правового государства.

4. Наконец, последний этический аспект допроса, который хотелось бы затронуть в настоящей статье, связан с нравственным поведением следователя в условиях предусмотренной законом свободы тактики допроса. Ведь этичность – один из необходимых критериев, которым должен отвечать любой тактический прием любого следственного действия, в частности допроса³. В связи с этим в юридической литературе в течение длительного времени обсуждается вопрос о допустимости использования при допросе следственных хитростей, психологического и пресловутого обмана подозреваемого, обвиняемого или других лиц в целях их изобличения во лжи и побуждения к даче правдивых показаний. Собственно говоря, категории «тактический прием», «тактическая комбинация», «тактическая операция» были в свое время введены в оборот криминалистической науки ввиду непринятия советской юридической моралью категорий «следственная хитрость», «психологическая ловушка» и т. д.⁴

³ См.: *Порубов Н.И.* Допрос в советском уголовном процессе... С. 129; *Карнеева Л. М.* Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования. Волгоград, 1976. С. 23; *Рашинов А. Р.* Тактический прием. Допустимость и оптимальность // Тактические приемы допроса и пределы их использования: тезисы выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 14 марта 1980 г. М., 1980. С. 7.

⁴ См.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. М., 1997. Т. 3. С. 202–205.

А. Р. Ратинов писал, что на фоне общей неясности данной проблемы наблюдаются две диаметрально противоположные позиции: а) «мнимо-гуманистическая», объявляющая недопустимыми любые приемы и средства, направленные на преодоление возможного противодействия заинтересованных лиц, низводящая следователя до положения пассивного регистратора событий, и уподобляющая сбору доказательств сбору урожая в саду; б) «вульгарно-прагматичная», считающая приемлемыми любые прямо не запрещенные законом методы установления истины⁵. Большинство ученых традиционно склонялось к убеждению о возможности применения подобных тактических приемов, но в весьма ограниченных пределах. В частности, высказывались идеи о допустимости дезориентации допрашиваемого⁶, создания иллюзии чрезмерно высокой или, наоборот, слишком низкой степени осведомленности следователя об обстоятельствах дела⁷ и т. д. При этом практически все процессуалисты и криминалисты сходились во мнении о незаконности использования прямого обмана, сообщения подозреваемому, обвиняемому и другим лицам заведомо ложных сведений⁸. В коллективной монографии по проблемам судебной этики М. С. Строгович, выражая резко негативное отношение к любым проявлениям лжи, говорил о недопустимости использования следственных хитростей и психологических ловушек как наиболее изощренных, нетерпимых и аморальных форм обмана⁹.

Однако существует и прямо противоположная точка зрения. В частности, Р. С. Белкин, вступая в полемику с М. С. Строговичем и его единомышленниками, писал, что абстрактная формула «средство может быть только нравственным или только безнравственным – всегда и везде» коренится в разрыве теоретического и практического отношения к морали как объекту этической науки, где такой разрыв приводит к двум традиционным болезням: а) к старческому бессилию формализма, пытающегося с помощью спекулятивного выведения категорий, игнорируя данные о реальном нравственном поведении людей, решить все этические проблемы; б) к сентиментальному, проповедническому морализированию, которое, обращаясь к нравственным нормам, не может предложить ничего, кроме их проповеди, без сколько-нибудь серьезного, научного обоснования, без понимания происходящих нравственных процессов, их внутренних противоречий. Ученый полагал, что, следуя подобной логике, обман можно усмотреть чуть ли не в каждом тактическом приеме, не говоря уже о тактических комбинациях, и что, признавая его недопустимость на словах, практические работники повсеместно прибегают к его использованию. Тем более, что в иных сферах правоохранительной, в частности оперативно-розыскной, деятельности государство вполне признает допустимость обмана. А стыдливая маскировка слова «обман» специальным термином «легендирование» существа дела не меняет¹⁰.

⁵ См.: Ратинов А. Р. Тактический прием. Допустимость и оптимальность... С. 6.

⁶ См.: Соловьев А. Б. К вопросу о критериях правомерности психологического воздействия при допросе // Тактические приемы допроса и пределы их использования : тезисы выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 14 марта 1980 г. М., 1980. С. 29.

⁷ См.: Васильев А. Н. Тактика отдельных следственных действий. М., 1981. С. 24 ; Леоненко В. В. Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. Киев, 1981. С. 61.

⁸ См.: Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном процессе... С. 129 ; Любичев С. Г. Этические основы следственной тактики. М., 1980. С. 37 ; Леоненко В. В. Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства... С. 61 ; и др.

⁹ См.: Проблемы судебной этики / под ред. С. М. Строговича. М., 1974. С. 20, 127.

¹⁰ См.: Белкин Р. С. Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 102, 103–104, 109–110.

В целом, признавая справедливость и, самое главное, откровенность подобных суждений в контексте реальной правоприменительной практики, позволим себе обратить внимание лишь на одно обстоятельство. Дело в том, что, возможность следственных хитростей, психологических ловушек и тому подобных тактических приемов (комбинаций) имеет и «обратную сторону медали», выраженную в потенциальной опасности служебных злоупотреблений, а также в рисках неправильного применения криминалистических рекомендаций неопытными сотрудниками. Таким образом, эти вопросы априори находятся в самой тесной взаимосвязи с профессиональными и морально-этическими качествами следователей и неминуемо упираются в проблемы кадрового обеспечения органов предварительного расследования.

Взгляды Р. С. Белкина формировались в советский период развития уголовного процесса и криминалистики, обусловленный укомплектованностью этих органов «сильными» следователями, обладающими высоким уровнем профессионализма, компетентности, правовой культуры, нравственности, правосознания, ответственности и богатым жизненным опытом. Даже в 1990-е гг. (когда были написаны последние работы Р. С. Белкина) было еще много следователей «старой советской закалки». В настоящее время государственная политика, в большей степени, сориентирована на «слабого» следователя, т. е. на непрофессионального, несознательного, безответственного, склонного к злоупотреблениям и коррупции субъекта, фактически обычного рядового исполнителя, технического помощника руководителя следственного органа, не способного принимать самостоятельных решений и нести за них ответственность. В условиях современной модели досудебного производства профессионально созревшие специалисты либо переходят на руководящие должности, либо меняют работу. Самостоятельные и независимые «сильные» следователи действующей системе предварительного расследования просто не нужны¹¹.

Итак, полагаем, что любые процессуальные положения о свободе тактики допроса, любые соответствующие криминалистические рекомендации должны рассматриваться в комплексе с концепцией реформы органов предварительного следствия, с пересмотром государственной идеологии к профессии следователя. Только в этом случае справедливые высказывания Р. С. Белкина и других криминалистов смогут быть реально выполнимы без опасности злоупотреблений и нарушения прав и свобод допрашиваемых лиц.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Россинский С. Б.* Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР). М., 2016. С. 93–100.

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

***Россинский С. Б.**, доктор юридических наук, доцент
кафедры уголовно-процессуального права*

Moscow State Kutafin Law University (MSLA)

***Rossinskiy S. B.**, Doctor of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Procedural Law Department
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com*

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Определяется, раскрывается и анализируется перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в целях определения основания для возбуждения уголовного дела.

К л ю ч е в ы е с л о в а: доказывание, предмет доказывания, доказательства, ПДД.

THE SUBJECT OF PROOF IN CRIMINAL CASES ON VIOLATION OF TRAFFIC RULES AND OPERATION OF VEHICLES

The article defines, discloses and analyzes a list of circumstances that are subject to proof in criminal cases on violation of traffic rules and vehicle operation in order to determine the grounds for initiating a criminal case.

К e y w o r d s: proving, the subject of proof, evidence, traffic laws.

Поступила в редакцию 11 сентября 2017 г.

Согласно ст. 85 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹, доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления предмета доказывания. Уголовно-процессуальное доказывание не сводится только к мыслительной деятельности и логическим операциям с уже готовыми знаниями, понятиями, фактами; в основной своей части оно состоит из практической деятельности по установлению этих фактов. Лишь на заключительном этапе, когда все необходимые факты установлены, процесс доказывания становится сугубо логической деятельностью, подчиненной задаче обоснования итогового решения по уголовному делу.

Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, или предмет доказывания определен в ст. 73 УПК РФ. Однако в процессе расследования возникает необходимость в выявлении не только искомых, но и доказательных фактов, с помощью которых устанавливаются обстоятельства, являющиеся предметом доказывания. Содержание и характер этих фактов всякий раз определяются следователем и судом в зависимости от сложившейся ситуации. Эти факты обуславливаются обстоятельствами и условиями расследования конкретного преступления.

Так, по делам о нарушении правил дорожного движения (далее – ПДД) и эксплуатации транспортных средств (далее – ТС) подлежат установлению следующие обстоятельства:

1. Необходимо определить событие, которое произошло на месте происшествия или вид дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП): столкновение ТС, опрокидывание ТС, наезд на пешехода, препятствие или гужевого транспорт; иной вид ДТП или вовсе его инсценировка, совершенная с целью сокрытия другого преступления.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 17.04.2017). Доступ из справ.-правовой. системы «КонсультантПлюс».

© Савицкая И. Г., 2017

2. Следует выяснить время и место совершения преступления.
3. Необходимо выявить приемы сокрытия преступления: утаивание, уничтожение улик, маскировка, фальсификация.
4. Выяснить направление движения скрывшегося ТС.
5. Определить признаки ТС, указанные в ст. 264 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), а именно является ли оно автомобилем, трамваем или другим механическим ТС.

С 1 июля 2015 г. к последней категории относятся: трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, а также ТС, на управление которыми в соответствии с законодательством РФ о безопасности дорожного движения (далее – БДД) предоставляется специальное право².

До определенного времени предметом совершения преступления являлись механические ТС с рабочим объемом двигателя более 50 куб. см, способные развивать скорость более 50 км/ч. Однако со вступлением в силу Федерального закона от 5 ноября 2013 г. № 92-ФЗ³, внесшего поправки в действующий Закон «О безопасности дорожного движения», в частности в ст. 25 «Основные положения, касающиеся допуска к управлению ТС», которыми введена категория «М», термин механическое ТС расширен. Он включает в себя мопеды, т. е. двух- и трехколесные транспортные средства, максимальная конструктивная скорость которых не превышает 50 км/ч, имеющие двигатель внутреннего сгорания с рабочим объемом, не превышающим 50 куб. см, или электродвигатель с номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки более 0,25 кВт и менее 4 кВт. К мопедам приравниваются квадрициклы, имеющие аналогичные технические характеристики⁴.

6. Необходимо собрать сведения о личности обвиняемого, которые исследуются по следующим критериям:

- биографические данные (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, пол, возраст);
- биологические данные (тип конституции, состояние здоровья, перенесенные заболевания, физические недостатки, особые приметы);
- социальные характеристики (направленности личности, сведения об условиях и образе жизни, социальные связи);
- психологические свойства (восприятие, память, мышление, темперамент, черты характера, волевые качества);
- способности (возможности, опыт, качество полученных знаний, навыки, умения);
- уголовно-правовые признаки (направленность преступного поведения на конкретные правовые отношения, степень и характер общественной опасности).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения : федер. закон от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 7 мая 2013 г. № 92-ФЗ (в ред. от 23.05.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О Правилах дорожного движения (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения : постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (в ред. от 24.03.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Обязательному установлению подлежат такие сведения, как водительский стаж, уровень профессиональной подготовки, время нахождения за рулем, состояние здоровья.

Следует установить достигло ли лицо 16-летнего возраста, т. е. является ли оно субъектом преступления. Им признается не только водитель, сдавший экзамены на право управления транспортным средством и получивший водительское удостоверение соответствующего вида, но и любое другое лицо, управлявшее ТС, в том числе лицо, не имевшее либо лишенное права управления соответствующим видом транспортного средства, а также лицо, обучающее вождению на учебном ТС с двойным управлением.

7. Необходимо установить один, два или более участников дорожного движения допустили нарушение ПДД. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 22 (в ред. от 24.05.2016)⁵ если суд на основании представленных доказательств, что вредные последствия наступили не только вследствие нарушения ПДД лицом, управляющим ТС, но и ввиду несоблюдения потерпевшим конкретных пунктов правил (например, переход пешеходом проезжей части вне пешеходного перехода – п. 4.3 ПДД), эти обстоятельства могут быть учтены судом как смягчающие.

8. Необходимо установить, находился ли водитель в состоянии опьянения. В п. 10.1 и 10.2 вышеуказанного постановления Пленума ВС РФ отмечается что, факт наличия у лица, управляющего ТС, алкогольного опьянения, устанавливается по результатам освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и (или) медицинского освидетельствования на состояние опьянения, а наличие в организме такого лица наркотических или психотропных веществ – по результатам химико-токсикологических исследований, проводимых в рамках медицинского освидетельствования.

При этом обращается внимание на то, что водитель, не выполнивший законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (п. 2.3.2 ПДД), признается в соответствии с п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ лицом, находящимся в состоянии опьянения, если направление на медицинское освидетельствование осуществлялось в соответствии с правилами, утвержденными Правительством РФ, и отказ от медицинского освидетельствования (от любого проводимого вида исследования) зафиксирован должностным лицом, которому предоставлено право государственного надзора и контроля за БДД и эксплуатации транспорта, в протоколе о направлении на медицинское освидетельствование либо уполномоченным медицинским работником в акте медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Водитель, скрывшийся с места происшествия, может быть признан совершившим преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, в состоянии опьянения, если после его задержания к моменту проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения или судебной экспертизы не утрачена возможность установить факт нахождения лица в состоянии опьянения на момент управления ТС. В

⁵ О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 22. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

случае отказа данного лица от прохождения медицинского освидетельствования оно признается управлявшим ТС в состоянии опьянения.

9. Необходимо установить не привлекалось ли данное лицо ранее к уголовной или административной ответственности за нарушение ПДД и Правил эксплуатации ТС, а также не было ли лицо лишено права управления ТС в порядке ст. 12.8 КоАП РФ в связи с этим ДТП за управление ТС в состоянии опьянения.

10. Собрать данные о личности пострадавшего и других участников ДТП (при их наличии), в частности: водительский стаж, уровень профессиональной подготовки, состояние здоровья, а также наличие или отсутствие состояния опьянения у вышеперечисленных лиц.

11. Необходимо установить наступили ли вредные последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего, указанные в ст. 264 УК РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 указывает на то, что уголовная ответственность за преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, может иметь место лишь при условии наступления последствий, указанных в этой статье, и если эти последствия находятся в причинной связи с допущенными лицом нарушениями ПДД или эксплуатации ТС. Исходя из этого утверждения следует установить, нарушение каких именно пунктов ПДД повлекло наступление вредных последствий.

12. Необходимо определить с какой скоростью двигалось ТС и не были ли превышены установленные ограничения. Учитывал ли водитель при выборе скорости интенсивность движения, особенности и состояние ТС и груза, дорожные и метеорологические условия, в частности видимость в направлении движения, как предписывает водителю п. 10.1 ПДД РФ.

13. Особое внимание надлежит обратить на установление такого факта, как: принял ли водитель возможные меры к снижению скорости, вплоть до остановки ТС, при возникновении опасности для движения. Подобный факт устанавливается наличием следов торможения ТС, следов юза, а также определением точного места столкновения транспортных средств или места наезда на пешехода.

14. Необходимо определить в состоянии ли был водитель обнаружить опасность для движения и имелась ли у него техническая возможность избежать ДТП. Уголовная ответственность по ст. 264 УК РФ, в соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 наступает именно в этом случае. Следует отметить, что согласно п. 10.1 ПДД РФ, скорость должна обеспечивать водителю возможность постоянного контроля за движением ТС для выполнения требований ПДД.

15. В случае если нарушение ПДД усматривается в действиях нескольких участников ДТП, то следует определить степень вины каждого из них.

16. Необходимо установить обстоятельства, способствующие совершению преступления (неудовлетворительное состояние содержания дорог, мостов, путепроводов, железнодорожных переездов, дорожных знаков, разметки, светофорных объектов, а также использование неисправных ТС).

При выявлении фактов ненадлежащего содержания дороги или организации дорожного движения в месте ДТП необходимо дать правовую оценку действиям или бездействиям должностных лиц ответственных за данный участок дороги. Это делается с целью установления в их действиях наличия признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 266, 293 УК РФ, и своевременно направлять представления в соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ.

17. Установить очевидцев ДТП (анкетные данные, контактная информация), наличие записи происшествия на камерах видеорегистраторов, установленных в ТС, принадлежащих данной категории лиц.

18. Установить наличие стационарной системы видеонаблюдения «Безопасный город», а также системы автоматической фиксации административных правонарушений в области БДД. Видеоматериалы, полученные с помощью камер системы «Безопасный город», позволяют выполнить сложную видеотехническую экспертизу, позволяющую ответить на вопрос – имел ли водитель техническую возможность избежать ДТП. Выполнить подобный вид экспертизы позволяют также материалы, полученные с автомобильных регистраторов. Стационарные комплексы фото-, видеофиксации нарушений ПДД позволяют установить направление движения скрывшегося ТС, получить изображение лица, находящегося за рулем данного ТС, а также изображения ТС, водители которых могут являться очевидцами ДТП. Кроме того, данные материалы позволяют установить иные важные для расследования обстоятельства (например, наличие в ТС пассажиров и грузов, их расположение в автомобиле).

19. Необходимо исследовать информацию, содержащуюся на тахографе – контрольном устройстве, устанавливаемом на борту ТС, предназначенном для регистрации скорости, режима труда, отдыха водителей и членов экипажа. В соответствии с приказом Министерства транспорта РФ от 13 февраля 2013 г. № 36⁶, оснащению таким устройством подлежит широкий круг грузовых ТС, осуществляющих коммерческие перевозки грузов, а также автобусов, предназначенных для перевозки пассажиров. Данное устройство позволяет получить информацию о скорости движения ТС, режиме труда и отдыха, а также (при правильном использовании) кто из водителей находился за рулем во время ДТП. Причем цифровые модели тахографов фиксируют информацию о скорости и продолжительности поездки, независимо от желания лица, управляющего ТС (т. е. с не вставленной в устройство картой водителя). К сожалению, данный источник информации следователями практически не используется, в том числе и ввиду отсутствия специальных знаний.

Перечень вышеперечисленных обстоятельств составляет предмет доказывания по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в целях определения основания для возбуждения уголовного дела.

⁶ Об утверждении требований к тахографам, устанавливаемым на транспортные средства, категорий и видов транспортных средств, оснащаемых тахографами, правил использования, обслуживания и контроля работы тахографов, установленных на транспортные средства : приказ Минтранса России от 13 февраля 2013 г. № 36 (в ред. от 28.01.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*Воронежский институт МВД России
Савицкая И. Г., кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса*

*Voronezh Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
Savitskaya I. G., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: arisha_s@list.ru
Tel.: 8-951-568-98-22*

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

УДК 343.1

Г. И. Загорский

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ СТОРОН ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДОМ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Рассмотрены вопросы, связанные с обеспечением прав сторон при рассмотрении судом уголовных дел частного обвинения. Анализируются нормы УПК РФ, предусматривающие процедуру подачи заявления о частном обвинении, порядок рассмотрения мировым судьей такого заявления. Особое внимание уделено обеспечению прав сторон при рассмотрении уголовных дел частного обвинения, в том числе и при подаче встречного заявления.

К л ю ч е в ы е с л о в а: суд, уголовное дело, частное обвинение, заявление, содержание, форма, обеспечение права, стороны, сроки, равенство сторон, рассмотрение, судебное заседание, частный обвинитель, подсудимый.

ENSURING THE RIGHTS OF THE PARTIES WHEN THE COURT CONSIDERS PRIVATE CRIMINAL CHARGES

The article deals with issues related to securing the rights of the parties when the court considers private criminal charges. At the same time, the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which provide for the procedure for filing an application for a private prosecution, and the procedure for the consideration of a peace judge by such a statement, are analyzed. Particular attention is paid to ensuring the rights of the parties when considering criminal cases of private prosecution, including when filing a counterclaim. K e y w o r d s: court, criminal case, private prosecution, application, content, form, security of the law, parties, terms, equality of parties, consideration, trial, private prosecutor, defendant.

Поступила в редакцию 9 октября 2017 г.

Статья 20 УПК РФ устанавливает, что уголовное преследование в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления, включая обвинение в суде, осуществляется в публичном, частно-публичном и частном порядке. Уголовными делами частного обвинения по действующему законодательству признаются уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 115, ч. 1, УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности» (в ред. федеральных законов от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ и 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), ст. 116, ч. 1, УК РФ «Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ» (в ред. федеральных законов от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ и 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), ст. 128.1, ч. 1, УК РФ «Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию» (введена Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ)¹.

¹ См.: Струкова В. В. Уголовное преследование, осуществляемое в частном порядке (теоретические основы и механизм реализации). Курск, 2014.

© Загорский Г. И., 2017

Уголовные дела частного обвинения возбуждаются не иначе, как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, когда руководителю следственного органа, следователю, а также с согласия прокурора дознавателю право возбуждения уголовного дела этой категории предоставлено при отсутствии заявления и потерпевшего, и его представителя. Это допустимо согласно ч. 4 ст. 20 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ) в случаях, когда данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. К иным причинам закон относит также случай совершения преступления лицом, данные о котором неизвестны. При этом следователь приступает к производству предварительного расследования, а дознаватель – дознания. Во всех остальных случаях заявление о возбуждении уголовного дела подается непосредственно в суд – мировому судье (ч. 1 ст. 31 и ч. 1 ст. 318 УПК РФ), а в отношении военнослужащих и граждан, проходящих военные сборы, – судье гарнизонного военного суда (ч. 5 ст. 31 УПК РФ)².

По уголовным делам частного обвинения потерпевший и его законный представитель вправе выдвигать и поддерживать обвинение. В отношении конкретного лица уголовные дела частного обвинения возбуждаются по заявлению потерпевшего и его законного представителя в порядке, установленном ч. 1 и 2 ст. 318 УПК РФ, а для лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам ст. 447 УПК РФ, в порядке, установленном ст. 448 УПК РФ.

К заявлению потерпевшего о привлечении к уголовной ответственности лица по делу частного обвинения закон предъявляет определенные требования, поскольку, по сути, в нем формулируется обвинение.

В соответствии с ч. 5 ст. 318 УПК РФ заявление должно содержать следующее:

1. Наименование суда, в который оно подается.
2. Описание преступления, места, времени, а также обстоятельств его совершения.
3. Просьбу, адресованную суду, о принятии уголовного дела к производству (данные о потерпевшем, а также о документах, удостоверяющих его личность).
4. Данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности.
5. Список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд.
6. Подпись лица, его подавшего.

В целях обеспечения права на защиту от выдвинутого частного обвинения лицу, в отношении которого оно сформулировано в заявлении, которое подается в суд с копиями по числу обвиняемых лиц.

Приняв заявление к производству, судья выносит постановление. С этого момента лицо, подавшее заявление, является частным обвинителем, а по логике закона лицо, в отношении которого оно подано, приобретает право на защиту от выдвинутого обвинения со всеми вытекающими последствиями, т. е. приобретает права обвиняемого.

Закон обязывает судью, разъяснить лицу, подавшему заявление, права потерпевшего, предусмотренные ст. 42 УПК РФ и права частного обвинителя, предусмотренные ст. 43 УПК РФ, о чем составляется протокол, подписываемый судьей и лицом, подавшим заявление.

² См.: *Очередыко В. П.* Правовое положение мирового судьи в Российской Федерации : проблемы и пути решения // Рос. правосудие. 2014. № 8. С. 37–40.

Заявителю разъясняется также право на примирение с лицом, в отношении которого подано заявление.

В ст. 318 УПК РФ аналогичного требования о разъяснении судьей прав лицу, в отношении которого выдвинуто заявителем частное обвинение, не содержится, что, на наш взгляд, противоречит принципу состязательности сторон и принципу охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Исходя из положений ст. 11 УПК РФ о том, что суд обязан разъяснить участникам уголовного процесса их права, обязанности и ответственность, а также обеспечить возможность осуществления этих прав, и ст. 15 УПК РФ о том, что суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, по нашему мнению, судья обязан разъяснить этому лицу права обвиняемого, предусмотренные ст. 47 УПК РФ.

Закон обязывает судью по ходатайству сторон оказывать им содействие в собрании доказательств, которые не могут быть получены ими самостоятельно.

Мировой судья в течение семи суток со дня поступления заявления в суд вызывает лицо, в отношении которого подано заявление, знакомит его с материалами дела, вручает копию поданного заявления, разъясняет права подсудимого в судебном заседании и выясняет, кого, по его мнению, необходимо вызвать в качестве свидетелей защиты, о чем у него берется подписка³.

Представляется, что исходя из принципа равенства сторон в уголовном судопроизводстве целесообразнее составлять протокол, подписываемый судьей и лицом, в отношении которого подано заявление о частном обвинении.

Закон обязывает мирового судью разъяснить сторонам возможность примирения. В случае положительного решения производство по уголовному делу по постановлению мирового судьи прекращается на основании ч. 2 ст. 20 УПК РФ. Если уголовное дело по частному обвинению возбуждалось следователем, а также с согласия прокурора дознавателем по основаниям, указанным в ч. 4 ст. 20 УПК РФ, и материалы поступили мировому судье, то уголовное дело в случае достигнутого примирения сторон прекращается по постановлению мирового судьи по основаниям, предусмотренным ст. 25 УПК РФ.

Если примирение не достигнуто, мировой судья назначает рассмотрение уголовного дела в судебном заседании по общим правилам, предусмотренным главой 33 УПК РФ⁴.

Судебное разбирательство по уголовному делу частного обвинения проводится в общем порядке с соблюдением требований глав 35–39 УПК РФ, за исключением действий, предусмотренных ст. 321 УПК РФ⁵.

Это касается, прежде всего, сроков рассмотрения уголовного дела: не ранее 3 и не позднее 14 суток со дня поступления в суд заявления или уголовного дела. В связи с сокращенными сроками рассмотрения таких дел следует обратить внимание на реальную возможность для подсудимого воспользоваться правом на защиту от предъявленного обвинения.

Кроме того, предусмотрена возможность до начала судебного следствия соединить в одно производство рассмотрение встречного заявления. В этом случае для подготовки к защите в связи с поступлением встречного заявления по ходатай-

³ См.: Дорощков В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М., 2004.

⁴ См.: Михайловская И. Б. Уголовное производство в мировом суде. М., 2003.

⁵ См.: Дорощков В. В. Руководство для мировых судей. М., 2001.

ству лица, в отношении которого оно подано, предусмотрена возможность отложить рассмотрение уголовного дела на срок не более трех суток.

Принятие к производству встречного заявления влечет за собой следующие процессуальные особенности⁶:

– лица, подавшие их, участвуют в уголовном судопроизводстве одновременно в качестве частного обвинителя и подсудимого. Следовательно, каждому из них необходимо дополнительно разъяснить права, которые они приобретают в связи с новым процессуальным статусом;

– допрос этих лиц об обстоятельствах, изложенных ими в заявлениях, проводится по правилам допроса потерпевшего, а об обстоятельствах, изложенных во встречных жалобах, по правилам подсудимого;

– каждый из них по обстоятельствам, изложенным в жалобе, выступает в роли частного обвинителя;

– судебное следствие в этом случае начинается с изложения заявления частным обвинителем или его представителем, после изложения доводов основного заявления излагаются доводы встречного заявления лицом, его подавшим, либо его представителем;

– каждый из них вправе изменить обвинение, сформулированное в заявлении о частном обвинении, при условии, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту;

– каждый из них вправе отказаться от обвинения;

– каждый из них имеет право выступать в судебных прениях как в роли частного обвинения, так и в роли подсудимого по встречному обвинению.

В связи с этим особое внимание в таких случаях необходимо обращать на обеспечение прав участников каждой из сторон, особенно права на защиту от предъявленного обвинения.

Защищаться от предъявленного обвинения подсудимый по делу частного обвинения вправе как самостоятельно, так и с помощью защитника⁷.

Закон в ст. 49 УПК РФ устанавливает, что в качестве защитников допускаются адвокаты. Вместе с тем по решению суда в качестве защитников наряду с адвокатом может быть допущен один из близких родственников подсудимого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. Эти положения закона сомнений не вызывают и должны неукоснительно соблюдаться⁸.

Закон допускает при производстве у мирового судьи участие таких лиц вместо адвоката. Однако это положение закона, по крайней мере, представляется спорным.

Согласно ст. 48 Конституции РФ каждый обвиняемый в совершении преступления, независимо от его категории, имеет право на получение квалифицированной юридической помощи. Развивая эти положения Основного закона, УПК РФ в ст. 16 раскрывает содержание понятия: обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, а в ст. 248 определяет порядок участия защитника в судебном разбирательстве и конкретизирует его полномочия в этой стадии уголовного судопроизводства.

⁶ См.: Хатуева В. В., Старовойтов А. А. Частное обвинение в уголовном процессе России. Воронеж, 2005.

⁷ См.: Макаров Ю. А. Частное обвинение : теория, судебная практика, документы. М., 2008.

⁸ См.: Бородинова Т. Г. Сторона защиты и ее функция в судебных стадиях уголовного судопроизводства. М., 2010.

Следует учитывать, что право на защиту относится к числу общепризнанных принципов международного права и рассматривается как непереносимое условие обеспечения права на справедливое судебное разбирательство (ст. 11 Всеобщей декларации прав человека, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах). Этот же принцип закреплен и в ст. 45 Конституции РФ.

С учетом указанных обстоятельств решение о допуске одного из близких родственников подсудимого или иного лица вместо адвоката по делам частного обвинения, о допуске которого ходатайствует обвиняемый, следует принимать крайне осмотрительно: и только убедившись в том, что это лицо с учетом его профессиональной и общеобразовательной подготовки деловых качеств и иных обстоятельств действительно способно оказать подсудимому необходимую помощь в защите своих законных прав и интересов.

Вопрос относительно обеспечения прав сторон по делам частного обвинения связан с последствиями неявки заявителя в судебное заседание без уважительных причин, поскольку участие частного обвинителя по закону является обязательным⁹.

Действительно, с таким положением следует согласиться. Однако закон обязывает суд в такой ситуации прекратить уголовное дело по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие в деянии состава преступления), что вызывает определенные сомнения. Факт неявки потерпевшего – частного обвинителя не может оказывать влияние на правовую оценку событий, по поводу которых назначено судебное разбирательство по заявлению пострадавшего. Видимо, в такой ситуации факт неявки частного обвинителя в судебное заседание без уважительной причины более правильно расценивать как его отказ от уголовного преследования. В связи с этим предпочтительным для прекращения уголовного дела следует считать не уголовно-правовое, а уголовно-процессуальное основание – отсутствие заявления потерпевшего (п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) и по этому основанию прекращать уголовное дело в судебном разбирательстве¹⁰.

⁹ См.: Орлова Т. В. Дифференциация форм судебного разбирательства в уголовном процессе Российского государства / под ред. Г. И. Загорского. М., 2015.

¹⁰ См.: Загорский Г. И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам. М., 2012. С. 60–61.

Российский государственный университет правосудия
Загорский Г. И., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права, заслуженный юрист РСФСР, заслуженный деятель науки РФ

Russian State University of Justice
Zagorsky G. I., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminal Procedural Law Department, Honoured Lawyer of Russian Federation, Honoured Scientist of Russian Federation
E-mail: 9976842@mail.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК НРАВСТВЕННЫЙ КРИТЕРИЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

Освещаются отдельные проблемы оценки современного российского уголовного процесса с точки зрения его соответствия критерию справедливости. Анализируются различные подходы к современному пониманию справедливости судебного разбирательства по уголовному делу. Предлагается авторская концепция справедливого судебного разбирательства по уголовному делу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное судопроизводство, справедливое судебное разбирательство, истина, правосудие.

FAIRNESS AS A MORAL CRITERIUM FOR EVALUATING A TRIAL: THE ISSUES OF CONSTRUCTION AND EXECUTION

The article covers certain issues of evaluating modern Russian criminal proceedings from the standpoint of fairness. It analyzes some modern interpretations of the concept of the fair criminal trial. The author explains his own understanding of the fair trial.

K e y w o r d s: criminal proceedings, fair trial, truth, justice.

Поступила в редакцию 8 декабря 2017 г.

Современное уголовное судопроизводство представляет собой сложную систему по обеспечению стратегических и тактических направлений уголовно-процессуальной политики государства, с одной стороны, и прав и законных интересов лиц, вовлеченных в его сферу, – с другой. Такая дихотомия закономерно требует установления разумного баланса между частными и публичными интересами и соответственной разработкой системы критериев оценки эффективности данного механизма. Одним из критериев для такой оценки с полным основанием можно считать критерий справедливости.

Несмотря на сложность, а фактически невозможность определения значения и сущности данного понятия без учета контекста, в котором он употребляется, его применение в рамках уголовно-процессуального права является оправданным. Именно справедливость как определенная характеристика уголовного процесса позволяет установить и закрепить необходимую связь между нормами морали и нормами права. Это особо значимо для отечественной правовой системы, поскольку российская ментальность отличается комплексностью и недостаточной дифференцированностью социальных норм. Согласимся с О. Л. Васильевым, подчеркивающим, что «справедливость, и это ... очевидно, является нравственным началом, безусловным благом, гармонизирующим бытие»¹.

С сожалением приходится констатировать, что в современных исследованиях проблем уголовного процесса преобладает прагматично-технологичный

¹ Васильев О. Л. Справедливость на досудебных стадиях уголовного процесса России. М., 2017. С. 22.

подход, и вопросы нравственных основ уголовного судопроизводства, как и целый ряд других вопросов доктринального характера, незаслуженно игнорируются, в то время как «при рассмотрении уголовных дел возникает много проблем этической окраски, правильное разрешение которых способствует укреплению доверия к правосудию»². Большинство исследований, посвященных данной проблематике, было выполнено еще в советский период, когда учеными-процессуалистами был внесен значительный вклад в разработку вопросов этики уголовного процесса и правосудия. В частности, было указано не только на необходимость «встраивания» нравственных начал в правовое сознание правоприменителя, но и на значимость «вживления» справедливых требований закона в систему моральных требований общества³. Игнорирование данных вопросов в теории уголовно-процессуального права ведет к определенному обеднению его содержания, поскольку «главной составляющей нравственного ориентирования уголовного процесса остается проблема соотношения справедливости, воплощаемой в идее публичной социальной необходимости обеспечения ценностей общественного блага, и гуманизма как морального принципа, охраняющего личность от произвола власти»⁴.

Что касается проблемы использования понятия «справедливость» в качестве одной из значимых характеристик уголовного процесса, то ограниченное обращение исследователей к этому вопросу во многом обусловлено его недостаточным использованием в современном уголовно-процессуальном законодательстве. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) понятие «справедливость» представлено крайне ограниченно. Фактически справедливость лишь закреплена в ст. 6 УПК РФ в качестве одного из условий достижения назначения уголовного судопроизводства. В этой основополагающей статье речь идет лишь о справедливости наказания. Далее по тексту УПК РФ справедливость рассматривается как обязательная характеристика приговора суда, проявляющаяся в реализации судебного усмотрения при назначении уголовного наказания осужденному. Подобная нормативная лаконичность, граничащая с пробельностью, закономерно привела к проблемам правоприменения, которые судебная практика вынуждена решать с использованием довольно сложных механизмов. В частности, более широкое толкование справедливости было дано Конституционным Судом РФ в постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П⁵, где справедливость рассматривается как неотъемлемое качество правосудия, позволяющее обеспечить «эффективное восстановление в правах». В основе такого подхода Конституционного Суда РФ, безусловно, лежат междуна-

² Стародубова Г. В. Нравственные аспекты уголовно-процессуальной деятельности судьи и их значение для укрепления доверия к правосудию // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 169.

³ См.: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика. Некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса. Воронеж, 1973. С. 25–26.

⁴ Козявин А. А. Уголовное судопроизводство современной России как объект ценностно-нравственного обоснования // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 32.

⁵ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 51. Ст. 5026.

родные стандарты справедливого судебного разбирательства, критерии которого получили свою детализацию как на уровне норм международного права, так и на уровне практики Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). В то же время ориентация российского уголовного процесса на решения последнего сопряжена с рядом сложностей, поскольку сопряжена с необходимостью решения «задачи адекватного «встраивания» правовых позиций ЕСПЧ в ткань отечественной правовой доктрины»⁶. Хотя, безусловно, точки соприкосновения существуют, поскольку позволяют наложить предлагаемые ст. 6 Европейской конвенции по правам человека и практикой ЕСПЧ стандарты справедливого судебного разбирательства на российскую модель реализации права на судебную защиту. В связи с этим Л. В. Головки отмечает, что «в данном случае мы имеем дело с той ситуацией, когда иногда в праве возникают поразительные универсальные тенденции, придающие появляющимся в разных местах и формулируемым на разных языках идеям функциональное сходство»⁷.

Разумность указанных критериев и необходимость ориентации на них при осуществлении судебного разбирательства в целом не вызывает сомнений. Однако закономерно возникает вопрос: являются ли ориентиры, предложенные прецедентной практикой ЕСПЧ, достаточными для российского уголовного процесса? Полагаем, что на данный вопрос необходимо дать отрицательный ответ, иначе можно будет вести речь исключительно о формальной справедливости, т. е. о проведении судебного разбирательства в полном соответствии со сложившимися и признаваемыми на международно-правовом уровне стандартами справедливого судебного разбирательства. Однако очевидно, что соблюдение процедуры не всегда может привести к принятию справедливого решения по уголовному делу. Здесь следует вспомнить о традиционном для отечественного уголовного процесса понимании справедливости в ее неразрывной связи с установлением истины по уголовному делу. При таком подходе соблюдение стандартов справедливого судебного разбирательства лишь создает необходимые процессуальные условия для постановления именно справедливого с позиции «преступление – наказание» итогового процессуального решения. Но только таких условий явно недостаточно. Требуется определенная активность суда по установлению истинных обстоятельств совершенного преступления. В связи с этим следует отметить, что активная дифференциация уголовно-процессуальной формы в сторону ее упрощения в современном российском уголовном процессе несет в себе не только прагматические преимущества, но и риски, связанные с соответствием такого производства критерию справедливости.

Таким образом, пробельность и противоречивость современного уголовно-процессуального законодательства и недостаточная разработанность концепции справедливости применительно к уголовному судопроизводству соз-

⁶ Трубникова Т. В. Проблемы доказывания в справедливом судебном разбирательстве и их отражение в правовых позициях ЕСПЧ : вызовы для российской науки уголовного процесса и правоприменительной практики // Уголовная юстиция. 2016. № 1. С. 135.

⁷ Головки Л. В. Отечественное понятие «право на судебную защиту» и европейское понятие «право на доступ к правосудию» : попытка функционального сравнения // Право на судебную защиту в уголовном процессе : европейские стандарты и российская практика : сб. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Томск, 20–22 сентября 2007 г.) / под ред. М. К. Свиридова. Томск, 2007. С. 13.

дают благодатную почву как для теоретических, так и теоретико-прикладных исследований, результаты которых могут стать реальной основой для разработки обновленных моделей как досудебного производства, так и производства в судебных стадиях.

Российский государственный университет правосудия

Марковичева Е. В., доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства

Russian State University of Justice

Markovicheva E. V., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Principal Research Scientist of the Criminal Justice Issues Department
E-mail: markovicheva@yandex.ru

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются спорные аспекты наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Анализируются примеры из судебной практики с точки зрения эффективности уголовно-процессуальных норм, применяемых в данных случаях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное судопроизводство Российской Федерации, уголовный процесс, наложение ареста на имущество, конфискация имущества.

MORAL BASIS OF PROPERTY SEIZURE IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to disputable aspects of the property seizure in the criminal procedure of Russian Federation. The author analyzes some examples from the judicial practice in the light of the efficiency of the criminal procedure norms used in these cases.

К e y w o r d s: criminal procedure of the Russian Federation, criminal procedure, seizure of property, confiscation of property.

Поступила в редакцию 4 сентября 2017 г.

До сих пор в уголовно-процессуальном законодательстве России остается неразрешенным вопрос о судьбе определенного рода имущества. Если в процессе производства по уголовному делу упоминается вещь, то скорее всего это происходит в связи с ее изъятием у владельца либо ограничением права собственности на нее. В уголовном судопроизводстве может быть ограничено не только право собственности (владения, распоряжения), но и фактическое владение (распоряжение) имуществом независимо от того, законно ли оно. Как известно, такой ограничительной мерой является мера принуждения – наложение ареста на имущество¹, состоящая в запрете, адресованном собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и (если необходимо) пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение (ч. 2 ст. 115 УПК РФ).

Часть 1 ст. 115 УПК РФ является бланкетной, в ней содержится ссылка на ст. 104.1 УК РФ, подробно перечисляющую имущество, подлежащее конфискации:

- деньги, ценности, иное имущество, полученное в результате совершения преступлений (п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ);
- результаты переработки, преобразования этих денег, ценностей или иного имущества (п. «б» ч. 1);
- источник финансирования (используемый или предназначенный) преступной деятельности (терроризм, экстремизм, незаконные вооруженные формирования, преступная организация) (п. «в» ч.1);
- орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому (п. «г» ч.1).

¹ См.: Уголовный процесс : учебник / под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. М., 2016. С. 258.

Перечень охватывается действием не только ст. 115 УПК РФ, но и ст. 81 УПК РФ, поскольку он соответствует понятию «вещественные доказательства».

В 2011 г. Конституционный Суд РФ проверял конституционность ст. 115 УПК РФ, регулирующей наложение ареста на имущество².

По мнению заявителей, ч. 1 ст. 115 УПК РФ не соответствовала Конституции РФ в части, предусматривающей наложение ареста на имущество лиц, несущих по закону материальную ответственность за действия подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу; ч. 3 ст. 115 во взаимосвязи с абзацем девятым п. 1 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» – в части, предусматривающей наложение ареста на имущество других, помимо указанных в ч. 1 той же статьи, лиц, в отношении которых возбуждено дело о банкротстве и введена процедура конкурсного производства; а ч. 9 ст. 115 во взаимосвязи с ч. 3 той же статьи и п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ – в части, предусматривающей наложение ареста на имущество, находящееся у других лиц, в целях обеспечения исполнения приговора, при приостановлении предварительного следствия по уголовному делу в связи с тем, что подозреваемый, обвиняемый скрылся.

Все статьи, кроме ч. 9 ст. 115 УПК РФ, Конституционный Суд РФ признал соответствующими Конституции.

Так, ч. 1 ст. 115 УПК РФ предусматривает, прежде всего, материальную ответственность лица за действия подозреваемого или обвиняемого, что предполагает наличие самого подозреваемого (обвиняемого). Как отметил Конституционный Суд РФ, данный вид ответственности является внедоговорным, так как основывается на факте совершения лицом, за действия которого гражданский ответчик несет материальную ответственность, преступления. Следовательно, единственным основанием ответственности гражданского ответчика в данном случае является только причинение вреда лицом, за которое он ответственен.

Часть 3 ст. 115 УПК РФ предполагает, что изъятие определенного законом имущества, находящегося у лиц, не являющихся обвиняемыми (подозреваемыми) или ответственными за их действия (при условии, что данные лица знали о происхождении имущества), возможно только после достоверного установления судом обстоятельств, влекущих изъятие, т. е. после постановления обвинительного приговора. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что наложение ареста на имущество в данном случае не влечет перехода права собственности на него к другому лицу и носит временный характер, поэтому данная мера принуждения оправдана необходимостью защиты публичного интереса и не создает дисбаланса прав, а следовательно, не противоречит Конституции.

Часть 9 ст. 115 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 3 той же статьи и п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ была признана не соответствующей Конституции РФ вследствие того, что, во-первых, время, в течение которого может быть приостановлено следствие в случае, когда обвиняемый скрылся, в срок следствия по уголовному делу не включается и не может быть заранее определено; во-вторых, уголовно-процессуальный закон не предусматривал возможности по изменению или отмене наложе-

² По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр.

ния ареста на имущество; в-третьих, не было предложено механизма возмещения убытков собственнику имущества, которое было арестовано на чрезмерно долгий срок. Таким образом, данная мера процессуального принуждения может применяться во время приостановления предварительного следствия, т. е. до истечения сроков давности уголовного преследования. То есть собственник в данном случае не располагает никакими средствами защиты своих прав, что и нарушает баланс общественных и частных интересов.

Думается, неполноту норм об аресте имущества в случае приостановления дела в соответствии со ст. 208 УПК РФ можно исправить введением положения, которое предусматривало бы возможность обращения в порядке гражданского судопроизводства по иску, заявленному в рамках уголовного дела. Это можно допустить при условии очевидности события преступления (объект, объективная сторона) и признании гражданским ответчиком лица, которое обязано возместить вред в силу закона, не являясь непосредственным его причинителем. Такое лицо не должно быть обвиняемым (подозреваемым) по уголовному делу и нести по закону материальную ответственность за их действия. Только в этом случае возмещение вреда не будет связано с доказыванием вины обвиняемого в совершении преступления. Принятое при таких условиях решение в порядке гражданского судопроизводства не будет связано с определением виновности обвиняемого, не будет ее предрешать и преюдициально будет связано с производством по уголовному делу только в рамках гражданского иска.

Сходная ситуация может возникнуть, например, при совершении преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 264 УК РФ, если автотранспортное средство принадлежит предприятию или иному лицу. В соответствии с п. 1 ст. 1079 ГК РФ по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, в качестве ответчиков должны привлекаться владельцы транспортных средств, на которых соответственно возлагается обязанность по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности. В разрешении вопроса гражданского иска заинтересован не только потерпевший, но и само предприятие, которое, возмещая ущерб, обращается в страховую компанию³.

Возможность подачи иска по уголовному делу в порядке гражданского судопроизводства может определяться требованиями ст. 131 ГПК РФ. Для этого должны быть представлены следующие данные:

- о лице, признанном гражданским истцом;
- о гражданском ответчике по уголовному делу;
- о событии преступления, причинившего вред, и требование истца в связи с этим (объект, объективная сторона);
- о цене иска, а также расчет взыскиваемых или оспариваемых денежных сумм.

При этом постановление о приостановлении производства по уголовному делу, копии других документов, находящихся в уголовном деле и предоставленные потерпевшим или гражданским истцом, могли бы рассматриваться в качестве доказательств. Постановление о прекращении уголовного дела могло бы играть фактоустанавливающую роль или иметь преюдициальное значение.

³ См.: Ярошик О. Д. Проблемы обвинения и защиты по делам о ДТП в уголовном процессе : случаи из жизни и судебной практики // Адвокатская палата Моск. обл. М., 2007. С. 374.

Так, в Коркинском городском суде по уголовному делу по обвинению Я., М. и Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 216 УК РФ, потерпевшими были заявлены иски о возмещении вреда с ОАО «Челябинская угольная компания». Постановлением Коркинского городского суда от 1 декабря 2009 г. уголовное дело было прекращено в связи с примирением сторон, исковые требования были оставлены без рассмотрения. Прокурор г. Коркино обратился в суд в интересах потерпевших с иском к ОАО «Челябинская угольная компания» о взыскании компенсации морального вреда. Решением Коркинского городского суда от 5 февраля 2010 г. с предприятия в пользу потерпевших было взыскано 350 000 рублей в счет компенсации морального вреда⁴.

Законность владения вещью, конечно, имеет значение, однако споры о ней должны рассматриваться в порядке гражданского судопроизводства. Тем не менее очевидно, что незаконное приобретение имущества как результат преступных действий не образует никаких прав на него. В рамках производства по уголовному делу в первую очередь должно учитываться значение имущества для установления обстоятельств преступления и исполнения приговора, поэтому дознаватель, следователь обязаны обратиться в суд с ходатайством о наложении на это имущество ареста. Законодатель учитывает законность владения вещью обвиняемым (подозреваемым), однако незаконное использование ее либо личных средств также позволяет ограничивать право собственности путем наложения ареста на имущество (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). Таким образом, уголовно-процессуальный закон позволяет ограничивать имущественные права обвиняемого (подозреваемого) независимо от того, на законных основаниях он владеет вещью или нет. При этом должны соблюдаться два условия:

- 1) наличие достаточных данных о причастности лица к совершению преступления, в результате которого приобретена вещь (право собственности на нее) или денежные средства;
- 2) наличие достаточных данных об использовании вещи или денежных средств для совершения преступления.

Этими условиями охватывается перечень имущества, подлежащего конфискации согласно ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Думается, данный перечень является классификацией единого предмета применения процессуального режима ограничения имущественных прав в уголовном судопроизводстве. Его можно было бы обозначить общим понятием, объединяющим эти категории – имущество, прикосновенное к преступлению.

Необходимость доказывания причастности лица либо прикосновенности имущества к преступлению соответствует ч. 1 ст. 115 УПК РФ, в которой говорится о наложении ареста на имущество только по судебному решению. Очевидно, что следователь или дознаватель, обратившийся с ходатайством в суд, должен будет представить «достаточные основания полагать», что имущество получено преступным путем либо использовалось для совершения преступления (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). Рассматривая ходатайство в порядке, предусмотренном ст. 165 УПК РФ, судья неизбежно должен будет коснуться вопроса о совершении преступления обвиняемым (подозреваемым), чтобы принять решение об ограничении его права на имущество путем наложения ареста.

⁴ Обобщение практики рассмотрения судами Челябинской области гражданских исков по уголовным делам : утв. постановлением президиума Челябинского областного суда от 7 сентября 2011 г. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/8684799/> (дата обращения: 26.02.2017).

В соответствии с требованиями ч. 4 ст. 7 УПК РФ постановление о возбуждении ходатайства перед судом должно быть законным и обоснованным, а значит, следователь (дознатель) должен будет указать, на основании чего, каких фактов или документов имущество признается прикосновенным к преступлению. Кроме того, к такому ходатайству должны быть приложены процессуальные документы, подтверждающие статус подозреваемого или обвиняемого, а также постановление о возбуждении уголовного дела. Поскольку законодатель предусматривает возможность установления принадлежности имущества в ходе предварительного расследования, к ходатайству должны прилагаться и документы, содержащие эти сведения.

Если имущество было добыто преступным путем, в обвинительных документах обязательно будет раскрыта объективная сторона преступления, как и у кого имущество похищено либо другим незаконным способом изъято.

В случае использования имущества для совершения преступления, следователю надо будет предоставить дополнительно сведения о собственнике вещи, если он ими располагает. В том случае если собственник неизвестен, то имеет значение факт нахождения вещи, так как уголовно-процессуальный закон устанавливает: «арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц...» (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). Из этого положения можно сделать вывод, что для наложения ареста на имущество не обязательно или не строго обязательно знать, кому оно принадлежит. Очевидно, что ограничение права собственности продиктовано целями, которые Конституционный Суд РФ в постановлении от 21 октября 2014 г. № 25-П⁵ называет не иначе, как публично-правовыми:

- обеспечение возможной конфискации имущества;
- имущественных взысканий в виде процессуальных издержек;
- штрафа в качестве меры уголовного наказания;
- для сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу;
- для защиты субъективных гражданских прав лиц, потерпевших от преступления.

Приоритет этих задач подтверждается порядком рассмотрения ходатайства о наложении ареста на имущество – согласно ч. 3 ст. 165 УПК РФ в судебном заседании вправе участвовать прокурор, следователь и дознаватель.

Абсолютность указанного приоритета перед правами законного владельца подвергается Конституционным Судом РФ сомнению. Он соглашается с утверждением заявителей о том, что наложение ареста в порядке действующей ст. 115 УПК РФ несоразмерно ограничивает право собственности при наложении ареста на имущество лица, не являющегося подозреваемым, обвиняемым по уголовному делу или гражданским ответчиком.

В то же время, устанавливая категории имущества, подлежащего конфискации, законодатель вводит ограничительное правило: имущество, переданное другому лицу, подлежит конфискации только в том случае, если приобретатель знал или должен был знать, что оно получено преступным путем (ч. 3 ст. 104.1 УК РФ). В гражданском законодательстве факт знания о происхождении имущества вы-

⁵ По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена : постановление Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П // Рос. газета. 2014. 31 окт.

ступает признаком, по которому определяется добросовестность приобретателя. Согласно ст. 302 ГК РФ, а также в соответствии со сложившейся практикой, добросовестный приобретатель должен доказать в суде, что он не знал и не должен был знать о том, что продавец не имел права отчуждать вещь, а также принял все меры для выяснения правомочий продавца на отчуждение вещи⁶. Употребляя категории, не свойственные для уголовного и уголовно-процессуального судопроизводства, законодатель вторгается в сферу гражданского права, где сложилась определенная правовая практика, как и представление о праве собственности и о добросовестности владельца.

Думается, правильнее было бы, регламентируя конфискацию имущества или предварительный его арест, опираться на сложившиеся правовые категории с учетом принятых решений в порядке гражданского судопроизводства. Более удачной представляется формулировка ч. 9 ст. 115 УПК РФ: арест, наложенный на имущество, отменяется, если его принадлежность установлена в ходе предварительного расследования и отсутствуют сведения от заинтересованного лица, подтвержденные соответствующими документами, о наличии спора по поводу принадлежности этого имущества. Таким образом, решение об отмене ареста может быть принято только тогда, когда принадлежность имущества известна и не оспаривается, при условии, что принадлежит оно не обвиняемому (подозреваемому) и не лицам, несущим за его действия материальную ответственность. При применении ч. 3 ст. 104.1 УК РФ, ограничивающей конфискацию имущества, законодатель требует от заинтересованного лица доказать, что оно является добросовестным приобретателем в рамках уголовного судопроизводства. Это очевидно, поскольку законодатель не говорит о рассмотрении гражданско-правового, по сути, спора в порядке гражданского судопроизводства, а допускает доказывание самим лицом, знало ли оно, должно ли было оно знать о происхождении имущества.

Отсутствие спора о принадлежности имущества, добытого в результате преступных действий, если оно – собственность лица, не являющегося подозреваемым, обвиняемым или несущим материальную ответственность за их действия – так можно сформулировать основание для отмены ареста на это имущество или невозможности его конфискации. Это внесет ясность в вопрос о передаваемом имуществе, право собственности на которое либо законность владения которым будет определено в порядке гражданского судопроизводства. Очевидно, что добросовестность приобретения вещи ограничивает право государства на конфискацию имущества, а значит, частный интерес получает преимущество перед интересами общества (публичными интересами). В то же время это должно быть доказано в порядке гражданского судопроизводства и подтверждено соответствующим решением.

⁶ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 // Рос. газета. 2010. 21 мая

Уральский государственный юридический университет
Меженина Е. В., аспирант кафедры уголовного процесса

Ural State Law University
Mezhenina E. V., Post-graduate Student of the Criminal Process Department
E-mail: mandragorium@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ НУЛЛИФИЦИРУЮЩЕГО ВЕРДИКТА ПРИСЯЖНЫХ В УСИЛЕНИИ НРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Рассматривается феномен нуллифицирующего вердикта, история его становления и отношение к нему юридического сообщества. Приводится ряд предложений, направленных на повышение качества совещания присяжных, для того чтобы акты нуллификации представляли собой взвешенное решение, основанное на тщательном изучении доказательств и аргументов сторон.

К л ю ч е в ы е с л о в а: суд присяжных, вердикт, нуллификация, совещание присяжных.

THE VALUE OF THE NULLIFYING JURY VERDICT IN STRENGTHENING THE ETHIC ORIGINS OF CRIMINAL JUSTICE

The article considers the phenomenon of the nullifying verdict, the history of its formation and the attitude of the legal community towards it. Emphasizing the exceptional importance of nullification, the author presents a number of proposals aimed at improving the quality of the jury's deliberation in order to ensure that the acts of nullification constitute measured decisions based on a thorough study of the evidence and arguments of the parties.

К e y w o r d s: jury trial, verdict, nullification, jury's deliberation.

Поступила в редакцию 5 сентября 2017 г.

Соотношение нравственности и судебной деятельности волновало юридическое сообщество с давних времен. Нормы законодательства несут в себе историю общественного развития и отражают представления человечества о морали, нравственности, справедливости. При этом совокупность правовых норм реализуется в сложном механизме правоприменения, который изначально представляет собой сугубо формальную и упорядоченную деятельность. А. Ф. Кони в своих трудах указывал на необходимость обращения уголовно-процессуальной науки к нравственным началам, на развитие «*истинного и широкого человеколюбия на суде ... далекого от механической нивелировки отдельных индивидуальностей и от черствости приемов*»¹. Суд присяжных, по замечанию Н. Н. Розина, в отличие от коронного суда исходит не из неуклонного применения формальной правды, а вносит в дело момент нравственной чуткости, жизненной правды, утончая железные формулы закона².

Особое значение для усиления нравственного начала уголовного судопроизводства имеет *нуллифицирующий* вердикт присяжных заседателей. В зарубежной доктрине уголовного судопроизводства содержатся различные дефиниции понятия нуллификации: к ней относят как оправдательные вердикты, вынесенные при уверенности в юридической виновности подсудимого, так и в отдельных случаях

¹ Кони А. Ф. Собр. соч. : в 8 т. / под общ. ред. В. Г. Базанова, Л. Н. Смирнова, К. И. Чуковского. М., 1967. Т. 4. С. 34.

² См.: Розин Н. Н. О суде присяжных : публичная лекция, читанная 24 февраля 1901 г. в пользу зу пострадавших от неурожая Томской губернии // Известия Томск. ун-та. 1902. Кн. 19. С. 29.

© Стрелкова Ю. В., 2017

обвинительные вердикты, вызванные не убежденностью в виновности, а негативным отношением коллегии к подсудимому³. Однако наиболее распространенным является понимание нуллификации именно как оправдания вопреки доказательствам виновности, как акта милосердия со стороны присяжных.

Феномен нуллификации сложен для научного изучения и осмысления. Немотивированный характер вердикта не позволяет достоверно постигнуть причины, лежащие в его основе, и нередко эмоциональные попытки назвать неожиданный вердикт нуллифицирующим оказываются научно необоснованными. Полагаем, что попытка выдвигать суждения о логике коллегии присяжных носит сугубо субъективный и умозрительный характер, обесценивающий процесс совещания при вынесении вердикта. Тем не менее в отдельных случаях нуллификация может быть *объективно* выявлена исходя из содержания вердикта: положительно ответив на вопрос о причастности подсудимого к совершению умышленного преступления, присяжные отрицательно отвечают на вопрос о его виновности. Подобный вердикт имел место в известном деле Краскиной, который часто приводят в качестве примера нуллификации в современной России⁴. Демонстрируя желание проявить милосердие и не укладываясь в юридическую конструкцию виновности, подобные вердикты не могут признаваться противоречивыми и подлежащими отмене по этому обстоятельству. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 343 УПК РФ оправдательный вердикт считается принятым, если за отрицательный ответ на любой из поставленных в вопросном листе основных вопросов проголосовало не менее шести присяжных заседателей. Это положение обеспечивает возможность устойчивого существования в российской практике «явной», очевидной нуллификации, не скрытой за отрицательным ответом на вопрос о причастности подсудимого.

Несмотря на преимущественно лояльное отношение к нуллификации в современном мире, на более ранних этапах развития уголовного судопроизводства присяжные нередко подвергались наказаниям за оправдательные вердикты. Окончательно вопрос о легальности нуллифицирующего вердикта был разрешен в известном деле бывшего присяжного Э. Бушеля, вынесшего оправдательный вердикт по делу У. Пенна и У. Мида и подвергнутого за это наказанию⁵. Судья Воган, рассматривавший вопрос о правомерности наложения ответственности на Бушеля за существо вынесенного им вердикта, пришел к выводу о незаконности этой меры. С этого момента дискуссия о нуллификации перешла на новый уровень: не о ее наказуемости, а о ее желательности или нежелательности для уголовного судопроизводства, наличия у присяжных полномочий на постановку нуллифицирующего вердикта (при невозможности наложения санкции за него) и необходимости предотвращать ее через обращения к присяжным.

Примеры нуллифицирующих вердиктов неоднократно приводились и в дореволюционной юридической литературе⁶, нередко вызывая ожесточенную критику

³ См., например: *Norman J. Commonsense justice : jurors' notions of the law.* Harvard, 2001. P. 30–31.

⁴ См., например: *Пашин А. С.* Человек в российском правовом пространстве // Кто и куда собирается вести Россию / под ред. Т. И. Заславской. М., 2001. С. 166 ; *Насонов С. А., Ярош С. М.* Вердикт присяжных заседателей. М., 2003. С. 128–131.

⁵ См.: *Ostrowski J.* The rise and fall of jury nullification // *Journal of Libertarian Studies.* 2001. Vol. 15, № 2. P. 89–115.

⁶ См., например: *Закревский И. П.* О настоящем и будущем суда присяжных. Изд. 2-е. М., 2016. С. 101–105.

ученых. Данная критика проявлялась в двух *основных аргументах*: о невозможности оправдания виновного (а исключительно дальнейшего помилования при вынесении обвинительного вердикта)⁷ и о низком нравственном уровне развития коллегий, состоявших преимущественно из крестьян, моральные представления которых не соответствовали аналогичным представлениям образованного сословия⁸. Рассматривая первый из доводов, полагаем, что *нравственный посыл нуллификации* состоит не столько в избавлении подсудимого от наказания, сколько в *невозможности поставить совершенный поступок ему в вину*, провозгласить его виновным от имени общества.

Что же касается второго аргумента, с ним стоит согласиться в той части, что нуллификация отражает именно то понимание нравственности, которым обладает коллегия, вынесшая вердикт. При этом это понимание может быть разным для разных слоев населения, особенно в условиях выраженной общественной стратификации, а также отличаться в разные периоды. Но эти тезисы закономерно вызывают вопрос о том, какому именно моральному и нравственному содержанию должны отвечать судебные решения, есть ли универсально верное понимание справедливости, и кто им обладает? Представляется, что общественная потребность состоит в проведении именно той системы ценностей, которая разделяется социумом в конкретное время и которой руководствуются присяжные как его представители.

Феномен нуллификации подвергается тщательному изучению и в доктрине уголовного судопроизводства США. Ученые отмечают, что по отдельным категориям дел она проявляется систематически: как правило, это дела о семейном насилии, когда жена причиняет вред избивавшему ее мужу, либо дела о хранении наркотических веществ, в которых тяжелобольные люди употребляют их для снижения болевых приступов от онкологических или иных заболеваний⁹. Подобные оправдания могут означать сочувствие и одобрение поступка подсудимого, неодобрение закона, подлежащего применению, либо предусмотренного размера наказания. Очевидно, что массовое вынесение нуллифицирующих вердиктов по конкретной категории дел свидетельствует о несогласии общества с конструкцией правовой нормы, либо спецификой ее применения. Полагаем, что подобные сигналы имеют еще более важное значение, чем акт милосердия по отношению к судьбе одного человека: при их восприятии властью они способны привести законодательство в состояние, отвечающее представлениям населения о нравственности.

История развития присяжного судопроизводства демонстрирует ряд способов борьбы с нуллификацией, среди которых можно выделить архаичный (ответственность присяжных за существование вердикта), «мягкий» (убеждение присяжных о незаконности нуллификации в рамках напутствия) и наиболее радикальный метод введения мотивированного вердикта. Последний из них был воспринят законодательством Испании¹⁰, вызвав ряд существенных проблем, связанных с практиче-

⁷ См.: Бардэзский А. Э. Невменение : еще к вопросу об оправдательных приговорах присяжных заседателей. Изд. 2-е. М., 2016. С. 18.

⁸ См.: Закревский И. П. Указ. соч. С. 106–107.

⁹ См.: Conrad C. S. *Jury Nullification // The Evolution of a Doctrine*. Cato Institute Press. 2014. P. 143–145.

¹⁰ См.: Насонов С. А. Европейские модели производства в суде присяжных : суд присяжных в Испании (сравнительно-правовое исследование) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 154–160.

скими сложностями составления мотивировки¹¹, введения должности судебного клерка¹², ассистирующего присяжным, и противоречивой судебной практикой в определении стандарта мотивированности вердикта. Полагаем, что полное пренебрежение нуллификации, без разрушения концептуальных основ производства в суде присяжных, едва ли возможно.

Представляется, что возможность оправдания вопреки требованиям закона должна оставаться актом свободной воли коллегии и применяться осознанно, при полном понимании присяжными обстоятельств дела и учета всех значимых доказательств и аргументов сторон: только в этом случае нуллифицирующий вердикт будет в полной мере отвечать своему нравственному назначению. Для реализации этой цели оказывается применимым классический комплекс мер, предлагаемых для обеспечения оптимальных условий совещания коллегии при вынесении вердикта. К ним относится предоставление присяжным дополнительных материалов, которые могут использоваться во время обсуждения, и меры, направленные на создание определенного алгоритма совещания. Так, ряд зарубежных исследователей сходится во мнении, что передача в совещательную комнату краткого резюме состоявшегося процесса, приводящего основные аргументы сторон и перечень изученных доказательств, будет способствовать концентрации присяжных на доказательственной базе и рационализирует процесс обсуждения. Еще А. Ф. Кони отмечал в связи с этим, что возможность присяжных вернуться для возобновления судебного следствия порождает множество неудобств, в то время как передача им материалов (им предлагалась передача письменных и вещественных доказательств) будет способствовать удобству совещания¹³. Полагаем, что передача материалов дела является дискуссионным способом, так как он может побудить коллегия к анализу допустимости материалов, а также снизить активность сторон в устном представлении доказательств. Напротив, передача краткого резюме процесса (как отдельного документа либо в составе текста напутственного слова) позволит избежать этих проблем. В современной зарубежной литературе высказывается также идея введения полной видеозаписи процесса¹⁴, для того чтобы присяжные могли по своему желанию заново просмотреть фрагменты допросов свидетелей либо иные моменты процесса доказывания.

Представляется также, что присяжным должна быть предоставлена в рамках процесса и та информация, которая может свидетельствовать о наличии особых обстоятельств, являющихся основанием для проявления милосердия. В связи с этим ошибочным решением видится запрет на изучение информации, характеризующей подсудимого. По меткому высказыванию американского судьи Т. Вайсмана ограничение присяжных в доступе к информации, которая может привести к нуллификации, «обнажает страх, что присяжные могут исполнить их первоочередное назначение, страх, что общество может в действительности считать закон несправедливым»¹⁵. Освещение информации о личности подсу-

¹¹ См.: Jimeno-Bulnes M. Jury Selection and Jury Trial in Spain: Between Theory and Practice, 86 Chi.-Kent. L. Rev. 585, 601. 2011.

¹² См.: Jimeno-Bulnes M., Hans V. P. Legal Interpreter for the jury : the role of the clerk of the court in Spain // Oñati Socio-legal Series [on-line]. 2016. Vol. 6 (2). P. 197–215.

¹³ См.: Кони А. Ф. Указ. соч. С. 270–271.

¹⁴ См.: Erastus-Obilo B. Reason curve, jury competence and the English criminal justice system. The case for a 21-st century approach. Universal-Publishers. 2009. P. 211–214.

¹⁵ Цит. по: Conrad C. S. Op. cit. P. 146.

димого также является логичным с учетом разрешения присяжными вопроса о снисхождении.

Полагаем, что предложенное нами расширение информации, доступной присяжным, и способы акцентирования внимания коллегии на доказательствах и доводах сторон позволят обеспечить истинное назначение квалификации как тщательного и взвешенного решения, вынесенного ради соблюдения справедливости при полном понимании всех обстоятельств дела.

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

Стрелкова Ю. В., аспирант кафедры уголовно-процессуального права

Moscow State Kutafin Law University (MSLA)

Strelkova Yu. V., Post-graduate Student of the Criminal
Procedural Law Department

E-mail: juliastrelkova5@gmail.com

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА

УДК 343

М. О. Баев, О. Ю. Цурлуй

ПРОБЛЕМА НАЛОЖЕНИЯ ДЕНЕЖНОГО ВЗЫСКАНИЯ НА АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА: ПРОЦЕССУАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ

Рассматриваются процессуально-нравственные основы применения денежного взыскания в качестве меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве в отношении адвоката-защитника. Обосновывается позиция о необходимости четкой законодательной регламентации перечня участников уголовного процесса, в отношении которых может применяться денежное взыскание в качестве уголовно-процессуальной меры принуждения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мера процессуального принуждения, адвокат-защитник, процессуальные обязанности.

THE PROBLEM OF FINE APPLICATION AGAINST THE DEFENSE-LAWYER: PROCEDURAL AND MORAL ASPECTS

The article deals with procedural and moral aspects of fine application as a coercive procedural measure in criminal proceeding against the defense-lawyer. The authors substantiate the position on the need for a clear legislative regulation of the participants list of the criminal process, for which there may be applied a fine as the criminal procedure measures of coercion.

К e y w o r d s: procedural measure, defense-lawyer, procedural responsibilities.

Поступила в редакцию 13 сентября 2017 г.

В свете провозглашенных Конституцией РФ состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве, современная следственная и судебная практика наглядно демонстрируют явное противодействие осуществлению стороной защиты своих законных полномочий со стороны не только органов предварительного следствия, но нередко и суда. Наглядным примером подобного противодействия, в частности, является направление следственными органами в суды протоколов о ненадлежащем исполнении адвокатом-защитником процессуальных обязанностей в целях применения к последним меры процессуального принуждения в виде денежного взыскания.

Безусловно, указанные действия следователя в отношении самостоятельного равноправного профессионального участника уголовного судопроизводства являются не только незаконными, но и неэтичными и, в определенной степени, безнравственными.

Обращаясь к освещению обозначенной проблемы, отметим, что неопределенность формулировки в ст. 117 УПК РФ о том, к кому мера такого рода может быть применена, вполне возможна постановка вопроса о допустимости нало-

жения денежного взыскания на любого участника уголовного судопроизводства, ибо у каждого из них имеются какие-либо процессуальные права и обязанности и каждый из них вполне может быть признан их нарушителем, т. е. допускается применение данной меры принуждения в отношении адвоката-защитника или прокурора – государственного обвинителя¹.

Данная проблема отнюдь не риторическая, что подтверждается адвокатской практикой.

Следователем СУ СК России по Тамбовской области Р-вым составлен протокол о нарушении участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей с указанием не соответствующих действительности фактов о якобы ненадлежащем исполнении адвокатом – защитником гражданки К-ой, обвиняемой органами предварительного следствия в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 4 ст. 290, ч. 1 ст. 290, ч. 2 ст. 290, ч. 6 ст. 290 УК РФ (всего три эпизода), своих процессуальных обязанностей, недобросовестном отношении адвоката к обязанностям по оказанию юридической помощи своей подзащитной и нарушении прав доверительницы, выражающихся в якобы невыполнении положений ст. 217 УПК РФ.

Постановлением Ленинского районного суда г. Тамбова отказано следователю Р-ву в применении к адвокату – защитнику гражданки К-ой мер процессуального принуждения в виде наложения денежного взыскания. Свое решение суд мотивировал следующими доводами.

Адвокат обладает особым статусом, с момента принятия на себя защиты адвокат несет обязанности перед своим доверителем, поскольку приглашается или назначается для оказания юридической помощи именно ему, а не органу предварительного следствия. Вести речь о ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей в силу Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» можно только при наличии претензий со стороны доверителя, но не следствия. Однако К-ва претензий к своему защитнику не предъявляла и, более того, полностью солидарна с его действиями по оказанию ей юридической помощи. Адвокат о своем выходе из процесса не заявлял, соответственно от принятой на себя защиты К-ой не отказывался.

Отсутствие в ст. 53 УПК РФ установленных законом обязанностей защитника означает невозможность применения каких-либо процессуальных санкций. Кроме того, в ч. 2 ст. 111 УПК РФ приведен исчерпывающий перечень участников уголовного судопроизводства, в отношении которых могут быть применены меры процессуального принуждения, защитник в их число законодателем не включен, в связи с этим к нему неприменимы меры процессуального принуждения².

Действия следователя, явно направленные на противодействие осуществлению стороной защиты выбранной и согласованной с доверителем, соответствующей критерию допустимости, тактики защиты, не устраивающей сторону обвинения, целью которых являлась попытка оказать давление на защитника и обвиняемую для понуждения совершения ими действий, выгодных следствию, не нашли поддержки со стороны суда. Подобное судебное решение является исключительно положительным, свидетельствует об объективном, беспристрастном подходе суда к рассмотрению данного вопроса.

Аналогичная позиция изложена Г. М. Резником, который совершенно справедливо указывает, что «процессуальные обязанности, за неисполнение которых может налагаться денежное взыскание, должны быть прямо предусмотрены в

¹ См.: Уголовный процесс : учеб. для студ. юрид. вузов и фак. / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2005. С. 152.

² Архив Ленинского районного суда г. Тамбова. Дело № 8/1-1/17.

Уголовно-процессуальном кодексе. Следствие и суд, стремясь применить к адвокату-защитнику денежное взыскание, столкнулись с проблемой отсутствия конкретных обязанностей для адвоката-защитника в нормах УПК РФ. Поэтому следователь в протоколе и суд в постановлении квалифицировали нежелание одного адвоката участвовать «здесь и сейчас» во внезапном предъявлении обвинения и выпадение из графика ознакомления с делом другого по п. 7 ст. 49 УПК РФ – как отказ от принятой на себя защиты обвиняемого, хотя сами подзащитные к адвокатам претензий не предъявляли и даже были с ними полностью солидарны, а адвокаты не заявляли о своем выходе из процесса». Ни следствие, ни суд не вправе в процессуальных документах фиксировать неисполнение (ненадлежащее исполнение) адвокатом своих обязанностей перед подзащитным, если только адвокат участвует в судопроизводстве и не отказывается от защиты, по собственной инициативе выходя из дела³.

Вместе с тем, несмотря на неоднократные однозначные разъяснения Верховного Суда РФ по данному вопросу, выражающиеся в утверждении о системной взаимосвязи ст. 117 УПК РФ со ст. 111 УПК РФ⁴, полярные приведенному выше судебные решения нередки.

В частности, судебные постановления о применении в отношении адвоката-защитника меры процессуального принуждения в виде денежного взыскания районные суды г. Белгорода выносили неоднократно по результатам рассмотрения протоколов органов предварительного следствия о нарушении защитником-адвокатом своих процессуальных обязанностей, выразившихся в каждом из исследованных случаях в отказе от подписания протоколов следственных и процессуальных действий. Однако все без исключения решения были отменены Судебной коллегией по уголовным делам Белгородского областного суда с формулировкой незаконности принятых судами первой инстанции решений, ввиду отсутствия защитника в числе участников уголовного судопроизводства, в отношении которых может быть применена мера процессуального принуждения в виде денежного взыскания⁵.

Неоднозначность формулировок уголовно-процессуальных норм, регулирующих порядок применения меры процессуального принуждения в виде денежного взыскания, порождает подобную негативную практику, нивелирующую предусмотренный ст. 15 УПК РФ принцип состязательности, в частности равноправия профессиональных участников стороны защиты и обвинения перед судом.

В специальной литературе встречаются утверждения о возможности применения денежного взыскания в отношении защитника, обосновываемые расширительным толкованием нормы ст. 117 УПК РФ, а также содержанием ч. 2 ст. 1 УПК РФ, позволяющими применение мер процессуального принуждения к любому участнику уголовного судопроизводства за неисполнение им процессуальных обязанностей и несоблюдение процессуального порядка⁶.

³ См.: Резник Г. Почему на адвоката-защитника нельзя налагать денежное взыскание? // Рос. юстиция. 2003. № 8.

⁴ Определение ВС РФ № 15-002-29 по делу Вахтерова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 3 ; Обзор судебной практики Верховного Суда за I квартал 2005 г.

⁵ См.: Анисимов С. Не взыщите с адвоката // Новая адвокатская газета. 2014. № 18. С. 3 ; Архив Белгородского областного суда : дело № 4У-567/2014 [44У-66/2014] ; дело № 22К-1094/2014 ; дело № 22К-1705/2014 ; дело № 22К-1746/2014.

⁶ См.: Варпаховская Е. Денежное взыскание в уголовном судопроизводстве // Законность. 2003. № 8. С. 33.

Практиками, в частности судьями, высказываются на страницах специальной литературы и более жесткие мнения по данному вопросу, не только о возможности, но и необходимости применения в отношении адвоката-защитника мер процессуального принуждения. Так, С. Погодин считает необходимым в ст. 111 и 258 УПК РФ предусмотреть возможность наложения денежного взыскания на адвокатов и прокуроров, участвующих в судебном заседании, в случае нарушения ими порядка судебного разбирательства, что позволит обеспечить подлинную состязательность уголовного процесса, доверив судье как беспристрастному арбитру в споре двух состязающихся сторон применение мер процессуального принуждения в отношении участников процесса, нарушающих порядок уголовного судопроизводства. Ведь данные меры применяются судом именно для обеспечения этого процесса, а не в угоду каким-то личным интересам⁷.

Высказывается мнение о возможности наложения штрафа на адвоката – представителя потерпевшего, представителя гражданского истца, ответчика⁸. Обосновывается данный подход анализом автором суждения норм уголовно-процессуального закона, позволившим констатировать, что формализация уголовно-процессуальных норм не означает, что отсутствие какого-либо предписания свидетельствует исключительно лишь о запрете на осуществление не указанных в УПК РФ действий. К тому же уголовный процесс в отличие от уголовного права допускает аналогию и признает своим источником не только нормы УПК РФ. Это дает основание для вывода, что коль скоро к потерпевшему (и это при том, что он является нормативно определенной стороной обвинения в уголовном процессе) допускается применение денежного взыскания, то оно тем более может быть применено и к его представителю, которым вправе быть любое лицо, в том числе представитель адвокатской профессии.

Обоснованность сделанного заключения подкрепляется приведением содержания ст. 117 УПК РФ, предусматривающей наложение денежного взыскания на участников уголовного судопроизводства, п. 58 ст. 5 УПК РФ нормативно определяющего понятие участников уголовного судопроизводства как лиц, принимающих участие в уголовном процессе, глав 6, 7 УПК РФ, относящих к числу таковых подсудимого, его законного представителя, защитника, гражданского ответчика, его представителя и законного представителя, прокурора и выступающих со стороны обвинения частного обвинителя, потерпевшего, гражданского истца, их представителей и законных представителей. Из приведенного анализа процессуальных норм напрашивается вывод о том, что действующее законодательство не содержит прямого запрета на применение денежного взыскания к любому из участников уголовного судопроизводства при наличии указанных в ст. 117 УПК РФ оснований⁹.

Категорически не поддерживая изложенную позицию как с процессуальной, так и с нравственно-этической точки зрения обоснуем свое суждение по рассматриваемой проблеме.

Напомним, что согласно ч. 2 ст. 111 УПК РФ в случаях, предусмотренных УПК РФ, дознаватель, следователь или суд вправе применить к потерпевшему,

⁷ См.: Погодин С. Обеспечение порядка в судебном заседании в условиях состязательного уголовного процесса // Рос. юстиция. 2004. № 6.

⁸ См.: Толкаченко А. А. К вопросу о возможности наложения денежного взыскания на адвоката – представителя потерпевшего за нарушение порядка в судебном заседании // Вестник МОВС. 2007. № 2/4.

⁹ См.: Там же.

свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому следующие меры процессуального принуждения:

- 1) обязательство о явке;
- 2) привод;
- 3) денежное взыскание.

Данная норма содержит исчерпывающий перечень участников, в отношении которых мера процессуального принуждения может быть применена. Однако данная норма является общей по отношению к ст. 117 УПК РФ, регулирующей непосредственно процедуру наложения денежного взыскания. В соответствии с диспозицией ст. 117 УПК РФ, положения которой подлежат применению как частной нормы по отношению к ст. 111 УПК РФ, в случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК РФ, а также нарушения ими порядка в судебном заседании на них может быть наложено денежное взыскание в размере до двух тысяч пятисот рублей в порядке, установленном ст. 118 УПК РФ. Следовательно, перечень участников, на которых может быть наложено денежное взыскание за неисполнение процессуальных обязанностей, в норме частного характера не является исчерпывающим и ничем не ограничен.

Вместе с тем положения ст. 258 УПК РФ безальтернативно исключают защитника из перечня участников уголовного судопроизводства, на которых может налагаться денежное взыскание за нарушение порядка в судебном заседании, что не допускает расширительного толкования данной законодательной нормы.

Денежное взыскание – это карательная мера процессуального принуждения, представляющая собой процессуальную санкцию за совершение уголовно-процессуального правонарушения. Уплата или принудительное взыскание денежных сумм является уголовно-процессуальной ответственностью.

Специальным условием наложения денежного взыскания является определенный статус участника процесса. Нормы ст. 117 УПК РФ, не устанавливающие перечень участников процесса, которые могут быть подвергнуты денежному взысканию, приводят, повторимся, к правоприменительной практике наложения денежного взыскания на любых участников уголовного судопроизводства.

Всецело поддержим высказанное по этому поводу мнение Г. М. Резника: «Если правовая норма дает широкий простор для толкования, значит, она сформулирована неряшливо. Необходим оперативный «ремонт» норм УПК, регламентирующих наложение денежного взыскания. Разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ ограничиться вряд ли удастся»¹⁰.

Разъяснения Верховного Суда РФ с учетом их весомости – тем не менее не закон. В связи с этим во избежание дальнейших случаев злоупотребления стороной обвинения предоставленными полномочиями и соблюдения принципа состязательности положения ст. 117 УПК РФ, на наш взгляд, нуждаются в изменении. В отсутствие же, как справедливо отмечается коллегами, удовлетворительного для всех сторон уголовно-процессуального разрешения указанной проблемы судебная практика вынуждена осуществлять поиск ответов на возникающие вопросы, придерживаясь в своих позициях известного принципа «не навредить». Однако любое толкование все же не заменяет строгой императивности закона и, как видно из проведенного анализа, бывает не свободным от логических и иных погрешностей¹¹.

¹⁰ Резник Г. Указ. соч. С. 14.

¹¹ См.: Толкаченко А. А. Указ. соч.

В связи с изложенным предлагаем следующую редакцию ст. 117 УПК РФ:
«Статья 117. Денежное взыскание

В случаях неисполнения потерпевшим, свидетелем, гражданским истцом, гражданским ответчиком, экспертом, специалистом, переводчиком и (или) понятым процессуальных обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом, а также нарушения ими порядка в судебном заседании на них может быть наложено денежное взыскание в размере до двух тысяч пятисот рублей в порядке, установленном статьей 118 настоящего Кодекса».

Воронежский государственный университет
Баев М. О., доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой криминалистики

*Центральный филиал Российского государственного
университета правосудия (г. Воронеж)*
Цурлуй О. Ю., кандидат юридических наук,
доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики

Voronezh State University
Baev M. O., Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Criminalistics Department
E-mail: baev_co@mail.ru

Central Branch of Russian State University of Justice (Voronezh)
Tsurluy O. Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Forensic Expertise and Criminalistics Department
E-mail: kijalis@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В МЕСТАХ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ

Рассмотрены вопросы профессиональной деятельности адвоката-защитника в местах содержания под стражей и судебная практика реализации права доверителя на получение квалифицированной юридической помощи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: адвокатура, уголовное судопроизводство, квалифицированная юридическая помощь, адвокат-защитник.

REALIZATION OF THE PROFESSIONAL RIGHTS OF A LAWYER IN PLACES OF DETENTION OF SUSPECTS AND ACCUSED

In the article considers the questions of professional activity of defense attorney in places of detention and judicial practice of realization of the client's right to receive qualified legal assistance.

К e y w o r d s: advocacy, criminal justice, qualified legal aid, defense lawyer.

Поступила в редакцию 13 сентября 2017 г.

Заключение под стражу лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством и охватывает ситуации, в которых закон предполагает по общему правилу наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет. Помимо этого, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суд учитывает такие обстоятельства, как возможность и намерение лица скрыться от следственных органов, нарушение ранее примененной меры пресечения и другие факты, подтверждающие противодействие следствию подозреваемого или обвиняемого.

Право адвоката посещать своего доверителя в местах содержания под стражей содержится в полномочиях адвоката, закрепленных в законодательстве об адвокатуре и уголовно-процессуальном законодательстве, таким образом, цели и задачи встреч с доверителем обусловлены уголовно-процессуальной функцией и включают обсуждение правовой позиции по делу, разъяснение сущности правовых понятий, консультации по правовым вопросам и т. д. Адвокат как представитель стороны защиты обязан разделять правовую позицию своего доверителя, но при этом не должен вступать в противоречия с законом, соблюдая требование ч. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката: «Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя». Практика свидетельствует, что подавляющая часть адвокатов соблюдает требования об оказании юридической помощи в местах содержания под стражей, но бывают случаи, когда адвокаты совершают деяния, прямо запрещенные законом и нормами, регулируемыми правоотношения в следственных изоляторах и изоляторах временного содержания. Чаще всего адвокаты проносят для своих доверителей на территорию следственных изоляторов средства связи – мобильные телефоны, сим-карты, сильнодействующие вещества, не являющиеся наркотическими или психотропными препаратами, и наркотики,

поясняя при этом, что не имели умысла на совершение противоправных деяний, а пытались передать лекарства своим подзащитным и действовали по просьбе родственников, желающих поддержать своих близких (см.: Определение Московского городского суда от 23 марта 2011 г. по делу № 22-3480 ; постановление Московского городского суда от 19 ноября 2013 г. № 4у/4-7874/13). Так, адвокат К. был привлечен к административной ответственности, совершив правонарушение в следственном изоляторе. Прибыв в следственный изолятор «с целью проведения рабочей встречи ... для консультации и оказания юридической помощи», проходя контрольно-пропускной пункт № 2, не сдал сим-карту оператора сотовой связи МТС, которая находилась у него в портмоне. Доводы адвоката о том, что сим-карта заблокирована, является недействующей и не представляет угрозы режимному учреждению, судом во внимание не были приняты (см.: Решение Оренбургского областного суда от 24 апреля 2015 г. № 12-66/2015).

В некоторых случаях при реализации профессиональных прав, связанных с посещением следственных изоляторов, адвокаты совершают уголовно наказуемые деяния. При личном досмотре адвоката П. в кармане его брюк были обнаружены кокаин массой 1,05 г; героин массой 5,13 г и метадон массой 4,03 г, расфасованные в десять свертков, два из которых были упакованы в фрагмент корпуса шприца, запаянного с обеих сторон (см.: Апелляционное определение Московского городского суда от 3 октября 2013 г. по делу № 10-8873). Адвокат В. занимался сбытом наркотических средств в следственном изоляторе, у него были изъяты два свертка с героином массой 2,26 г и метадон массой 1,84 г (см.: Постановление Московского городского суда от 25 декабря 2014 г. № 4у/6-6047).

Помимо очевидных противоправных действий адвокатов, в судебной практике имеются случаи осуществления адвокатами своих полномочий, встречающие незаконное противодействие сотрудников следственных изоляторов и изоляторов временного содержания и влекущие обжалование этих действий. Адвокат К. обратился в суд с заявлением о признании незаконными действий сотрудников одного из следственных изоляторов г. Москвы. Нарушения состояли в прочтении его адвокатского досье и изъятии документов, являющихся его частью. Были принудительно изъяты: заявление в Преображенский районный суд г. Москвы об оспаривании действий начальника ФКУ СИЗО-1 УФСИН России, заявление в судебную коллегия по гражданским делам Московского городского суда. Копия акта о досмотре адвокату не была вручена, несмотря на его просьбу, зафиксированную в тексте протокола. Суд признал действия администрации следственного изолятора законными и обоснованными (см.: Апелляционное определение Московского городского суда от 10 февраля 2014 г. по делу № 33-6774). В другом случае, рассматривая действия сотрудников следственного изолятора, которые пресекли передачу адвокатом документа обвиняемому для получения подписи, в определении Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2010 г. № 1248-О-О суд усмотрел неопределенность в вопросе соответствия Конституции РФ положения ч. 3 ст. 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». В дальнейшем рассмотрение проблемы соотношения адвокатской тайны и цензуры переписки получило развитие в постановлении Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2010 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами граждан Д. Р. Барановского, Ю. Н. Волохонского и И. В. Плотникова».

Конституционный Суд рассмотрел положения ст. 20–21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», которые определяют порядок цензуры переписки подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей со своими адвокатами-защитниками. Международно-правовые нормы (ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), положения, закрепленные в ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ, обеспечивают конфиденциальность сведений, сообщаемых адвокату его доверителем. Закон запрещает произвольное вмешательство государства в частную жизнь граждан и обязывает государство обеспечить такие условия получения квалифицированной юридической помощи, при которых доверитель может сообщить адвокату сведения, которые он скрывает, например от следствия, будучи уверенным в том, что адвокат сохранит полученную информацию в тайне. В своих решениях Конституционный Суд РФ неоднократно обращал на это внимание в постановлении от 28 января 1997 г. № 2-П, определениях от 6 июля 2000 г. № 128-О, от 8 ноября 2005 г. № 439-О и от 29 мая 2007 г. № 516-О-О.

Международные стандарты, определяющие взаимодействие подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, с адвокатами, закрепленные в Кодексе поведения для юристов в Европейском сообществе, принятом в 1988 г., Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, также 1988 г., нашли свое отражение в уголовно-процессуальном законодательстве и законодательстве об адвокатуре. Подозреваемым и обвиняемым предоставляется необходимое время и обеспечиваются условия для получения консультаций у своего адвоката. Положения п. 3 ч. 4 ст. 46 и п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, закрепляющие права подозреваемых и обвиняемых корреспондируют с п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, содержащим соответствующие права защитника. Специальный закон, регулирующий адвокатскую деятельность, содержит нормы, обеспечивающие право адвоката встречаться со своим доверителем в условиях конфиденциальности и оказывать ему юридическую помощь в учреждениях, в которых содержится под стражей подозреваемый или обвиняемый (п. 5 ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Конфиденциальность информации обеспечивают условия проведения свидания в следственном изоляторе, согласно которым сотрудники федеральной службы исполнения наказания могут наблюдать за происходящим в отведенном для свидания кабинете, но не должны слышать, о чем говорит адвокат с доверителем. Открытые при этом двери, как и видеонаблюдение, обеспечивают условия безопасности для всех лиц, посещающих следственный изолятор.

Условия проведения свиданий адвокатов с подзащитными, по мнению Конституционного Суда РФ, отвечают конституционным требованиям о получении квалифицированной юридической помощи и права на защиту. Системная связь положений ч. 1 ст. 24 и ч. 1 ст. 51 Конституции РФ позволяет реализовать право граждан распоряжаться информацией конфиденциального характера, действуя своей волей и в своем интересе, т. е. не свидетельствовать против себя самого, что в условиях содержания под стражей может иметь принципиальное значение при проведении расследования.

Контроль со стороны сотрудников учреждений, в которых содержатся подозреваемые и обвиняемые, за их перепиской с защитником Конституционный Суд

РФ в постановлении от 29 ноября 2010 г. № 20-П объясняет необходимостью обеспечения баланса конституционно значимых ценностей, подразумевая под этим «недопущение преступной деятельности подозреваемого или обвиняемого, его угроз свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств либо воспрепятствование иным путем производству по уголовному делу».

Полагаем, что исключительные случаи, на которые может сослаться администрация следственного изолятора или изолятора временного содержания, которые должны стать основанием для цензуры переписки с адвокатом, возникают в каждом уголовном деле, если адвокат активно защищает интересы доверителя, что в условиях состязательного процесса трактуется как противодействие и злоупотребление правом на защиту. Учитывая основополагающий принцип уголовного судопроизводства – принцип состязательности сторон, признаки противодействия можно обнаружить довольно часто, поскольку, по меткому замечанию Р. С. Белкина, конфликт правонарушителя с законом нередко порождает конфликт со следователем¹.

Кроме того, противодействие следствию может осуществляться не только посредством переписки, значит, необходим тотальный контроль за действиями стороны защиты, что в условиях правового государства представляется абсурдным. Следует признать, что «целевое назначение» цензуры переписки адвокатов с подозреваемыми и обвиняемыми на практике нередко приобретает произвольный, повальный характер. Упоминание в постановлении Конституционного Суда от 29 ноября 2010 г. № 20-П возможности злоупотребления адвокатом «своей привилегией на адвокатскую тайну», которая может поставить под угрозу безопасность учреждения, в котором содержится подозреваемый (обвиняемый) или создает условия для совершения каких-либо противоправных действий, позволяет администрации учреждения превышать свои полномочия либо не выполнять их в полном объеме. Решение об осуществлении цензуры не всегда достаточно мотивировано, письменная фиксация процедуры и результатов действий не всегда осуществляется в полном объеме.

Следует иметь в виду, что для заключенных возможность отправлять и получать корреспонденцию нередко может быть единственным способом взаимодействия с внешним миром, вне зависимости от социального и профессионального статуса респондента (см.: Постановление Европейского суда от 25 марта 1992 г. по делу «Кемпбелл против Соединенного Королевства»). Оценивая пропорциональность вмешательства сотрудников ФСИН, обязательным обстоятельством следует считать необходимость конфиденциальности переписки заключенного с адвокатом, особенно, когда это касается условий содержания, жалоб на администрацию и сотрудников учреждения (см.: Постановление Европейского суда от 12 февраля 2013 г. по делу «Ефименко против Российской Федерации»). Конфиденциальность вербальной коммуникации имеет принципиальное значение в тех случаях, когда адвокат обсуждает с доверителем (подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления) особенности тактики и стратегии стороны защиты, составляющие предмет адвокатской тайны.

Переписка с адвокатами признается привилегированной, что обусловлено нормами ст. 8 Конвенции. Каждый человек имеет право на уважение к его личной переписке, в том числе со стороны властей. Цензура корреспонденции

¹ См.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики : в 3 т. М., 1979. Т. 3. С. 80.

в демократическом правовом государстве не допустима, за исключением случаев, предусмотренных законом. Основанием такого вмешательства может быть обеспечение национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны. Допустимо вмешательство в переписку как мера, направленная на предотвращение преступлений, в том числе против жизни, здоровья и нравственности, таким способом осуществляется защита интересов общества, государства и отдельных граждан. Это случаи исключительные, адвокаты, являясь представителями интересов доверителей по самым разным делам, с точки зрения здравого смысла не могут быть источником возникновения перечисленных угроз. Постоянный контроль не соответствует принципам конфиденциальности отношений адвоката и доверителя, противоречит закрепленным в законодательстве нормам адвокатской тайны. В правоприменительной практике большинства учреждений содержания под стражей перлюстрация действительно является исключительным средством. В тех случаях, когда вмешательство со стороны администрации учреждения мотивировано разумным основанием полагать, что запечатанная корреспонденция может содержать незаконное вложение, которое невозможно обнаружить обычными средствами, сотрудники учреждения могут вскрыть конверт, но его прочтение следует расценивать как недопустимое вмешательство в переписку с адвокатом. Гарантией сохранения конфиденциальности может быть вскрытие письма в присутствии заключенного. Обоснованным с точки зрения международных стандартов и принципов национального законодательства можно считать вмешательство в тех случаях, когда адвокат и доверитель злоупотребляют привилегированным каналом коммуникации в целях причинения ущерба самому учреждению, его сотрудникам, лицам, содержащимся в нем и в других, имеющих преступный умысел случаях (см.: Постановление Европейского суда от 22 мая 2008 г. «Петров против Болгарии» и постановление Европейского суда от 28 октября 2010 г. по делу «Попов против Российской Федерации»).

Как следует из материалов судебной практики, основаниями для проведения досмотров в некоторых случаях послужила оперативная информация о готовящемся противоправном действии, но чаще всего проведение тотального контроля в отношении адвокатов в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых обосновано. Президент АП Белгородской области Е. И. Ионина в июле 2016 г. сообщила, что в одном из следственных изоляторов г. Белгорода осуществлялся личный досмотр всех без исключения адвокатов на предмет обнаружения попытки проноса запрещенных предметов. С этой целью была оборудована специальная досмотровая комната, оснащенная видеокамерой². Возможность защитить свои профессиональные права была затруднена нарушениями со стороны сотрудников следственных изоляторов, не оформлявших свои действия надлежащим образом, препятствуя тем самым обжалованию незаконных действий в соответствии с Кодексом административного судопроизводства.

В связи с этим ФПА РФ направила обращение в Минюст. В ответе заместителя министра было указано, что действующее законодательство не содержит норм, предоставляющих возможность администрации следственного изолятора проводить досмотр всех без исключения адвокатов. В сентябре 2016 г. по инициативе ФПА РФ состоялась встреча руководства федеральной палаты адвокатов с руководителями ФСИН по проблемам, связанным с профессиональной деятельностью

² См.: Ионина Е. И. Правовой беспредел // Новая адвокатская газета. 2016. № 18. С. 7.

адвокатов в местах содержания под стражей и местах лишения свободы. Однако и после этого нарушения закона не прекратились.

Проблема реализации профессиональных прав адвоката во взаимодействии с сотрудниками ФСИН не ограничивается только незаконными досмотрами. Адвокаты обращаются с административными исками по защите своих прав и прав доверителей, содержащихся в колонии. В 2016 г. адвокат АП Ставропольского края О. Садчикова, консультируя своего доверителя, помещенного в исправительную колонию № 11 г. Ставрополя, была вынуждена передавать документы через сотрудника колонии. Режим конфиденциальности был нарушен и условиями проведения консультации: установленная по всей высоте помещения разделительная пластиковая перегородка вынуждала разговаривать очень громко, что создавало угрозу прослушивания со стороны сотрудников колонии. В январе 2017 г. Ставропольский краевой суд удовлетворил иск адвоката, признав незаконными действия начальника колонии, не обеспечившего помещение для конфиденциальных встреч адвокатов с доверителями.

По поводу защиты своих профессиональных прав адвокатам нередко приходится обращаться в Конституционный Суд РФ. Так, адвокаты Г. А. Алиев и С. В. Бадамшин, подав административное исковое заявление, пытались оспорить в районном суде действия сотрудников следственного изолятора, не допустивших проведение консультации с доверительницей А. П. Ивановой на основании «отсутствия уведомления следователя о допуске данных лиц в качестве защитников А. П. Ивановой». Получив отказ, адвокаты обратились в Конституционный Суд РФ, который в своем определении от 25 октября 2016 г. № 2358-О подтвердил незаконность действий администрации следственного изолятора и еще раз указал на то, что «вступление адвоката в уголовное дело в качестве защитника влечет возникновение корреспондирующей обязанности следователя обеспечить реализацию права на свидания с доверителем, выполнение которой не ставится в зависимость от каких-либо дополнительных условий», в том числе предъявление следователю или администрации места содержания под стражей документов, не предусмотренных законом.

ФПА РФ не прекращает активных действий по защите профессиональных прав адвокатов, связанных с оказанием юридической помощи доверителям в местах содержания под стражей. В августе 2017 г. ФПА РФ получила ответ на свое обращение от замминистра юстиции, в котором содержится позиция, выработанная на межведомственном совещании МВД, ФСБ, ФСИН и СКР, согласно которой защитникам (т. е. вступившим в уголовное дело адвокатам, в понимании участников совещания) свидания предоставляются в соответствии со ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Если адвокат не вступил в уголовное дело, он, по мнению министра, статусом защитника не обладает, даже если предъявляет удостоверение и ордер на участие в деле, приравнивается по своему правовому положению к «иным лицам», указанным в абз. 3 ст. 18 и должен получить письменное разрешение лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело. По мнению вице-президента ФПА РФ Г. Резника, такое понимание искажает закон, поскольку вступление в дело не во всех случаях совпадает с предъявлением ордера следователю³. Более того, такая позиция минюста и силовых ведомств возвращает правоотношения адвоката со следователем и сотрудниками следственных изоля-

³ См.: Минюст России – о допуске в СИЗО // Новая адвокатская газета. 2017. № 16. С. 2.

торов и изоляторов временного содержания на прежний уровень «допусков», позволяет говорить о неполной реализации одного из важнейших принципов уголовного судопроизводства – принципа состязательности сторон, что затрудняет реализацию профессиональных прав адвоката в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых.

Интеграция норм правового института адвокатской тайны в уголовно-процессуальное законодательство, усовершенствование языка ведомственных подзаконных актов, ликвидация неясностей и двусмысленностей, порождающих вариативность толкования, являются насущной потребностью и необходимы в целях реализации профессиональных прав адвокатов в уголовном судопроизводстве, эффективной защиты прав доверителей, соответствующей принципам построения современного общества.

*Центральный филиал Российского государственного
университета правосудия (г. Воронеж)*

***Баева Н. А.**, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права*

Central Branch of the Russian State University of Justice (Voronezh)

***Baeva N. A.**, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Procedural Law Department
E-mail: baeva.nata@mail.ru
Tel.: 8-919-185-94-25*

КУЛЬТУРА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

УДК 343.112

З. В. Макарова

КУЛЬТУРА СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

Исследуются сущность и значение культуры судебного процесса, сформулированы понятия «культура» и «культура судебного процесса», раскрыты элементы содержания культуры судебного процесса: правовая культура, нравственная культура, политическая культура, организационная культура, эстетическая культура. Показана взаимосвязь правовой, нравственной и политической культуры, а также профессионального мастерства и культуры судебного процесса с законностью.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культура, культура судебного процесса, закон, политика, право, нравственность, законодательство, права и свободы человека и гражданина.

THE CULTURE OF THE TRIAL

The essence and the value of the culture of the trial are investigated. The concepts of the culture and the culture of the trial are formulated. The elements of the culture of the trial such as the legal culture, the moral culture, the political culture, the organization culture, the esthetic culture are shown. The interrelation of the legal, moral and political culture and the interrelation between the professional skill and the culture of the trial and the legality are shown.

K e y w o r d s: culture, the culture of the trial, law, politics, morality, legislation, human and civil rights and freedoms.

Поступила в редакцию 11 сентября 2017 г.

Судебное разбирательство уголовных и гражданских дел происходит в условиях гласности, когда общественность и отдельные граждане знакомятся с работой не только суда, но и органов предварительного расследования, имеют возможность обсуждать результаты их профессиональной деятельности и получать уроки правовой политики и нравственности. Судебный процесс является кульминационным моментом работы его профессиональных участников – судей, прокуроров, адвокатов, так как они представляют гражданскому обществу все то, чем они владеют в своей профессии.

Низкий уровень культуры в обществе отражается на культуре судебного процесса, которая оставляет желать много лучшего. Главный показатель культуры, в том числе и культуры судебного процесса, – это уважение прав, свобод и законных интересов человека, его достоинства. К сожалению, человек пока еще не стал высшей ценностью. Юристы работают с людьми, решают их судьбы, поэтому они, как никто, должны ценить человека, защищать его права и свободы. Культура судебного процесса повышает авторитет правосудия и государства.

Общего понятия культуры нет ни в философской литературе, ни в литературе по культурологии. Несмотря на многочисленные дефиниции культуры выделяют ее две концепции: первая – подчеркивает фундаментальную роль личности как созидательное начало в развитии цивилизаций; вторая – рассматривает культуру прежде всего с точки зрения научных достижений, общественного прогресса.

© Макарова З. В., 2017

са¹. Представляется, что понятие «культура» должно объединять обе концепции, ибо они неразрывно связаны друг с другом: общественный прогресс немыслим без созидательной роли личности и наоборот. С учетом этого можно дать следующее определение понятию «культура»: культура – это совокупность научных достижений, а также высокий уровень умственного, нравственного и эстетического развития человека и гражданина, выраженные в социальной деятельности людей посредством норм² и материальных ценностей.

По вопросу о понятии и структуре культуры судебного процесса (судебной культуры) также нет единого мнения³. От профессиональных участников судебного процесса требуется исполнение не только процессуальных, но и профессиональных обязанностей, высокий уровень их осуществления, который обеспечивается как соблюдением закона, так и этическими, организационными, эстетическими и политическими требованиями. Большую роль в повышении культуры судопроизводства играет законодательство. Законодательство, не отражающее потребностей времени, непродуманное, противоречивое, позволяющее разное толкование при его применении на практике, не способно обеспечить эффективное и качественное расследование, рассмотрение и разрешение уголовных и гражданских дел. Однако высокий уровень законотворческой деятельности относится непосредственно к общему понятию правовой культуры, а не к понятию судебной культуры как элементу содержания судебной культуры. Культура судебного процесса – это совокупность достижений в области правоприменительной и правоисполнительной деятельности в суде, которые реализуются через высокий уровень умственного, нравственного и эстетического развития судей, прокуроров и адвокатов, выраженный в их профессиональной деятельности посредством строгого соблюдения прав, свобод, законных интересов граждан, охраняемых законом интересов общества и государства, правовых, нравственных и эстетических норм, а также широкого внедрения в судебную практику элементов научной организации труда.

Как и всякая культура, судебная представляет собой единство ряда элементов, частей. Представители советской юридической школы, которые занимались исследованием вопросов культуры судебного процесса, ее необходимыми элементами считали правовую культуру (точное и неуклонное соблюдение законов), судебную этику, судебный этикет, научную организацию труда. Бесспорно, что главный элемент судебной культуры – это правовая культура, так как только нормы права определяют содержание и форму деятельности в судебном процессе. Именно в праве выражаются интересы общества и политика государства. В праве находят свое воплощение и нравственные нормы, представляющие общечеловеческие

¹ См., например: *Философия и культура : материалы XVII Всемирного философского конгресса : проблемы, дискуссии, суждения*. М., 1987 ; *Молчанов А.* Правовая культура в социальной жизни : вопросы методологии // *Правоведение*. 1991. № 1.

² Норма – узаконенное установление, признанный обязательный порядок, строй чего-нибудь (см.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1989. С. 419).

³ См.: *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Судебная этика. Воронеж, 1973 ; *Леоненко В. В.* Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. Киев, 1981 ; *Пашкевич П. Ф.* Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984 ; *Бойков А. Д.* О законности и культуре судебной деятельности // *Настольная книга судьи*. М., 1972 ; *Ликас А. Л.* Законность и культура социалистического правосудия // *Советское государство и право*. 1981. № 3 ; *Грошевой Ю. М.* Профессиональное сознание судьи и социалистическое правосудие. Харьков, 1986.

ценности. Чем нравственнее право, тем нравственнее политика государства, тем более в государстве получают приоритет непреходящие человеческие ценности, в первую очередь сам человек, его права, свободы, т. е. нравственность государства определяется нравственным правом и наоборот. Следовательно, правовая культура так или иначе включает в себя нравственную и политическую культуру общества и государства. Однако в содержании судебной культуры правовая, нравственная и политическая культура имеют также свое самостоятельное значение.

После правовой культуры судебного процесса, полагаем, необходимо поставить нравственную культуру: именно право и нравственность определяют политику, иными словами, политика в государстве должна быть и правовой, и нравственной. Политика тесно связана с культурой, которая влияет на способы осуществления власти, а ее собственное развитие обусловлено в значительной мере политическими преобразованиями⁴. Именно политическая культура является ориентиром для правильного применения и исполнения закона, обязывает строго соблюдать закон, защищать права и свободы граждан, выполнять обязанности на высоком уровне, принимать только законные, обоснованные и справедливые решения. Кроме того, политическая культура обеспечивает гласность в обществе: «Гласность – это прежде всего продукт политической культуры. Есть она – есть и гласность. Нет – и никаким законом делу не поможешь»⁵. Политическая культура взаимосвязана с правовой и нравственной культурой. Политика, право, нравственность, взаимодействуя, оказывают влияние друг на друга. Научная организация труда позволяет организовать эффективную работу в судебном процессе. Эстетические требования, предъявляемые к судопроизводству, находят свое наиболее полное и яркое воплощение в судебном этикете.

Таким образом, содержание культуры судебного процесса (судебной культуры) образуют:

1. Правовая культура: высокое правосознание профессиональных участников судебного разбирательства, их умение, искусство правильно применять и исполнять закон.

2. Нравственная культура (судебная этика) – соблюдение в процессуальной и внепроцессуальной деятельности принципов и норм нравственности, роль которых возрастает при производстве по уголовному делу, ибо здесь нередко приходится решать нравственные проблемы, не урегулированные нормами права.

3. Политическая культура, т. е. совокупность определенных политических взглядов, ценностей, знаний и навыков, которые дают возможность рассматривать и разрешать дела в соответствии с политическим курсом и задачами современного развития общества и государства, выраженных в законе. Политическая культура помогает профессиональному юристу правильно толковать, применять и исполнять законы, понимать их сущность и значение.

4. Организационная культура (научная организация труда) – это умение вести дело по плану, четко, целеустремленно, с применением научно-технических средств и использованием достижений науки и техники.

5. Эстетическая культура (судебный этикет) – внешние атрибуты правосудия, правила поведения профессиональных участников судебного процесса, формы обращений, приветствий, общения, манеры, одежда.

⁴ См.: Демидов А. И. Политическая культура как средство борьбы против бюрократизма // Советское государство и право. 1988. № 7. С. 32.

⁵ См.: Гласность. Мнения, поиски, политика / сост. и отв. ред. Ю. М. Батулин. М., 1989. С. 32.

Организационная и эстетическая культура выступает как внешнее проявление правовой, нравственной и политической культуры, по которому граждане судят о всей деятельности суда и правоохранительных органов, правосудии и судебной власти. В этом и заключается их значение. Однако организационная культура и эстетическая культура имеют свое собственное содержание, которое позволяет выделить их в качестве самостоятельных элементов культуры судебного процесса. Полагаем, что профессиональное мастерство должно проявляться во всех элементах судебной культуры.

Профессиональное мастерство – это высокая (а не определенная, как считает А. Д. Бойков) «степень искусства в своем деле, достигнутая на основе знаний, опыта и любви к нему»⁶. Способности и любовь к работе, профессии определяют профессиональное призвание, которое дает возможность успешно освоить круг своих обязанностей и позволяет достичь профессионального мастерства в кратчайший срок. Для судей, прокуроров, следователей и адвокатов главным и определяющим в их профессиональной деятельности является высокое общее развитие. Поэтому А. Ф. Кони считал, что образованный юрист должен быть человеком, у которого общее образование идет впереди специального⁷.

Юристу в своей работе приходится решать многие вопросы, прямо не относящиеся к его компетенции. Юрист должен хорошо разбираться в политике (искусстве управления государством), что способствует определению правильной позиции и вынесению законного, обоснованного, мотивированного и справедливого решения при осуществлении своей деятельности, в науке и технике (с помощью специалистов), что позволяет понять, уяснить и правильно оценить материалы дела, доказательства, связанные с вопросами науки и техники, в искусстве, что расширяет кругозор, помогает лучшему пониманию людей, их поступков и т. д.

От профессиональных юристов требуется высокий культурный уровень применения материальных и процессуальных законов, особенно в судебных процессах, когда их деятельность находится в центре внимания граждан, общественности.

Культура судебного процесса оказывает воспитательное воздействие на правовое и нравственное сознание граждан, побуждает их следовать нравственным и правовым нормам, общепринятым нормам поведения, играет важную роль в формировании правосознания не только граждан, но и самих юристов.

Правовое государство должно опираться на правосознание граждан, поэтому необходимо правовое воспитание, которому, как и воспитанию вообще, не уделяют должного внимания, что не удивительно. Даже в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» не упоминается слово «воспитание». Нет правовых программ по телевидению, радио, в Интернете. Депутаты не разъясняют гражданам сущность и значение принятых ими законов. Нередко они не имеют представления о том, какие законы необходимы обществу, какие общественные отношения требуют правового регулирования. Сами депутаты, как и граждане, нуждаются в правовом воспитании.

Судебный процесс должен осуществляться в строгом соответствии с законом, поэтому важное значение имеет принятие своевременных, учитывающих материальные и духовные потребности и интересы граждан и общества, законов, которые давали бы возможность правильно разрешать рассматриваемые судом дела.

⁶ Бойков А. Д. Правовое воспитание в процессе правоохранительной практики // Организация и эффективность правового воспитания. М., 1983. С. 191.

⁷ См.: Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1967. Т. 3. С. 7.

Законодатель не должен слепо копировать американские и западноевропейские правовые институты; ему необходимо учитывать специфику исторического развития России, политико-правовой менталитет граждан, творчески подходить к разработке законодательных актов. «...Наличие творческой «души» в правовой психологии законодателя должно быть неременным критерием самодостаточности последнего. Обществу не нужен правотворческий орган, не обладающий духом творчества, ибо без этого законодатель превращается в механизм выработки духовно бессмысленных, культурно бедных законов»⁸. От качества законов зависят правосознание граждан, профессиональных участников судебного процесса и состояние законности в стране.

Судебная культура повышает профессиональное мастерство юристов, а следовательно, и качество рассмотрения и разрешения уголовных и гражданских дел, оказывает воспитательное воздействие на лиц, участвующих в судебном процессе, и тех, кто знакомится с ходом судебного разбирательства, приговорами и решениями судов. Высокая культура судебного процесса повышает также правосознание общества, законодателя, что приводит к созданию высококачественной, реально действующей правовой системы, способной влиять на экономические и политические процессы в государстве и тем самым позволяет создать режим наибольшего благоприятствования для обеспечения прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности, как основы конституционного строя Российской Федерации.

В настоящее время ни ученые, ни практические работники не уделяют должного внимания культуре судебного процесса, без знания и овладения которой невозможно повысить качество и эффективность правоприменительной и правоисполнительной деятельности. Представляется, что есть настоятельная необходимость введения в учебный план юридических вузов курса «Культура судебного процесса» для всех студентов независимо от специализации. К тому же данный курс будет способствовать и общему воспитанию студентов.

⁸ Байниязов Р. С. Правосознание. Психологические аспекты // Правоведение. 1998. № 3. С. 19.

Южно-Уральский государственный университет
Макарова З. В., доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, ведущий эксперт

South Ural State University
Makarova Z. V., Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Leading Expert
E-mail: Lia 5565.72 @ mail.ru

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

УДК 343

М. Ю. Долина

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ СОТРУДНИКОВ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

Статья посвящена рассмотрению наиболее актуальных вопросов профессиональной этики сотрудников специальных подразделений войск национальной гвардии (Росгвардии). Анализируются международные и отечественные нормативные акты, регулирующие этические правила поведения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: профессиональная этика, сотрудники специальных подразделений Росгвардии, защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение общественного порядка и общественной безопасности.

FEATURES OF PROFESSIONAL ETHICS OF STAFF OF SPECIAL DIVISIONS OF TROOPS OF NATIONAL GUARDCK

The article is devoted to consideration of the most topical issues of professional ethics of staff of special divisions of troops of national guard (Rosgvardiya). The international and domestic normative acts regulating ethical rules of conduct are analyzed.

К e y w o r d s: professional ethics, staff of special divisions of Rosgvardiya, protection of the rights and freedoms of the person and citizen, ensuring public order and public safety.

Поступила в редакцию 12 сентября 2017 г.

В целях обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина Указом Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 была создана Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия).

Профессиональная подготовка личного состава специальных подразделений Росгвардии представляет собой особую сферу деятельности ввиду их значимого положения в составе органов исполнительной власти. К уровню профессиональной подготовки бойцов Росгвардии предъявляются достаточно жесткие требования. Это связано с тем, что служба в специальных подразделениях Росгвардии предполагает несение службы порой в экстремальных условиях жизнедеятельности, связанных с постоянной психологической и физической напряженностью, угрозой жизни и здоровью сотрудников специальных подразделений Росгвардии. Сотрудники названных подразделений должны мастерски владеть различными видами вооружения и техники, быть хорошо подготовленными в физическом и психологическом отношении, обладать высоким интеллектом, организованностью и дисциплинированностью.

Приоритетными задачами сотрудников Росгвардии является участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности, а также в

© Долина М. Ю., 2017

борьбе с терроризмом и экстремизмом и др.¹ Следовательно, выполняя указанные задачи, сотрудник должен обладать авторитетом, являться своеобразным символом олицетворения законности и правопорядка. Нравственное воспитание сотрудников Росгвардии является необходимым условием для формирования положительного морального облика сотрудников. Особое место в его формировании занимает профессиональная этика.

Под понятием «профессиональная этика» понимается наука о применении общих норм морали и нравственности. Профессиональная этика сотрудников Росгвардии отличается от этики других профессий своим деонтологическим характером, под которым понимается совокупность моральных норм, однозначно регламентирующих должное поведение личности в определенной профессиональной сфере².

Отличительной чертой профессиональной этики сотрудника Росгвардии является ее нормативный характер. Он регламентируется уставами, приказами, наставлениями, инструкциями, выполнение которых строго обязательно и за нарушение которых предусматриваются дисциплинарные и административные санкции.

Невозможно не вспомнить высокоэффективное этическое выражение генерала армии Р. Г. Нургалиева, министра внутренних дел Российской Федерации в период с 2004 по 2012 г., который отмечал, что «путь к уважению профессии сотрудника и воина лежит через выработку каждым сотрудником и военнослужащим собственной, безупречной линии поведения на службе и в быту, осознания своего личного участия в деле служения гражданину, обществу, государству»³.

В качестве нормативного акта международного уровня, регулирующего вопросы этических отношений, следует отметить Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (далее – Кодекс), принятый резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г. Несмотря на то что с момента принятия данного документа прошло почти сорок лет, Кодекс остается актуальным и в настоящее время. Содержание документа сводится к установлению того, что должностные лица, на которых возложены полномочия по поддержанию правопорядка, обязуются уважать и защищать права человека по отношению ко всем лицам вне зависимости от их каких-либо признаков и различий. Кодекс запрещает проведение пыток, а также обязывает применение силы только в случаях крайней необходимости.

Таким образом, этические нормы, содержащиеся в Кодексе непосредственно воздействуют на практическую деятельность правоохранительных органов. Проанализировав научные труды ученых Л. Ш. Берекашвили и В. П. Игнатова, можно выделить основные принципы, содержащиеся в Кодексе⁴, которыми могут руководствоваться в своей деятельности сотрудники специальных подразделений войск национальной гвардии, а именно:

– по отношению к жертвам преступлений необходимо проявлять сострадание, внимание и уважение;

¹ О войсках национальной гвардии Российской Федерации : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ // Рос. газета. 2016. № 146.

² См.: Кушнарченко И. А. Профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел : учеб. пособие. М., 2008. С. 259.

³ Служебный этикет сотрудников органов внутренних дел : учеб. пособие / под ред. С. С. Пылева. М., 2009. С. 37.

⁴ См.: Берекашвили Л. Ш., Игнатов В. П. Обеспечение прав и свобод человека правоохранительными органами Российской Федерации : учеб. пособие. М., 2009. С. 174.

– при необходимости применения мер специального воздействия (физической силы, специальных средств, оружия) необходимо применять указанные меры только в соответствии с законом и минимально необходимой степени, вытекающей из обстановки;

– избегать использования силы при мирных шествиях, собраниях, митингах;

– применять оружие только для защиты граждан, военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления, а также в иных случаях, предусмотренных ст. 21 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

Отечественным документом, который, по нашему мнению, необходимо проанализировать является Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (далее – Типовой кодекс), одобренный решением Президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)⁵. Указанный документ представляет собой свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми должны руководствоваться государственные (муниципальные) служащие независимо от замещаемой ими должности.

Нормы Типового кодекса предписывают государственным служащим соблюдать нормы служебной, профессиональной этики и правил делового поведения; проявлять корректность и внимательность в обращении с гражданами и должностными лицами; воздерживаться от поведения, которое может вызвать сомнение в добросовестном исполнении государственным служащим должностных обязанностей, избегать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету государственного органа и др.

Кроме того, в ст. 2 Конституции РФ говорится, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». В указанной статье провозглашается защита прав и свобод человека и гражданина, что означает государственную обязанность создавать специальные учреждения по охране прав и свобод⁶. Такими учреждениями, кроме прочих, являются специальные подразделения Федеральной службы войск национальной гвардии (Росгвардии). В служебном поведении, как гласит Типовой кодекс этики, государственному служащему необходимо исходить из вышеперечисленных конституционных положений. В связи с этим сотрудники Росгвардии должны быть вежливыми, доброжелательными, корректными, внимательными и проявлять терпимость в общении с гражданами и коллегами. Ведь культура сотрудника правоохранительных органов – один из показателей его личного достоинства, уровня его нравственного сознания, определяющая предпосылка соблюдения принципа законности и демократии⁷.

Сотрудники Росгвардии в своей деятельности должны неукоснительно соблюдать вышеперечисленные правила, так как соблюдение правил и принципов

⁵ Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих // Бюллетень «Официальные документы в образовании». 2011. № 36.

⁶ См.: Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 2017. С. 10–11.

⁷ См.: Конторовская О. Н. Учебное пособие по курсу «Профессиональная культура и этика сотрудников органов внутренних дел». Видное-2, 1996. С. 73.

нравственно-этического поведения является залогом эффективной деятельности сотрудников.

Следовательно, умение владеть собой, контролировать, сдерживать себя – обязательное требование культуры поведения сотрудников Росгвардии. Для сотрудника Росгвардии недопустимы: нервозность, раздраженность, повышенный тон, крикливая речь, несдержанный громкий смех. Несмотря на грубости и провокации в действиях правонарушителей и преступников, сотрудники спецподразделений должны действовать решительно в сочетании с выдержкой, корректностью и спокойствием в принятии служебных решений, так как в противном случае некорректное (грубое) обращение с нарушителями общественного порядка и безопасности может быть воспринято отрицательно, тем самым вызывая еще большую агрессию по отношению к представителю власти. Требования, предъявляемые к нарушителям, должны быть выдвинуты в соответствии с нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность должностных лиц рассматриваемой категории. В соответствии с главой 3 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» сотрудник войск национальной гвардии имеет право на применение физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники.

Вместе с тем в ч. 3 ст. 19 вышеназванного нормативного акта говорится, что перед применением физической силы, специальных средств, оружия, сотрудник обязан сообщить лицам о своем намерении применить одно из перечисленных средств.

Соответственно, не следует без оснований высказывать угрозы о применении указанных мер воздействия, чтобы не вызвать излишней агрессии со стороны правонарушителя. Все действия сотрудников должны быть тщательно продуманы, хотя, учитывая специфику деятельности специальных подразделений, часто приходится действовать и принимать решения без промедления. Тем не менее сотрудник должен быть выдержанным, вежливым и тактичным с гражданами, свои требования и замечания излагать в убедительной и понятной форме, не допускать споров и действий, оскорбляющих их честь и достоинство⁸.

Итак, сотрудники специальных подразделений войск национальной гвардии всегда должны умело сочетать меры убеждения, общественного воздействия и принуждения – это одно из определяющих требований к правоохранительной деятельности. Действия сотрудников при всей строгости и решительности всегда должны быть справедливыми, только в этом случае возможно рассчитывать на взаимопонимание людей. В действиях сотрудника должны ярко просматриваться, прежде всего, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, уважительное отношение к человеческому достоинству.

⁸ См.: Соколова З. К. Профессиональная этика : курс лекций. М., 2000. С. 117.

*Главное управление внутренних дел по Московской области (г. Видное)
Долина М. Ю., преподаватель Центра профессиональной подготовки
имени Героя России майора милиции В. А. Тинькова*

*Main Department of Internal Affairs Across the Moscow Region (Vidnoye)
Dolina M. Yu., Lecturer of the Training Center of the Hero of
Russia the Militia Major V. A. Tinkov*

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА СОВРЕМЕННОГО СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КУДА МЫ ДВИЖЕМСЯ?

Предпринята попытка рассмотреть нравственные основы службы в органах внутренних дел Российской Федерации. Делается определенный вывод о назревших проблемах профессиональной этики и профессиональной деформации современного сотрудника ОВД. Предлагаются действенные меры по скорейшему выходу из сложившейся ситуации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нравственные основы службы, профессиональная этика, профессиональная деформация личности, коррупция, взяточничество, сотрудник органов внутренних дел.

MORAL FOUNDATIONS AND PROFESSIONAL ETHICS OF THE MODERN EMPLOYEE OF THE INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION: WHERE ARE WE MOVING ?

In this article the author made an attempt to consider the moral foundations of service in the bodies of internal affairs of the Russian Federation; A definite conclusion is drawn about the urgent problems of professional ethics and professional deformation of a modern ATS officer; Effective measures are proposed for an early exit from the current situation.

К е у о r d s: moral foundations of service, professional ethics, professional deformation of a person, corruption, bribery, employee of law-enforcement bodies.

Поступила в редакцию 1 ноября 2017 г.

Каждая профессия имеет свою собственную мораль.
Ф. Энгельс

Руководством страны, МВД России, общественными организациями уделяется пристальное внимание вопросам соблюдения законности и служебной дисциплины в практической деятельности сотрудников органов внутренних дел РФ. Приказом МВД России от 2 января 2013 г., в частности, была утверждена Концепция обеспечения собственной безопасности в системе МВД России¹. Указанная Концепция, носящая бессрочный характер, призвана обеспечить:

- законность при исполнении сотрудниками обязанностей и реализации прав в повседневной деятельности;
- неукоснительное соблюдение ими норм морали, профессиональной этики и служебной дисциплины;
- выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению сотрудниками ОВД РФ преступлений и административных правонарушений.

¹ Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 2 января 2013 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

На наш взгляд, проблема нарушения законности, служебной дисциплины и профессиональной этики в настоящее время носит особенно актуальный характер, несмотря на широко применяемый комплекс мер по их укреплению не только со стороны руководства Министерства, но и со стороны представителей высших государственных органов, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления. В решении Коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 4 марта 2015 г. № 1-км было отмечено: «Существуют проблемы в области профилактики нарушений дисциплины и законности в органах внутренних дел. Данные проблемы находят свое отражение в совершении сотрудниками правонарушений. Так, в частности, около 0,5 тысяч дорожно-транспортных происшествий совершено сотрудниками органов внутренних дел, находившимися в состоянии алкогольного или наркотического опьянения»².

Традиционная тема подобных коллегий – разговор о коррупции. В последние годы в правоохранительных органах серьезно ужесточили требования при приеме кандидатов на службу. Усилили проверки и контроль за руководителями подразделений Министерства внутренних дел всех уровней. Однако положительный эффект от этих мер оказался не столь заметен на фоне ряда скандалов в МВД РФ. Например, одним из громких и нашумевших, безусловно, стал арест по подозрению в получении крупной взятки бывшего заместителя начальника управления «Т» Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД полковника Захарченко. При обыске следователи обнаружили у него наличности на общую сумму свыше восьми миллиардов рублей³.

Полагаем, именно руководители всех уровней должны проходить специальную подготовку по соблюдению и контролю за исполнением требований служебной дисциплины, профессиональной этики и законности, поскольку сотрудники, вступающие в новую, более ответственную должность (особенно руководящую), подвержены нравственной деформации⁴. По итогам анкетирования выяснилось, что именно среди этой категории сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации остро стоит проблема нравственности. А ведь у них должна присутствовать управленческая этика, т. е. этика руководящего состава – это система этических знаний и практических рекомендаций, сориентированных на управленческую деятельность. Это образы лучшего опыта нравственного решения конкретных управленческих проблем⁵. Если сами руководители не исполняют нормы Кодекса этики и их поведение не является образцом нравственности, то, вероятнее всего, беспрекословное исполнение сотрудниками этих норм вряд ли возможно.

Кроме того, необходима персональная ответственность каждого сотрудника органов внутренних дел за успешность выполнения деятельности коллектива в целом. Такой подход к исполнению своих должностных обязанностей как один из принципов нравственного поведения обеспечит надежность коллектива и его управляемость.

² Расширенное заседание коллегии МВД. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/135> (дата обращения: 18.08.2017).

³ См.: Владимир Путин принял участие в расширенном заседании коллегии МВД РФ. URL: http://www.1tv.ru/news/2017-03-09/321274-vladimir_putin_prinyal_uchastie_v_rasshirennom_zasedanii_kollegii_ministerstva_vnutrennih_del_rf (дата обращения: 17.08.2017).

⁴ См.: Профессиональная этика и служебный этикет: учебник / под ред. В. Я. Кикотя. М., 2012. С. 89–93.

⁵ См.: Куракин А. В. Этические принципы служебного поведения государственных служащих как способ предупреждения коррупции // Современное право. 2003. № 2. С. 33–36.

Мы полностью согласны с позицией Президента РФ В. В. Путина, озвученной на расширенном заседании коллегии МВД РФ 4 марта 2015 г.: «Защищая экономику от криминала, сотрудники МВД сами не должны переступать закон, злоупотребляя своими контрольными и процессуальными полномочиями. Наказания за подобные действия должны быть жесткими и неотвратимыми: от кадровых до судебных решений»⁶.

Заметно возросло число сотрудников органов внутренних дел, привлеченных к дисциплинарной ответственности за нарушения законности, не влекущих за собой уголовной ответственности (19,4 %), а также подвергнутых уголовному преследованию за совершение преступлений (6,5 %), в том числе за взяточничество (28,1 %) и злоупотребление должностными полномочиями (9,4 %) ⁷. Указанные цифры приведены за II квартал 2015 г.

Возникает вопрос: как пришедший на службу молодой человек, достойно прошедший вступительные испытания при приеме на службу в ОВД и имея цель – охранять закон и бороться с преступностью, сам превращается в преступника и правонарушителя?

Причиной тому можно считать профессионально-нравственную деформацию личности сотрудника органов внутренних дел РФ. Безусловно, данный процесс постепенный, многоступенчатый и длительный.

Понятие профессиональной деформации сотрудника ОВД включает в себя искажение индивидуальных особенностей, профессиональных навыков и способностей в негативную сторону под действием характера и условий работы, опыта и профессионализма⁸.

Всем хорошо известен факт, что отличительной особенностью правоохранительной деятельности полицейского является ежедневная (порой ежечасная и даже ежеминутная) необходимость вступать во взаимодействие:

- с преступниками и правонарушителями;
- отклоняющимся от социальных норм поведением;
- повышенной опасностью для жизни и здоровья;
- высокими требованиями к профессионализму.

Все это находит свое отражение в виде негативного отрицательного воздействия, прежде всего на личность сотрудника ОВД. Так, при отсутствии у человека должного уровня нравственной и психологической твердости часто приходится наблюдать воздействие факторов, приводящих к профессиональной деформации, что в последующем выражается в проступках, правонарушениях и преступлениях, совершаемых сотрудниками полиции. При этом неблагоприятное влияние деформации выражается крайне остро в снижении качества уровня делового общения и эффективности его служебной деятельности, отражаясь на судьбах миллионов людей. Все это подрывает авторитет и имидж сотрудника ОВД и вызывает серьезные тревогу и опасение.

Возможность появления профессиональной деформации у сотрудников органов внутренних дел проявляется, по некоторым данным, в следующие временные периоды:

⁶ Расширенное заседание коллегии МВД. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/135> (дата обращения: 19.08.2017).

⁷ См.: Вестник МВД России. 2015. № 3 (спец. выпуск). С. 9–27.

⁸ См.: Кудрявцев В. Ю. Нравственно-правовая культура и профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и практика (трибуна молодых ученых) : сб. статей / под ред. Р. В. Павленкова [и др.]. Н. Новгород, 2016. Вып. 16. С. 203.

- до 5 лет службы – незначительная;
- 6 – 10 лет – начальный и средний уровни;
- 11 – 15 лет – высокая вероятность деформации;
- более 15 лет – практически неизбежная у некоторых лиц деформация⁹.

Необходимо отметить, что деформация личности происходит в следующих сферах жизнедеятельности.

В *нравственной сфере* – деформация личности сотрудника проявляется в потере представления об изначальном смысле и предназначении своей работы, целях, задачах и функциях профессионального долга и чести, повышенной самооценки и эгоизма. Как следствие – формальный и однотипный подход к выполнению служебных обязанностей, равнение всего и всех «под одну гребенку».

В *интеллектуальной сфере* – снижение способности к принятию решений и самостоятельному мышлению, практически полная утрата способности к самостоятельной учебе и повышению профессиональных знаний, склонность к шаблонному принятию решений, завышенная самооценка. Проводимые на местах с личным составом занятия в системе профессиональной служебной и морально-психологической подготовки уже давно практически превратились в формализм и профанацию.

В *эмоциональной сфере* – нарушение способности контролировать себя, свои эмоции и чувства, «очерствение» характера, конфликтность. В средствах массовой информации в последнее время все чаще можно слышать о полицейском беспределе в том или ином регионе нашей страны¹⁰.

В *профессиональной сфере* – сужение круга профессионализма, своих знаний, умений, навыков, стереотипность профессиональных действий, завышенная оценка личного профессионального опыта и роли собственных действий в решении общих профессиональных задач.

Взяточничество не теряет своей актуальности на протяжении всего существования общества¹¹. Именно на примере взяточничества наиболее ярко возможно рассмотреть деформацию сотрудника ОВД РФ.

С самого начала служебной деятельности сотрудники ОВД подпадают под влияние своих товарищей, коллег и наставников. Они начинают терпимо относиться к незначительным, исключительно с их точки зрения, отступлениям от «буквы закона» с их стороны, а также со стороны сослуживцев. Впоследствии у молодых сотрудников вырабатывается ошибочное и опасное убеждение в том, что без такого «незначительного отступления от закона» эффективное исполнение служебных обязанностей практически невозможно.

Следующий этап – начинающий сотрудник относится благосклонно к различного рода мелким услугам, которые ему оказываются. Он оправдывает себя тем, что работает на тяжелой работе и это его компенсация.

Завершающая стадия морального разложения сотрудников органов внутренних дел перетекает в активный поиск средств незаконного обогащения. Всему этому самым благоприятным образом способствует явное несовершенство дей-

⁹ См.: Фролов А. Действия сотрудников ОВД по обеспечению личной психологической безопасности // Профессионал. 2016. № 1. С. 22–25.

¹⁰ См., например: Утукин Д. Бьют, колотят регулярно, но с оглядкой. Правозащитник о практике применения пыток в полицейских отделениях России. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/09/22/bespredel/> (дата обращения: 20.08.2017).

¹¹ См. подробнее об этом: Репин М. Е. Некоторые особенности криминалистической характеристики взяточничества // Актуальные проблемы права : материалы III Междунар. науч. конф. (Москва, 20–23 ноября 2014 г.). М., 2014. С. 122–124.

ствующего законодательства РФ, в частности уголовно-процессуального, предоставляя, на наш взгляд, субъектам расследования (следователям и дознавателям) излишнюю свободу и самостоятельность в принятии процессуальных решений¹².

Ротация кадров, применяемая в настоящее время исключительно к высшему начальствующему составу, рассматривается среди ученых-исследователей как один из наиболее эффективных методов профилактики профессиональной деформации и укрепления нравственных основ службы в органах внутренних дел.

Полагаем, что властные полномочия, возложенные на сотрудника органов внутренних дел, оставляют неизгладимый отпечаток в его правосознании. Деформация правосознания является чрезвычайно опасным явлением, наносящим непоправимый вред интересам государства, общества, личности и службы. С этим, естественно, необходимо бороться, принимая порой самые решительные меры.

Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что сотрудники органов внутренних дел справятся с возложенными на них задачами и функциями – так считает министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев. В своем выступлении на расширенном заседании коллегии Министерства 4 марта 2015 г. он сказал: «Я уверен, личный состав органов внутренних дел не подведет наших граждан, незамедлительно пресечет попытки нарушить спокойствие россиян, защитит общество и государство от любой внутренней угрозы»¹³.

¹² См.: *Афанасьев А. Ю.* Использование научных знаний в выявлении, оценке и нейтрализации коррупционных рисков уголовно-процессуального доказательственного права // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 51–55.

¹³ Выступление министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковника полиции В. А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства 4 марта 2015 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/3327920> (дата обращения: 22.08.2017).

Управление МВД России (г. Н. Новгород)

Репин М. Е., кандидат юридических наук,
начальник смены дежурной части отдела полиции № 5

Department of the Russian Ministry of Internal Affairs (N. Novgorod)

Repin M. E., Candidate of Legal Sciences,
the Shift Duty of the Police Department № 5
E-mail: me_repin@mail.ru

О СОДЕРЖАНИИ И ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ: НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена сущности и проблемам реализации принципа независимости судей в уголовном судопроизводстве в правовом, организационном и нравственном аспектах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: содержание принципа независимости судей, проблемы реализации настоящего принципа.

THE QUESTION ABOUT REALIZATION OF PRINCIPLE THE INDEPENDENCE OF JUDGES: THE MORAL DIMENSION

The article deals with the essence and problems of the implementation of the principle of independence of judges in criminal proceedings in the legal, organizational and moral aspects.

Key words: the content of the principle independence of judges; problems of implementation of this principle.

Поступила в редакцию 4 сентября 2017 г.

Закон и нравственность – основа правосудия. Как бы подробно и скрупулезно закон не регулировал деятельность судьи, не устанавливал контроль со стороны вышестоящих судов, да и всего общества за ее осуществлением, этого недостаточно для принятия законного и справедливого решения, могущего повлиять на жизнь и судьбу человека. Вершить правосудие может только тот, кто отвечает высоким моральным требованиям, предъявляемым к тем, кто наделен правом судить о поступках другого человека. Наряду с этим, авторитет судебной власти зависит от того, насколько полно в принципах судебной деятельности заключен нравственный смысл и как он реализуется на практике.

Правовой основой для российского уголовного судопроизводства является известное положение, закрепленное в п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона»¹. Дру-

¹ См. комментарий к этому положению: *Лукайдес Лукис Г.* Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п.1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) // Рос. юстиция. 2004. № 2. С. 8–20; *Дворянкина Т. С.* Уважение чести и достоинства личности как нравственная основа судебного разбирательства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 65–122; *Правоохранительные органы : учебник / В. Г. Бессарабов [и др.] ; отв. ред. Ю. К. Орлов.* 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 57; *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова.* 3-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 76–88; *Качалова О. В.* Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство как принцип современного российского уголовно-процессуального права // Рос. судья. 2014. № 6. С. 11–15; и др.

гие международные акты: Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах также провозгласили такие важнейшие принципы судебной деятельности, как справедливость суда; гласное рассмотрение дела в суде; равенство граждан перед законом и судом; независимость судей, их беспристрастность, объективность в своих решениях и действиях; высокая профессиональная подготовка судей, их компетентность, ставшие неотъемлемой частью российского законодательства, прежде всего Конституции Российской Федерации, а также Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и, конечно, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Но важность отмеченных международно-правовых норм и принципов состоит и в том, что они одновременно являются и нравственными принципами. Такое глубокое взаимопроникновение они приобрели в результате многовековой общественной практики.

Правосудие всегда отождествлялось со справедливостью. Требование справедливости характеризует все содержание деятельности по отправлению правосудия. Гарантиями справедливого правосудия, наряду с прочной правовой базой, следует считать независимость судей, их беспристрастность, непредубежденность.

Поэтому важную роль в осуществлении правосудия судом играет принцип независимости судей, включенный в систему принципов уголовного судопроизводства Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 166-ФЗ (ст. 8.1 УПК РФ). Конечно, нормативное введение настоящего принципа в главу 2 УПК РФ не означает, что до этого времени он таковым не являлся. В теории уголовного процесса он традиционно отмечался учеными не только как принцип правосудия и судоустройства, но и как процессуальный принцип, хотя, в силу отсутствия долгое время его законодательного закрепления в УПК РФ, он часто назывался как принцип независимости суда или судебной власти².

По мнению отдельных авторов, настоящий принцип, наравне с другими подобными принципами, связанными с судопроизведением как одним из главных направлений судебной деятельности (принципы законности, публичности, равенства всех перед законом и судом, национального языка судопроизводства), одновременно относится к принципам судебной деятельности, которыми охватываются принципы правосудия³. По мнению Е. Г. Мартынчика и Ю. И. Маржиняну, и в уголовно-процессуальной науке происходит отождествление принципов уголовного процесса и принципов правосудия, в связи с чем ученые объединяют их в единую систему⁴.

Вместе с тем ряд авторов, напротив, отмечают различия между принципами уголовного процесса и принципами правосудия, заключающиеся в том, что принципы правосудия – это закрепленные в законе основные идеи, руководящие начала, определяющие организацию и деятельность судов по отправлению пра-

² См.: Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России : лекции-очерки / под ред. В. М. Савицкого. М., 1997. С. 43–47 ; Безнасюк А. С., Рустамов Х. У. Судебная власть : учеб. для вузов. М., 2002. С. 37 ; Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. С. 210–241.

³ См.: Безнасюк А. С., Рустамов Х. У. Указ. соч. С. 51.

⁴ См.: Мартынчик Е. Г., Маржиняну Ю. И. Принципы уголовного процесса и правосудия : эволюция понятия, соотношение и совершенствование законодательных регламентаций // Рос. судья. 2001. № 2. С. 31.

восудия, его сущность, демократизм и гуманизм⁵, которые реализуются лишь в судебных стадиях, т. е. являются составной частью системы принципов уголовного процесса⁶. Не случайно поэтому и была высказана идея о том, что соотношение принципов уголовного процесса и правосудия представляется как общее и частное, общее и особенное, поэтому раздел УПК РФ, посвященный основополагающим началам уголовного судопроизводства, предлагалось отдельными авторами назвать «Принципы уголовного процесса и правосудия по уголовным делам»⁷.

Не разделяя мнение о поглощении правосудия уголовным судопроизводством, тем не менее, считаем, что действительно трудно провести грань между общими правовыми положениями, раскрывающими суть правосудия и уголовного судопроизводства, поскольку правосудие по уголовным делам реализуется непосредственно в уголовном судопроизводстве, поэтому основные правовые положения общего характера, лежащие в основе производства по уголовному делу, характеризуют важные свойства и качественные черты и правосудия, и уголовного судопроизводства, и как эти два важных правовых института невозможно разорвать, так и принципы уголовного процесса и правосудия настолько переплелись, дополнили и обогатили содержание друг друга, что лишний раз свидетельствует о том, что подобный симбиоз укрепляет правовую основу уголовного судопроизводства, правовой статус участников уголовного процесса, олицетворяясь в надежные гарантии отправления правосудия по уголовным делам и судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, оказавшихся вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства.

Более того, взаимосвязь, например, таких принципов, как осуществление правосудия только судом и независимости судей, означает, что осуществлять истинное правосудие, т. е. разрешать любой правовой спор или конфликт по закону и справедливости и, тем более, признать лицо виновным и назначить ему наказание может только действительно независимый и беспристрастный орган, обеспечивающий защиту прав и свобод человека и гражданина.

Понятие «независимость судей» следует рассматривать в двух аспектах – в институциональном аспекте, означающем самостоятельность, автономность суда (судебной власти) по отношению к другим государственным органам (другим ветвям государственной власти), и независимость носителей судебной власти – судей в содержательном значении этого термина, сводящегося к конституционно-правовому статусу судей, характеризующемуся в том числе беспристрастностью судей и подчинением их только закону. И если первый аспект напрямую связан с реализацией принципа разделения властей, то второй аспект подразумевает существование определенных объективных и субъективных гарантий, обеспечивающих независимость и беспристрастность судей, отсутствие предубеждений или тенденциозности при рассмотрении ими конкретных дел⁸.

⁵ См.: Правоохранительные органы : учебник / отв. ред. Ю. К. Орлов. С. 56.

⁶ См.: Проблемы судебного права / Н. Н. Полянский [и др.]. М., 1983. С. 126.

⁷ См.: Мартынич Е. Г., Маржиняну Ю. И. Указ. соч. С. 32.

⁸ См.: Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. С. 211–241. О гарантиях независимости судей см. также: Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса. Воронеж, 1993. С. 118–123; Стецовский Ю. И. Судебная власть : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2000. С. 85–114 ; Правоохранительные органы : учебник / отв. ред. Ю. К. Орлов. С. 283–295 ; Петухов Н. А., Ермошин Г. Т. Независимость судьи Российской Федерации : современные проблемы обеспечения // Рос. судья. 2013. № 3. С. 11–15 ; Вилкова Т. Процессуальные гарантии независимости судей в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2014. № 2. С. 100–106.

Объективные гарантии независимости судей сводятся к средствам, обеспечивающим формирование судейского корпуса, который не вызывал бы сомнений в его беспристрастности; ответственность государства за судебные ошибки; неприкосновенность судей; финансирование судебной системы из федерального бюджета; материально-техническое обеспечение судов и социальное обеспечение судей и пр. Субъективный критерий обеспечения независимости судей в большей степени связан с правилом об исключении возможности оказывать давление, воздействие на судей при осуществлении ими полномочий по отправлению правосудия от кого бы то ни было; принимать решение под влиянием каких-либо политических, общественных интересов, личных эмоций, симпатий или антипатий к отдельным участникам процесса.

Понятно, что оградить судью от разного рода вмешательства или давления, особенно сегодня, в такое сложное время, невозможно, будь это просьбы родных или друзей, указания вышестоящих судебных инстанций или высокопоставленных лиц, прессинг средств массовой информации или общественного мнения. Главное, как заметил один из основателей судебной этики Л. Д. Кокорев, в другом – достаточно ли у судьи моральных и психологических сил, определенных нравственных качеств, чтобы не поддаваться такому влиянию⁹. Это сложная работа – выработать в себе такие качества, как мужество, принципиальность, честность, объективность и не изменять им, хотя судьи так же, как и другие юристы, к сожалению, подвержены профессиональной деформации в силу экстремального характера их деятельности¹⁰.

Поэтому, несмотря на то что законодатель установил правовые гарантии независимости судей, закрепив их в Законе «О статусе судей в Российской Федерации»: несменяемость судьи, неприкосновенность его личности, жилища, имущества, повышенное и гарантированное материальное обеспечение за счет финансирования судов только из федерального бюджета и прочее – смысл они имеют только в сочетании с нравственным содержанием. Совершенно справедливо писал Л. Д. Кокорев: «...основная гарантия независимости судей – это их нравственное сознание. Какими бы совершенными ни были правовые и организационные гарантии, они окажутся ничтожными, если нравственные устои судьи позволяют ему принимать решение не на основании закона и своего убеждения, а в угоду тому или иному влиянию»¹¹.

Гарантии независимости судей находят свое развитие и конкретизацию в процессуальном законодательстве. Так, УПК РФ содержит ряд правовых положений, обеспечивающих невмешательство в судебную деятельность сторонних лиц и ограждающих судей от принятия ими решений под влиянием каких-либо субъек-

⁹ См.: Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Указ. соч. С. 118.

¹⁰ Подробно о качествах судей см.: Леоненко В. В. Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. Киев, 1981. С. 107–108; Проблемы судебной этики / под ред. И. С. Строговича. М., 1974. С. 196–209; Радутная Н. В. Народный судья. Профессиональное мастерство и подготовка. М., 1977. С. 82–105; Настольная книга судьи / Л. Б. Алексеева [и др.]. М., 2000. С. 74–83; Марков О. Нравственные начала судейской профессии // Рос. юстиция. 2001. № 11. С. 43–45, № 12. С. 43–45; Клеандров М. И. Что такое модель Идеального судьи и зачем она? // Там же. 2005. № 11. С. 4–9; Юридическая этика: учебник / А. С. Кобликов. 3-е изд., изм. М., 2014. С. 153–158; Романец Ю. В. Судья — понятие нравственное // Рос. судья. 2015. № 4. С. 32–34.

¹¹ Кокорев Л. Д. Суд в механизме государственной власти // Юрид. записки. Вып. 3: Проблемы государственной власти. Воронеж, 1995. С. 62.

тивных факторов. Это и правила об отводах и самоотводах судей, и правила оценки доказательств по внутреннему убеждению судей, и запрет на проведение некоторых процессуальных действий без получения на то согласия сторон, и строгая процедура при принятии определенных решений, в том числе особый порядок принятия решения при коллегиальном составе судей, и судебный надзор со стороны вышестоящих судов за законностью решений нижестоящих судов, т.е. всё, что исключает или, по крайней мере, минимизирует субъективный, пристрастный подход к разрешению конкретного уголовного дела, правового спора или вопроса, отнесенных к компетенции данного суда.

Существенный вклад в расширение содержания и сферы действия принципа независимости судей внесли правовые новеллы, закрепленные в ст. 8.1 УПК РФ. Их сущность можно свести, во-первых, к закреплению в уголовно-процессуальном законодательстве конституционного принципа о том, что при осуществлении правосудия судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ); во-вторых, к обеспечению независимости судей, означающей запрет на вмешательство в деятельность судей по отправлению правосудия и установление законом ответственности за такое вмешательство; в-третьих, к принятию судьей в случае внепроцессуальных обращений к нему как обычных граждан, так и представителей каких-либо государственных органов мер по противодействию такому обращению – преданию гласности и доведению до сведения участников уголовного процесса об этих фактах, а также по недопущению проведения процессуальных действий и принятия решений по уголовным делам, находящимся в их производстве, в связи с такими обращениями.

Тем самым анализ правовых норм, раскрывающих суть настоящего принципа, приводит к мысли о том, что законодатель вложил в смысл данного принципа создание условий по ограждению судьи от внешнего воздействия со стороны конкретных лиц на осуществление им своей деятельности и противодействию такому воздействию в случае, если все же кто-то обратится или вмешается в процесс рассмотрения или разрешения судьей уголовного дела. Однако очевидно, что содержание данного принципа не охватывает всех составляющих его аспектов, что, конечно, обусловлено его многогранностью, на что уже обращалось внимание. Действительно, есть ли смысл дублировать в процессуальном законе положения, характеризующие судоустройственные, организационные, статутные, нравственные основы осуществления правосудия, с учетом того, что они уже закреплены в федеральных законах¹², а также в Кодексе судейской этики¹³? Более того, именно Кодекс судейской этики, на наш взгляд, напротив, вобрал в себя широкий спектр не только нравственных, но и процессуальных, и организационных требований к соблюдению принципа независимости судей, включая и правила поведения при осуществлении ими профессиональной деятельности по отправлению правосудия и во внесудебной деятельности, основанные на высоких нравственно-этических требованиях, положениях законодательства Российской Федерации, международных стандартах в сфере правосудия и поведения судей (ст. 1); и требования к

¹² О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (в ред. от 28.12.2016) (ст. 9–10) ; О судебной системе в Российской Федерации : федер. конституц. закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 05.02.2014) (ст. 5) ; О судах общей юрисдикции в Российской Федерации : федер. конституц. закон РФ от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 21.07.2014) (ст. 5). URL: <http://www.vsrfr.ru/catalog.php?c1>

¹³ Кодекс судейской этики : утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. (с изм. от 08.12.2016)(ст. 8).

судье, направленные на обеспечение его статуса, соответствующие высоким стандартам морали и нравственности (ст. 6).

Наряду с отмеченными факторами, обеспечивающими реализацию принципа независимости судей, нельзя обойти стороной проблему, связанную, хотя и не напрямую, с обстоятельствами, влияющими на его реализацию, носящими (вновь следует подчеркнуть данный факт) не только процессуальный характер. В первую очередь, данная проблема касается распределения председателем суда уголовных дел, поступивших в суд для их рассмотрения, между судьями, за исключением мировых судей. До настоящего времени этот вопрос никоим образом не решался. По какому принципу председатель районного или областного суда распределяет поступившие в суд дела среди судей, не кроится ли здесь опасность подбора судей по личному усмотрению председателя, например в зависимости от общественной значимости уголовного дела, лиц, привлекаемых к уголовной ответственности? На наш взгляд, во избежание сомнений в беспристрастности, объективности судей следует разработать нормативный акт, регулирующий процедуру распределения поступающих в суд уголовных дел среди судей.

Среди прочих вопросов, заслуживающих внимания в рассматриваемом аспекте, хотелось бы выделить положение о возможности судьи, принимавшего решения в ходе досудебного производства о производстве процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, в том числе о заключении обвиняемого под стражу, или рассматривавшего жалобы на действия и решения прокурора, следователя, дознавателя, рассмотреть уголовное дело по существу в случае его поступления в суд. Такой подход к урегулированию столь существенного вопроса вряд ли обоснован. Думается, что, закрепив такое правило, законодатель преследовал в большей степени не цель повышения эффективности правосудия, которая немыслима без подлинной реализации беспристрастности и независимости судей, а цель экономии материальных и кадровых ресурсов, поскольку понятно, что иное решение этого вопроса повлекло бы непосильные для нашего государства затраты на расширение судейского корпуса.

Особо острой и актуальной как с нравственной, так и правовой точек зрения в последние годы стала проблема ответственности судей за результаты своей деятельности. При этом никем не оспаривается положение о том, что судья несет моральную ответственность за правильность принятых им решений перед обществом, лицами, участвующими в производстве по делу, и, наконец, перед своей совестью, а в случаях, предусмотренных законом, – и правовую ответственность, уголовную за совершение преступления против правосудия или дисциплинарную – за нарушение законности, совершение порочащего поступка¹⁴.

Однако суть проблемы в том, что одни авторы в дополнение к указанным основаниям ответственности судей предлагают расширить ее пределы, в том числе за принятые решения¹⁵, а другие – наоборот, полностью освободить их от всякой ответственности, чтобы обеспечить действительно их независимость¹⁶. Вторая точка зрения нашла одобрение у авторов Концепции судебной реформы в Российской Федерации, считающих, что «принцип ответственности судей за собственные решения играет скорее негативную роль... начальственная критика за допущенную

¹⁴ См.: Настольная книга судьи. С. 83–87.

¹⁵ См.: Коврига З. Ф. Нравственно-правовая ответственность судьи за нарушение закона при отправлении правосудия // Юрид. записки. Вып. 1 : Проблемы судебной реформы. Воронеж, 1994. С. 42–49.

¹⁶ См.: Бобров М. Становление судебной власти // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 7. С. 20 ; Мельников С. Дела судейские // Советская юстиция. 1991. № 11. С. 1.

ошибку или даже простое взятие на учет добросовестных заблуждений судьи или случаев несовпадения его позиции с мнением вышестоящей инстанции, отнюдь не способствует его раскрепощенности»¹⁷.

Следует согласиться с утверждением А. С. Кобликова о том, что судья – это «человек со всеми его достоинствами, недостатками интеллектуального, психологического, нравственного плана. Как и каждый человек, судья (выполняя к тому же трудные и сложные обязанности) может ошибиться при оценке доказательств, а следовательно, и при разрешении дела»¹⁸. Однако это не оправдывает его и не снимает ответственность за судебные ошибки. Поэтому прав и М. С. Строгович, считавший, что «...право на ошибку ниоткуда не вытекает ни в юридическом, ни в этическом отношении. Судебные ошибки были, имеются сейчас и с их возможностью приходится считаться в будущем. Но права судей на ошибку, равно как и право на ошибку следователей и прокуроров при расследовании и разрешении уголовных дел не существует, такого права не было раньше, нет сейчас и не будет в дальнейшем. Судебная ошибка – это всегда нарушение законности. У кого же и когда есть «право» нарушать законность! «Право на ошибку» в уголовном процессе – это аморальное, безнравственное представление, и оно может породить только дальнейшие нарушения законности и нравственности»¹⁹. Таким образом, проблема привлечения судей к дисциплинарной ответственности не разрешится, пока не будут выработаны критерии разграничения судебной ошибки и правонарушения²⁰.

Таким образом, сегодня, в период формирования в России качественно новой системы правосудия, подлинно независимой и авторитетной, на основе изменившихся социально обусловленных нравственных ориентиров, проблема нравственных начал осуществления правосудия по уголовным делам остается острой.

¹⁷ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М., 1992. С. 25.

¹⁸ Кобликов А. С. Указ. соч. С. 70.

¹⁹ Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. С. 88.

²⁰ См. подробнее по данному вопросу: Радутная Н. Покушение на неприкосновенность судьи // Рос. юстиция. 2001. № 12. С. 11–12; Подкопаев С. В. Дисциплинарная ответственность судей: да или нет? // Рос. судья. 2001. № 4. С. 21–22; Ширванов А. А. Понятие ошибки в уголовном судопроизводстве и ее отличие от правонарушения // Рос. следователь. 2005. № 7. С. 8–12; Аулов В. К., Туганов Ю. Н. Правовые проблемы дисциплинарной ответственности судей в РФ // Рос. судья. 2010. № 2. С. 10–15; Карякин Е. А. Феномен «судебной ошибки» в уголовно-процессуальной деятельности суда // Рос. юстиция. 2011. № 2. С. 53–57; Терехин В. А. Судейский иммунитет: проблемы теории, законодательства и практики // Там же. № 5. С. 34–39; Ермошин Г. Т. Ответственность судьи (часть 1) // Рос. судья. 2013. № 8. С. 32–34; Его же. Ответственность судьи: теоретический и практический аспекты // Там же. 2014. № 4. С. 34–38; Клеандров М. И. Дисциплинарный проступок судьи – что это такое сегодня? // Там же. № 6. С. 6–10; Быков В. М., Манова Н. С. Включает ли в себя независимость судей право на судебную ошибку? // Там же. 2017. № 4. С. 41–43.

Юго-Западный государственный университет

Рябинина Т. К., кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики

South-West State University

Ryabinina T. K., Candidate of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminal Process and Criminalistics

E-mail: tatyanakimovna-r@yandex.ru

МЕХАНИЗМ ПРИМЕНЕНИЯ КОДЕКСА СУДЕЙСКОЙ ЭТИКИ НУЖДАЕТСЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ

Предлагается внести изменения в законодательство, регулирующее деятельность судей. Делается акцент на развитии уголовно-процессуальных отношений. При этом отмечая высокий уровень документа, автор не может найти объяснения отсутствию в нем или в специальном законе механизмов контроля за исполнением судьями этических норм.

К л ю ч е в ы е с л о в а: справедливое судебное разбирательство, судья, независимость судей, правосудие.

THE MECHANISM OF APPLICATION OF THE CODE OF JUDICIAL ETHICS NEEDS TO BE IMPROVED

In the article, based on the author's analysis of philosophical and legal grounds for the idea of codes of ethics for civil servants, it is proposed to amend the legislation regulating the activities of judges. The emphasis is on the development of criminal procedure relations. At the same time, noting the high level of the document, the author can not find an explanation for the absence in him or in a special law of mechanisms for monitoring the performance of ethical standards by judges.

K e y w o r d s: fair trial, judge, independence of judges, justice.

Поступила в редакцию 11 сентября 2017 г.

Достаточно сложно рассуждать о нравственности в сфере формализованных правоотношений. У правоприменителя есть склонность к использованию штампов при рассмотрении случаев нарушения служебной этики. Это положение особенно опасно в ситуации регулирования деятельности наиболее ответственной категории чиновников – судей.

Еще А. Ф. Кони говорил, что у судей в основе их профессиональных навыков должно лежать не рутинное отношение к повседневной работе, а нравственные начала их развитой личности¹.

Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»² (далее – Закон о статусе судей, Закон), Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержат множество норм, позволяющих при необходимости уходить от скрупулезного разбирательства фактов нарушения норм судейской этики.

Речь идет о ссылках на конституционно охраняемые положения, защищающие независимость судебной власти.

К примеру, ст. 9 Закона о статусе судей вслед за Конституцией РФ (ст. 120) устанавливает гарантии их независимости, предполагающие среди прочего недопустимость вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия.

В свою очередь, в ст. 8.1 УПК РФ также провозглашается принцип независимости судей в контексте такого порядка судопроизводства, при котором судьи рассматривают и разрешают уголовные дела в условиях, исключающих постороннее воздействие на них.

¹ См.: Кони А. Ф. Закон и справедливость : статьи и речи. М., 2013. С. 19.

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Тимошенко А. А., 2017

Действительно, принцип независимости судей является одним из способов обеспечения реализации права каждого на справедливое судебное разбирательство.

Обратное привело бы к превращению суда в обычный административный (контролирующий) орган, лишило бы возможности установить обстоятельства содеянного, выслушав свободно и беспристрастно позицию стороны защиты.

На наш взгляд, именно в судебном порядке рассмотрения и разрешения уголовных дел наиболее ценным является возможность стороны защиты представлять и исследовать доказательства, свободно обжаловать решение суда.

Одновременно с этим законодатель не превратил принцип невмешательства в деятельность судьи в принцип вседозволенности: свобода собственного усмотрения ограничивается необходимостью соблюдать предписания закона. Однако закон может быть истолкован со своими нюансами всякий раз по-разному. Подтверждением тому являются факты многократной отмены решений судов первой инстанции в апелляционном, надзорном и кассационном порядке.

В этих условиях у судьи может возникнуть чувство вседозволенности, развитие которого может привести к очень плачевным последствиям.

Одной из фундаментальных гарантий надлежащего качества правосудия, на наш взгляд, является принятие и внедрение в жизнь Кодекса судейской этики (далее – Кодекс)³.

Это как раз тот случай, когда нормы нравственности, в надлежащем качестве вовлеченные в норму права, способствуют реализации целей многих отраслей права, так как именно судья является проводником воли законодателя в конкретных правоотношениях.

Переоценить уровень и значимость формулировок данного акта достаточно сложно. Стоит назвать лишь отдельные из них, чтобы убедиться в необходимости обеспечения неукоснительного соблюдения Кодекса судейской этики каждым судьей:

– Кодекс основывается на высоких нравственно-этических требованиях, международных стандартах в сфере правосудия и поведения судей (ст. 1);

– судья должен следовать общепринятым принципам нравственно-этического поведения в обществе (ст. 2);

– соблюдение Кодекса должно быть внутренним убеждением судьи (ст. 4);

– судья не вправе уклоняться от рассмотрения поступивших к нему заявлений, ходатайств и жалоб или иным образом отказываться от исполнения своих профессиональных обязанностей, за исключением случаев, требующих заявления самоотвода (ст. 5);

– судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи (ст. 6);

– судья обязан проявлять корректность в обращениях с гражданами (ст. 10);

– судья должен принимать меры, направленные на обеспечение права каждого на справедливое судебное разбирательство в разумный срок; должным образом организовывать и проводить судебные заседания, не допуская назначения рассмотрения нескольких дел на одно и то же время, неоднократных и безосновательных отложений судебных разбирательств, в том числе в связи с их ненадлежащей подготовкой (ст. 11);

– председатель суда (заместитель председателя суда) при осуществлении организационно-распорядительных полномочий не вправе допускать действия (бездействия), ограничивающие независимость судей, оказывать давление на них, а также

³ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

использовать иные методы административного воздействия, имеющие целью повлиять на деятельность судей по отправлению правосудия (ст. 12).

Как видим, при четком следовании приведенным требованиям необходимости ставить вопрос о реформе судебной системы не возникало бы⁴.

На наш взгляд, в первую очередь необходимо обеспечить механизм наибольшей нормативизации Кодекса судейской этики, что предполагает установление четких механизмов контроля за его соблюдением каждым представителем судейского сообщества.

В настоящее время нарушение любого положения Кодекса судейской этики или Закона о статусе судей влечет привлечение судьи к дисциплинарной ответственности, вплоть до досрочного прекращения полномочий (ст. 12.1 Закона). Между тем четких механизмов реализации названных положений не установлено.

Логичным выглядит *институционализация* порядка рассмотрения претензий этического плана к судьям. К примеру, М. И. Клеандров называет в качестве одного из механизмов внедрения этических норм использование института отводов, а именно установления обязанности судьи не только заявлять самоотвод, но и в сложных случаях обращаться в комиссию по этике соответствующего совета судей.

Однако самоотвода судьи здесь будет явно недостаточно.

При наличии умысла к сознательному нарушению этических норм у недобросовестного судьи может возобладать стремление скрыть свой нелицеприятный поступок. Поэтому стоит порекомендовать введение должности администратора суда, в задачу которого будет входить беспристрастная фиксация деятельности судей. Администратор должен быть независимым от председателя и подчиняться системе Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Заседания комиссий по этике должны проходить на постоянной основе с привлечением к работе специально созданного аппарата.

Необходимая информация о деятельности судей должна пополняться путем изучения камер видеонаблюдения, размещенных в зданиях судов (за исключением личных кабинетов судей и совещательных комнат), а также за счет мониторинга средств массовой информации, социальных сетей.

Таким образом, поиск причин введения кодексов профессиональной этики показал, что основной их задачей является создание дополнительных способов привлечения чиновников к дисциплинарной ответственности даже за невинное поведение⁵.

Следовательно, установление дополнительных действенных ограничений для высшей категории чиновников – судей – жизненно необходимо.

⁴ См., например: Корня А., Прокопенко А. Эксперты Алексея Кудрина готовят для Кремля план судебной реформы // Ведомости. 2017. 13 марта.

⁵ См.: Тимошенко А. А. Институт следственных судей с позиции теории «меньшего зла» // Рос. журнал правовых исследований. 2015. № 4(5). С. 131–136.

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Тимошенко А. А., кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры организации и управления в органах прокуратуры

Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

Timoshenko A. A., Candidate of Legal Sciences,

Associate Professor, Professor

Department of Organization and Management in the Prosecutor's Office

E-mail: antim1@yandex.ru

УДК 378.14

Е. В. Сазонникова

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ ИЗЛОЖЕНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА О ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ (ОЧЕРК О СТАТЬЕ В. А. ПАНЮШКИНА)

Статья написана в дань памяти декану юридического факультета ВГУ в 1987–2015 гг., видному ученому-правоведу и педагогу Валентину Анатольевичу Панюшкину. Показаны научно-практические взгляды В. А. Панюшкина на методику изложения и преподавания учебного материала о правоохранительных органах, представленные им в статье «Особенности методики изложения учебного материала о правоохранительных органах».

К л ю ч е в ы е с л о в а: В. А. Панюшкин, правоохранительные органы, методика преподавания, обучение, право.

PECULIARITIES OF THE METHOD OF THE SUMMARY EDUCATIONAL MATERIAL ON LAW ENFORCEMENT AGENCIES (OCTOBER OF ARTICLE V. A. PANYUSHKIN)

The article is written in tribute to the dean of the law faculty of the VSU in 1987-2015, a prominent law scientist and teacher Valentin Anatolyevich Panyushkin. V. A. Panyushkin's scientific and practical views on the methodology of presentation and teaching of educational material on law enforcement bodies, presented to them in the article «Features of the methodology for presenting educational material on law enforcement agencies».

К e y w o r d s: V. A. Panyushkin, law enforcement agencies, methods of teaching, training, law.

Поступила в редакцию 1 ноября 2017 г.

В 1988 г. вышла в свет научная статья В. А. Панюшкина «Особенности методики изложения учебного материала о правоохранительных органах»¹ о специфике преподавания в учебном курсе «Советское право» темы, посвященной организации и деятельности правоохранительных органов. Статья была опубликована в межвузовском сборнике научных трудов «Методика преподавания курса советского права в вузе», который освещал разнообразные проблемы правовой подготовки на неюридических факультетах вузов.

В указанной статье В. А. Панюшкин раскрывает следующие вопросы: причины особого места в курсе «Советское право» темы о правоохранительных органах; трудности, с которыми сопряжено изучение темы о правоохранительных органах; особенности изложения лекций и проведения семинарских занятий о правоохранительных органах; направления применения технических средств в обучении.

¹ См.: Особенности методики изложения учебного материала о правоохранительных органах // Методика преподавания курса советского права в вузе / отв. ред. В. С. Основин. Воронеж, 1988. С. 162–171.

Методика изложения учебного материала о правоохранительных органах по В. А. Панюшкину. Обратим внимание на ключевые, по нашему мнению, положения данной научной статьи.

Первое. Важность знаний об организации и деятельности правоохранительных органов ученый связывает с тем, что «необходимость обращения в тот или иной орган, возможность вовлечения в сферу их деятельности может возникнуть у любого гражданина, причем по самым различным основаниям»².

Второе. В статье уделено внимание трудностям, с которыми сопряжено изучение темы о правоохранительных органах:

– речь идет не об одной отрасли права, а о целом комплексе отраслей, определяющих организацию и деятельность правоохранительных органов;

– велико число нормативно-правовых актов, требующих изучения; постоянно обновляется законодательство; быстро устаревают материалы, представленный в учебниках;

– многообразны правоохранительные органы и, как следствие, многообразны вопросы, связанные с деятельностью правоохранительных органов;

– острый дефицит учебного аудиторного времени³.

Третье. В статье даны конкретные рекомендации, направленные на совершенствование изучения темы о правоохранительных органах.

Сделано предложение шире применять проблемное обучение: «...отсутствие однозначного ответа на рассматриваемый вопрос, в том числе в законодательстве, ставит студентов перед необходимостью самостоятельного поиска приемлемого решения». Одновременно уточнено, что «не следует чрезмерно увлекаться проблемным изложением, поскольку в юридической науке многие из таких вопросов связаны с критическим анализом действующего законодательства... В результате у студентов может сложиться нигилистическое отношение к закону, что недопустимо»⁴.

Предложено на семинарских или, как сейчас называется, практических занятиях обсуждать три типа задач: задачи-казусы из правоохранительной практики; программированные задания, в которых важно обосновать как правильность избранного решения, так и ошибочность других решений; проблемные задачи, имеющие целью содействовать появлению у студентов познавательного интереса⁵.

Показана целесообразность использования в учебном процессе технических средств обучения для ознакомления с учебным материалом и контроля знаний⁶.

Уделено внимание связи учебных занятий и с практикой правоохранительных органов, которая может быть обеспечена разными способами: использование статических и социологических данных, посещение правоохранительных органов, приглашение практических работников в вуз для чтения лекций, учет студенческого опыта участия в правоохранительной деятельности и др.⁷

Четвертое. Обращает на себя внимание, что вызовы, с которыми приходится сталкиваться российскому юридическому образованию в обеспечении обучения правоохранительной деятельности, во многом схожи с теми, которые были в со-

² Панюшкин В. А. Указ. соч. С. 162.

³ См.: Там же. С. 164.

⁴ Там же. С. 165.

⁵ См.: Там же. С. 166.

⁶ См.: Там же. С. 167.

⁷ См.: Там же.

ветское время. В современной лексике применительно к описываемым процессам нет слов «буржуазный», «социалистический», «советский». Но проблема, которую поднял В. А. Панюшкин, злободневна: «...современный этап общественного развития характеризуется значительным обострением идеологической борьбы», а право и законность, органы уголовной юстиции – «объект постоянных нападков со стороны буржуазных ученых»⁸. Мы и сегодня наблюдаем примеры, аналогичные тому, как «беспардонная ложь и клевета, попытки фальсифицировать ход и результаты судебных процессов в нашей стране – все используется для того, чтобы подорвать доверие к социалистическому правосудию, посеять сомнение в справедливости принимаемых судом и другими правоохранительными органами решений»⁹.

В. А. Панюшкин прав и в том, что «не следует рисовать студентам идеалистическую картину состояния работы правоохранительных органов, необходимо акцентировать внимание на тех трудностях и недостатках, которые имеются в правоохранительной практике»¹⁰.

Статья «Особенности методики изложения учебного материала о правоохранительных органах» написана В. А. Панюшкиным более двадцати лет назад. Однако сформулированные в статье научно-методические и научно-практические мысли важны, потому что сегодня, как и в прошлые годы, «потребность в профессиональной юридической помощи в условиях быстро меняющегося и усложняющегося законодательства постоянно возрастает»¹¹.

Авторская концепция методики преподавания была не только внедрена В. А. Панюшкиным в его личной педагогической практике, но и оказала существенное влияние на развитие научно-методических представлений о преподавании курса «Правоохранительные органы» и иных дисциплин, где в той или иной мере изучается тематика правоохранительной деятельности.

⁸ Панюшкин В. А. Указ. соч. С. 163.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 165.

¹¹ Там же. С. 171.

Воронежский государственный университет

Сазонникова Е. В., доктор юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права

Voronezh State University

Sazonnikova E. V., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor of the Constitutional and Municipal Law Department

E-mail: sazon75@mail.ru

Tel.: 8 (473) 2-208-378

II Всероссийский конкурс научных работ обучающихся, посвященный памяти профессора Л. Д. Кокорева «Профессиональная этика юриста – 2017»

ИТОГИ II ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА НАУЧНЫХ РАБОТ ОБУЧАЮЩИХСЯ,
ПОСВЯЩЕННОГО ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Л. Д. КОКОРЕВА
«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ЮРИСТА – 2017»

Победители конкурса в номинации «Общие проблемы профессиональной этики юриста»

Жюри – кафедра организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета.

I место

Кулинич Владислава Павловна (Воронежский государственный университет)
Тема научной работы «Нравственность и человечность в законотворчестве»

II место

Рожкова Анна Андреевна (Воронежский государственный университет)
Тема научной работы «Нравственный образ адвоката в художественной литературе»

III место

Колчева Алена Владимировна (Воронежский государственный университет)
Тема научной работы «Влияние образовательного процесса на развитие нравственных качеств будущих юристов»

Победители конкурса в номинации «Этика сотрудников правоохранительных органов»

Жюри – кафедра организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета.

I место

Викулина Наталья Викторовна (Воронежский государственный университет)
Тема научной работы «Нравственно-правовые основы деятельности следователя в уголовном судопроизводстве»

II место

Катинский Владислав Геннадьевич (Воронежский государственный университет)
Тема научной работы «Взаимоотношения между прокурорскими работниками: пять правил поведения»

III место

Ребрикова Анастасия Николаевна (Воронежский государственный университет)
Тема научной работы «Нравственные аспекты формирования личностных и профессиональных качеств сотрудников органов внутренних дел»

Победители конкурса в номинации «Этика в уголовном процессе»

Жюри – кафедра уголовного процесса Воронежского государственного университета.

I место

Азаров Алексей Петрович (Воронежский государственный университет)
Тема научной работы «Этические основы досудебного соглашения о сотрудничестве»

II место

Лазарева Екатерина Андреевна (Нижегородская академия МВД России, факультет подготовки оперативного состава подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции)

Тема научной работы «Этические основы экспертной деятельности в уголовном процессе»

III место

Бучнева Мария Александровна (Воронежский государственный университет)

Тема научной работы «Нравственность присяжных»

**Победители конкурса в номинации
«Судейская этика»**

Жюри – кафедра организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета.

I место

Соловьева Полина Викторовна (Институт права Волгоградского государственного университета)

Тема научной работы «Соотношение профессионализма судьи и его нравственно-моральных качеств или профессионализм судьи как профессионально-нравственное качество?»

II место

Сотникова Елена Николаевна (Воронежский государственный университет)

Тема научной работы «Внутреннее убеждение судьи при оценке доказательств по уголовному делу»

III место

Цурганова Татьяна Дмитриевна (Воронежский государственный университет)

Тема научной работы «К вопросу о проблемах соблюдения этических требований судьей при рассмотрении административных дел»

**Победители конкурса в номинации
«Профессиональная юридическая этика и СМИ»**

Жюри – кафедра организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета.

I место

Лемешев Кирилл Александрович (Саратовская государственная юридическая академия, Институт юстиции)

Тема научной работы «Этические аспекты размещения информации о суициде в средствах массовой информации»

II место

Семенов Артур Викторович (Воронежский государственный университет)

Тема научной работы «Взаимодействия суда со СМИ»

**Победители конкурса в номинации
«Адвокатская этика»**

Жюри – кафедра уголовного процесса Воронежского государственного университета.

I место

Бобылев Сергей Русланович (Воронежский государственный университет)

Тема научной работы «К вопросу о соотношении адвокатской этики и профессиональных стандартов поведения адвоката»

II место

Никитина Екатерина Игоревна (Воронежский государственный университет)
Тема научной работы «Этические аспекты участия в уголовном судопроизводстве адвоката по назначению»

III место

Бовина Ксения Владимировна, Чеботарев Александр Викторович (Воронежский государственный университет)

Тема научной работы «Этическая проблема защиты адвокатом обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений»

Победители конкурса в номинации

«Профессиональная этика в гражданско-правовых и гражданских процессуальных отношениях»

Жюри – кафедра уголовного процесса Воронежского государственного университета.

I место

Касьянова Марина Николаевна (Воронежский государственный университет)
Тема научной работы «Профессиональная этика патентных поверенных»

II место

Зиньковский Никита Игоревич (Воронежский государственный университет)
Тема научной работы «Соотношение этических основ деятельности адвоката и медиатора»

III место

Заздравных Денис Владимирович (Воронежский государственный университет)
Тема научной работы «Проблемы применения Кодекса профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации»

Лауреаты конкурса научных работ обучающихся, посвященного памяти профессора Л. Д. Кокорева «Профессиональная этика юриста – 2017»

Андреева Кристина Денисова (Байкальский государственный университет).

Весельева Наталья Васильевна (Воронежский государственный университет).

Доровских Яна Игоревна (Воронежский государственный университет).

Кириченко Владислав Сергеевич (Кубанский государственный университет в г. Тихорецке).

Козлова Анастасия Александровна (Воронежский государственный университет).

Курдюков Иван Михайлович (Воронежский государственный университет).

Мельников Павел Дмитриевич (Воронежский государственный университет).

Падалкина Наталья Витальевна (Воронежский государственный университет).

Пищулина Анна Андреевна (Кубанский государственный университет в г. Тихорецке).

Снеговская Марина Андреевна (Воронежский государственный университет).

Соловьева Ульяна Михайловна (Воронежский государственный университет).

Стрелкова Светлана Вадимовна (Воронежский государственный университет).

Титова Екатерина Алексеевна (Воронежский государственный университет).

Топчиева Ольга Дмитриевна (Воронежский государственный университет).

Деканат юридического факультета Воронежского государственного университета выражает благодарность следующим научным руководителям конкурсантов за профессиональное мастерство в теоретической подготовке научных работ и раскрытии творческих способностей у студенчества:

Астафьеву А. Ю., кандидату юридических наук, доценту кафедры уголовного процесса Воронежского государственного университета.

Афанасьеву А. Ю., адъюнкту факультета подготовки оперативного состава подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции Нижегородской академии МВД России.

Ефановой В. А., кандидату юридических наук, доценту кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета.

Зотову Д. В., кандидату юридических наук, заведующему кафедрой организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета.

Михайловой Ю. Н., кандидату юридических наук, доценту кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии.

Носыревой Е. И., доктору юридических наук, профессору, заведующему кафедрой гражданского права и процесса Воронежского государственного университета.

Панько Н. К., кандидату юридических наук, доценту кафедры уголовного процесса Воронежского государственного университета.

Понариной Н. Н., доктору юридических наук, профессору кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Кубанского государственного университета в г. Тихорецке.

Сергеевой О. С., ассистенту кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета.

Сирик М. С., кандидату юридических наук, доценту, заведующему кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Кубанского государственного университета в г. Тихорецке.

Стародубовой Г. В., кандидату юридических наук, и. о. заведующего кафедрой уголовного процесса Воронежского государственного университета.

Шинкарук В. М., кандидату юридических наук, доценту кафедры уголовного процесса и криминалистики Волгоградского государственного университета.

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Поступила в редакцию 11 сентября 2017 г.

Недавно в отечественном уголовном процессе были приняты правовые институты, которые не типичны для российского уголовного судопроизводства. Характеризуя данный этап, Ю. В. Астафьев отмечал, что «если ранее речь шла о коррекции отдельных положений УПК РФ, совершенствовании понятийного аппарата, введении дополнительных гарантий прав участников процесса, то последние несколько лет вводятся целые институты, не имевшие аналогов в российском уголовном процессе»¹. Действительно, были заимствованы и предварительное слушание, и примирительные процедуры по делам небольшой и средней тяжести, и другие, в частности Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации² (далее – УПК РФ) была введена глава 40.1, которая закрепила особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

В чем сущность и назначение данного института? Что это для российского уголовного процесса: зло или благо? Без ответа на эти вопросы дальше двигаться нельзя.

Не вдаваясь в глубокий анализ данного правового института, остановимся на некоторых ключевых моментах. Согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ под досудебным соглашением о сотрудничестве понимается соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого и обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. Цель этого нововведения состоит в том, чтобы оказать содействие правоохранительным органам в борьбе с организованной преступностью, преступлениями коррупционной направленности и т. п. Ведь в условиях роста организованной преступности и усложнения форм криминального поведения необходимо признать, что для правоохранительных органов возможность привлекать к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, является серьезным подспорьем для эффективного расследования подобных преступлений. Безусловно, такое содействие не может быть «безвозмездным», оно требует взаимного предоставления, а именно уменьшения меры уголовного наказания и обеспечения государственной защиты.

Вместе с тем в юридическом сообществе разворачивается оживленная дискуссия относительно необходимости существования рассматриваемого института в российском уголовном процессе. Так, В. С. Джатиев утверждает, что «особый порядок судопроизводства в связи с досудебным соглашением о сотрудничестве является неуклюжим прикрытием... общественно опасной практики «торгов» государства с обвиняемым (подозреваемым) по поводу того, в совершении каких преступлений об-

¹ Астафьев Ю. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве : законодательные новеллы и практические проблемы // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2009. № 2. С. 356.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ с изм. и доп. на 03.04.2017 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921 ; 2017. № 15 (ч. 1). Ст. 2135.

виняемый на выгодных для себя условиях может признать себя виновным, «сдать» своих поделщиков и за совершение каких преступлений государство обязуется не преследовать это же лицо, обещая ему существенное снисхождение при назначении наказания»³. Противоположного мнения придерживается О. Я. Баев, который, указывая на необходимость и сложность выявления интеллектуальных соучастников преступления, пишет, что «без показаний о них других соучастников, как уже избличенных в своей причастности к совершению расследуемого преступления и поэтому считающих необходимым для себя дать такие показания, так и «простимулированных к сотрудничеству с органами и лицами, осуществляющими уголовное преследование, это практически невозможно»⁴. Представляется, что данная позиция более верная, поскольку наличие возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве побуждает лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, к активному сотрудничеству с органами предварительного расследования в целях выявления и избличения лиц, совершивших преступления, и розыска имущества, добытого преступным путем. Кроме того, необходимо заметить, что заключение подобной сделки является неким компромиссом, достигнутым и профессиональными участниками уголовного процесса, в рамках которого цели своей деятельности достигает, с одной стороны, следователь и прокурор, а с другой – адвокат.

Являясь эффективным процессуальным механизмом, досудебное соглашение о сотрудничестве требует анализа не только с точки зрения качества законодательного закрепления, но и соответствия этическим догмам. Данный институт в случае оценки с таких позиций вызывает значительное число вопросов как теоретического, так и практического плана, однако наиболее проблемные, как видится, следующие аспекты.

1. Подозреваемый (обвиняемый) в целях смягчения ответственности путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве дает заведомо ложные показания, в соответствии с которыми перекладывает груз ответственности за совершенные им деяния на плечи другого соучастника. С точки зрения позитивного права действия данного лица состав преступления, предусмотренный ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации⁵, не образуют, поскольку подозреваемый (обвиняемый) использует важнейший элемент своего правового статуса – право на защиту. Таким образом, разрешение приведенной ситуации должно происходить с позиций нравственности, морали. Думается, что в подобной ситуации определенная этическая обязанность лежит на защитнике. Как отмечает О. А. Тертышная, «адвокат-защитник должен приложить максимум усилий, чтобы объяснить своему доверителю аморальность его поведения»⁶. К сожалению, далеко не всегда это влечет за собой положительный эффект. В таком случае защитник должен руководствоваться положениями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

³ Джатиев В. С. Об актуальности исследования современных проблем уголовно-процессуальной политики государства // Современная уголовно-процессуальная политика государства. Владикавказ, 2009. С. 7–8.

⁴ Баев О. Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве : среди мифов и рифов // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы) : материалы науч.-практ. конф. Воронеж, 2010. С. 51.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ с изм. и доп. на 03.04.2017 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954 ; 2017. № 15 (ч. 1). Ст. 2135.

⁶ Тертышная О. А. Некоторые этические проблемы, возникающие при осуществлении адвокатом защиты прав подозреваемого (обвиняемого) при заключении и последующей реализации досудебного соглашения о сотрудничестве // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 212.

Российской Федерации»⁷, в соответствии с которыми адвокат не вправе занимать позицию вопреки воле своего доверителя (за исключением самооговора), а также отказаться от принятой на себя защиты (п. 3, 6 ч. 4 ст. 6).

2. Согласно ст. 317.3 УПК РФ досудебное соглашение о сотрудничестве составляется прокурором с участием следователя, подозреваемого или обвиняемого и его защитника. Примечательно, что законодатель совершенно не упоминает о потерпевшем при регламентации рассматриваемого института, тем самым совершенно не учитывая социальное предназначение уголовного процесса в обществе. Таким образом, получается, что интересы лица, которому преступлением причинен физический, имущественный и моральный вред (речь идет только о физическом лице), отходят на второй план перед нуждами расследования. Подобный подход был бы оправданным во время действия УПК РСФСР 1960 г., в ст. 2 которого основной задачей уголовного судопроизводства значилось быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона. Однако действующий УПК РФ несколько сместил приоритеты. В ст. 6 закреплено, что назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений. Законодатель, не упоминая о потерпевшем в главе 40.1 УПК РФ, лишает его возможности высказать свое мнение относительно факта заключения и содержания соглашения, иным образом участвовать в этой процедуре. Справедливо ли такое ограничение его прав? Полагаем, что нет. В этике под справедливостью понимается «такое положение вещей, которое рассматривается как должное, отвечающее представлениям о сущности человека, его неотъемлемых правах, исходящее из признания равенства между всеми людьми и необходимости соответствия между деянием и воздаянием за добро и зло, практической ролью разных людей и их социальным положением, правами и обязанностями, заслугами и их признанием»⁸. Как отмечает Г. А. Васильева, несправедливость проявляется «там, где человек принижен, его права и достоинство не обеспечены, между людьми нет равенства, а блага, воздаяние за добро и зло распределяются непропорционально»⁹. Думается, лишение потерпевшего возможности выразить свою позицию относительно условий ответственности обидчика противоречит принципу справедливости, который является одним из исходных положений уголовного закона. Безусловно, деятельность по расследованию преступлений, изобличению виновных и разрешению уголовно-правового спора носит публичный характер, нацелена на решение общественно значимых задач. Однако ни в коем случае нельзя забывать о том, кому преступлением непосредственно причинен вред. Уголовное право, охраняя общественные отношения в той или иной сфере жизни людей, не игнорирует интересы отдельных лиц, пострадавших от преступлений, а уголовный процесс, в свою очередь, предоставляет потерпевшему выразить свое мнение относительно происходящих в рамках производства по уголовному делу событий. В связи с этим назревает необходимость включения в ст. 317.2 УПК РФ положения о том, что прокурор должен разъяснить потерпевшему сущность и правовые последствия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, а также выяснить мнение относительно применения особого порядка принятия судебного решения, закрепляя его в письменной форме для дальнейшего представления в суд.

⁷ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2002 г. с изм. и доп. на 02.06.2016 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102 ; 2016. № 23. Ст. 3284.

⁸ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 650.

⁹ Васильева Г. А. Профессиональная этика юриста. Челябинск, 2005. С. 24.

3. Обратим внимание еще на один немаловажный момент. Согласно ст. 317.1 УПК РФ ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подается подозреваемым или обвиняемым в письменном виде на имя прокурора через следователя, у которого есть возможность отказать в удовлетворении соответствующего прошения. Данное решение может быть обжаловано лишь руководителю следственного органа. Таким образом, вполне реально возникновение ситуации, когда обращение не дойдет до своего адресата. Особую актуальность данная проблема приобретает, если учесть, что в рамках предварительного расследования в подавляющем большинстве случаев наблюдается конфликт между стороной обвинения и защиты, следователем и подозреваемым (обвиняемым). Как отмечает О. Я. Баев, «осознанная несовместимость интересов как личных, так и общественных участников уголовного судопроизводства и (или) средств их достижения является логическим и эмоциональным фактором, обуславливающим возможное возникновение конфликтов в уголовном судопроизводстве в целом и в деятельности следователя в частности, в форму которых облекаются единство и борьба противоположностей, составляющих социальное диалектическое противоречие»¹⁰. Подозреваемый (обвиняемый), решив облегчить свою участь путем содействия расследованию, обращается к прокурору, которого воспринимает как независимое и объективное должностное лицо, но сталкивается с препятствием в виде следователя, не желающего давать подозреваемому (обвиняемому) и малейшей возможности смягчить наказание и отказывающего в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве путем вынесения соответствующего постановления, которое также не остается без критики в юридической литературе. Так, В. А. Ефанова ставит следующий вопрос: «Почему, если следователь не согласен с заявленным ходатайством о заключении досудебного соглашения, он должен выносить постановление об отказе в удовлетворении данного ходатайства?»¹¹. Действительно, с какой стати следователь должен разрешать вопрос, адресованный иному участнику уголовного процесса? В связи с этим В. А. Ефанова обоснованно предлагает выносить постановление об отказе в поддержании ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, которое подозреваемый (обвиняемый) или защитник смогут обжаловать прокурору¹².

Обозначенные проблемы носят смешанный характер: этический и правовой. Безусловно, для их решения необходим комплексный подход, а не коррекция отдельных законодательных положений. Однако дальнейший анализ и осмысление проблем, связанных с досудебным соглашением о сотрудничестве, могут послужить основой для последующих положительных преобразований.

¹⁰ Баев О. Я. Избранные работы : в 2 т. Воронеж, 2011. Т. 1. С. 153.

¹¹ Ефанова В. А. Прокурор и досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе России // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 170.

¹² См.: Там же.

Воронежский государственный университет

Азаров А. П., студент

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной
деятельности **В. А. Ефанова**

О СООТНОШЕНИИ АДВОКАТСКОЙ ЭТИКИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ПОВЕДЕНИЯ АДВОКАТА

Поступила в редакцию 11 сентября 2017 г.

Ежедневно адвокату приходится сталкиваться со сложными моральными проблемами, для успешного разрешения которых ему необходимо выстраивать линию своего поведения, ориентируясь на положения законодательства, а также правила профессиональной этики.

В подавляющем большинстве случаев, когда ставится вопрос о нормах желательного поведения адвоката, происходит подмена двух ключевых понятий – «профессиональные стандарты поведения» и «этика» в собственном смысле слова, что методологически глубоко неверно.

В своих публичных выступлениях, научных статьях адвокаты высказываются за установление различных взысканий, налагаемых в случае нарушения какой-либо нормы профессиональной этики: исключить, оштрафовать, подвергнуть публичному порицанию и т. д. Однако все предложения адвокатов лежат не в сфере этики, а в сфере профессиональных стандартов деятельности адвоката. Прежде всего, речь идет о системе норм, которым многие адвокаты не следуют, но которым необходимо в императивном порядке заставить их следовать под угрозой привлечения к дисциплинарной ответственности. Таким образом предлагается развивать не этику, а, в первую очередь, профессиональные стандарты деятельности. Однако одной дисциплинарной ответственностью обойтись нельзя.

«Не все то, что не запрещено законом и потому не влечет за собою кары для поверенного вообще, дозвоительно присяжному поверенному», – таково было решение Московского совета присяжных поверенных¹. И это общая формула адвокатской этики, аналогичная той, которая принята спустя сто лет Восьмым конгрессом ООН по предупреждению преступлений: «Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие ответственному участнику правосудия».

Почему многие адвокаты ныне действуют «неэтично»? Ответ, по нашему мнению, предельно прост: потому что они не видят оснований действовать этично. Прежние основания, убеждавшие людей сорок-пятьдесят лет назад, потеряли свою привлекательность. Новые времена требуют новой этики, т. е. новых оснований нравственного поведения. Новая этика должна убеждать адвоката выбирать тот или иной образ действий, чтобы он сам, по собственной воле, руководствуясь собственным разумом, следовал тем или иным нормам. Чтобы он воспринимал эти нормы не как нечто навязываемое ему извне, а как свои собственные.

Задача разработчиков современной адвокатской этики, следовательно, состоит не столько в пересмотре самого состава ее норм, сколько в изучении положения современного адвоката в обществе, его возможностей, мировоззрения, психологии и т. д. Опираясь на эти сведения, следует найти действенные, убедительные основания для тех норм, которые, на самом деле, необходимы не только

¹ Марков А. Н. Правила адвокатской профессии в России. М., 1913.

© Бобылев С. Р., 2017

обществу в целом, не только каждому нуждающемуся в юридической помощи, не только адвокатскому сообществу, но и конкретному адвокату.

Настало время пересмотреть значение категории «адвокатская этика». Адвокатская этика – свободный нравственный выбор адвокатов, основанный на голосе их совести. Следует исходить из того, что у каждого адвоката есть совесть, но не каждый готов прислушаться к ней. Прав был А. Д. Бойков, указавший, что задача профессиональной этики – «не дать готовые рецепты на все случаи жизни, но научить культуре нравственного мышления, дать надежные ориентиры для решения конкретных ситуаций, влиять на формирование нравственных установок у специалиста в соответствии со специфическими требованиями профессии, объяснение и оценку выработанных адвокатской практикой стереотипов поведения в областях, неурегулированных правом»².

Надо понимать, что для возникновения этических проблем в адвокатском сообществе есть свои достаточно объективные причины. Прежде всего, это многообразие и сложность отношений, в которые вступает адвокат при выполнении своих обязанностей. «Адвокат по характеру своей деятельности обязан вращаться в сфере, которая изобилует подводными камнями, совершенно не известными представителям других либеральных профессий»³. Отношения эти не всегда поддаются правовому контролю, нередко их единственным регулятором оказываются нормы нравственности. Вот здесь и возникают проблемы с принятием правильного решения: как выйти из сложившейся ситуации, отстояв права и законные интересы своего доверителя и при этом сохранить свою репутацию? Ведь в большинстве случаев клиента не интересует, каково его дело с нравственной точки зрения и какие средства нужно употребить, чтобы достичь желаемого результата.

В таких ситуациях необходимо помнить, что закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя, а нравственными установками адвоката должны быть объективность, глубокое уважение к закону и интересам правосудия. Очень часто на практике мы сталкиваемся с абсолютно нормальным стремлением любого профессионала, чья деятельность основана на его индивидуальном труде, выделиться, стать более заметным, сделать себе карьеру. В данном случае происходит замена главного мотива деятельности – защиты клиента всеми указанными в законе средствами и способами – на иные мотивы – личное самоутверждение, корысть, желание избежать неудачи любой ценой. Но единственная карьера, доступная адвокату, это завоевание доброго имени и репутации, а средства и способы должны быть не только законными, но морально и нравственно допустимыми.

У адвокатов, отступающих от этого принципа, происходит внутриличностный конфликт: с одной стороны, желание остаться в рамках этического поведения, сохранить свое честное имя, а с другой – выиграть процесс, используя даже сомнительные средства и способы. В данном случае у адвоката появляются психологические способы защиты, которые значительно снижают дискомфорт, вызванный внутриличностным конфликтом: попытка убедить себя в том, что ничего страшного не происходит и в следующем деле он так поступать не будет (вариант успокаивающего самообмана); стремление приписать подобное поведение другим адвокатам («все так поступают»); переключиться на другой объект, не думать о

² Бойков А. Д. *Этика профессиональной защиты по уголовным делам*. М., 1978. С. 2.

³ Васильковский Е. В. *Основные вопросы адвокатской этики // Традиции адвокатской этики. Избранные труды российских и французских адвокатов (IX – начало XX в.) / сост. И. В. Елисеев, Р. Ю. Панкратов*. СПб., 2004.

своем профессионально ущербном поведении. Всё это говорит о том, что защитник должен быть нравственно и психологически устойчивым ко всем отрицательным аспектам адвокатской деятельности, иначе это приведет к профессиональной деформации⁴.

Особый интерес, по нашему мнению, представляют нравственные принципы деятельности адвоката-защитника в уголовном процессе. В юридической литературе предпринимались попытки из множества разрозненных этических рекомендаций, направленных на уголовную защиту, выделить наиболее общие нормы. Известный советский ученый-процессуалист Н. Н. Полянский в связи с этим писал: «Только защита обвиняемого и ни в каком случае не обличение его, правдивость, профессиональная тайна и независимость от подзащитного таковы, на наш взгляд, четыре начала, определяющие поведение адвоката-защитника на суде»⁵. В. Д. Гольдинер к числу наиболее принципиальных вопросов адвокатской этики относил такие, как значение позиции подсудимого для защитника, нравственные проблемы защиты при противоречивых интересах подсудимых, проблемы выбора средств и способов защиты, выбор дел и возможность отказа от поручения⁶.

Многие этические нормы имеют характер правовых предписаний. Так, правила адвокатской этики запрещают адвокату защищать одновременно двух обвиняемых с противоречивыми интересами; разглашать сведения, полученные доверительно от обвиняемого; отказываться от принятой защиты в ходе судебного разбирательства. Все эти этические положения нашли в свое время закрепление в процессуальном законодательстве (п. 3 ч. 6, 7 ст. 49; ч. 2 ст. 53; ч. 3 ст. 56 УПК РФ и др.) и стали общеобязательными. Их соблюдение гарантируется не только принудительной силой права, но и нравственным сознанием защитника.

Однако бывают ситуации, однозначное решение которых невозможно. Обычно они связаны с тактикой защиты и взаимодействием защитника с обвиняемым и другими участниками процесса. В этих случаях важнейшими регуляторами поведения является правовое и нравственное сознание адвоката. Это касается, в частности, пределов процессуальной самостоятельности адвоката при определении правовой позиции, оценки доказательств, выбора тактических средств защиты и т. д.

Рекомендации, которые содержатся в литературе, сводятся к тому, что адвокат, будучи профессиональным юристом, обязан соблюдать требования закона и не вправе использовать средства защиты, которые закону противоречат. Прежде всего, речь идет об использовании заведомо ложных показаний, преднамеренном затягивании процесса, «запутывании» допрашиваемых лиц, вторжении в их личную жизнь с тем, чтобы подорвать доверие к их показаниям и т. д.

На наш взгляд, такие приемы, как преувеличение значения мелких деталей и упущений в показаниях добросовестного свидетеля с целью опорочить его показания в целом не согласуются с нормами профессиональной этики адвоката. Подобного рода защита не достигает цели, напротив, вызывает недоверие к адвокату, компрометирует его, бросает тень на российскую адвокатуру в целом. Умеренность и объективность в приемах защиты и оценке доказательств, интерпретация их совокупности, формирующая выводы по делу и их правовую оценку, – важней-

⁴ См.: *Сергеев В. И., Коробейник В. А.* Адвокатская этика – основа основ адвокатской профессии // *Адвокатская практика.* 2002. № 4.

⁵ *Полянский Н. Н.* Правда и ложь в уголовной защите. М., 1927. С. 35–36.

⁶ См.: *Гольдинер В. Д.* Об этике в деятельности адвоката // *Советское государство и право.* 1965. № 10. С. 95–101.

шее, фундаментальное требование к профессиональным качествам и правовой культуре адвоката.

Еще одной проблемой являются взаимоотношения адвоката с представителями прессы. В последние годы публичные выступления многих адвокатов можно охарактеризовать тотальной свободой, граничащей с безответственностью. Можно уверенно констатировать, что появилась небольшая, но агрессивная группа телевизионных шоу-адвокатов. Без всякой доли стеснения они комментируют в перерывах судебных заседаний показания допрошенных лиц, на что не имеют права, оглашают документы, подменяют тезисы обвинений общими, часто демагогическими рассуждениями о нарушениях прав человека, покушениях правоохранительных органов на такие святыни, как свобода слова и убеждений. Защита охотно позирует в залах аэропорта, на фоне судебных зданий или СИЗО, где содержатся их подзащитные, эмоционально в довольно резких выражениях клеймит возможных оппонентов, оказывая своего рода психологическое давление⁷. Как результат описываемая тактика защиты создает однобокое общественное мнение, что, безусловно, оказывает психологическое воздействие как на обвинение в ходе досудебных стадий уголовного судопроизводства, так и на судей в случае, если дело доходит до судебного разбирательства.

Полагаем очевидным, что только в рамках уголовного судопроизводства адвокат может и должен оценивать доказательства по делу и опровергать обвинение, давая собственную объективную и взвешенную оценку доказательствам. Публичная демагогия, опирающаяся на свободный полет фантазии, сопряженная со спекуляциями на тему о покушении на права человека со стороны коррумпированных правоохранительных органов неуместна с позиций профессиональной этики. Когда же изменяет чувство меры, а нравственность отступает, следует помнить о законе, обеспечивающем независимость суда, уважение к суду, невмешательство в отправлении правосудия.

Таким образом, нравственные установки призваны отражать определенную часть духовных ценностей человека: ими руководствуются не из боязни последствий, а потому, что поступить иначе не позволяет совесть, «закон, живущий внутри нас», по И. Канту. Каждому адвокату необходимо помнить об этом.

⁷ См.: *Бойков А. Д.* Проблемы профессиональной этики адвоката // Адвокат. 2004. № 2. С. 56.

Воронежский государственный университет

Бобылев С. Р., студент

E-mail: intermilan1910@yandex.ru

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса **А. Ю. Астафьев**

НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Поступила в редакцию 8 сентября 2017 г.

Надлежащее качество предварительного расследования во многом обеспечивается уровнем нравственно-правовой культуры следователя. Ключевое значение нравственные принципы приобретают для следователя в том случае, когда правовые нормы не содержат необходимых указаний относительно конкретной ситуации.

Кроме того, следует отметить, что многие нормы УПК РФ, регламентирующие порядок обнаружения, исследования и закрепления доказательственной информации, имеют в своей основе нравственное содержание. Например, в ч. 4 ст. 164 УПК РФ, определяющей общие правила производства следственных действий, установлен запрет на применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц. Таким образом, законодатель устанавливает, что только законные и нравственно допустимые средства и приемы должны быть положены в основу расследования и установления истины по уголовному делу.

Необходимость соблюдения нравственных принципов подчеркивается также в Конституции РФ, в ст. 2 которой провозглашено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Кроме того, в п. 2 ст. 21 Конституции РФ отмечается: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». Данный нравственный принцип, безусловно, относится и к следователю. Например, при получении сравнительных образцов не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство.

Для того чтобы успешно справляться с поставленными задачами, следователь должен обладать соответствующими профессиональными качествами.

В литературе выделяются следующие группы профессионально важных для следователя установок:

- 1) идейные (надлежащий уровень общей и политической культуры, чувство долга и ответственности и др.);
- 2) нравственно-психофизиологические (эмоциональная уравновешенность, тактичность, способность противостоять профессионально деформирующим процессам и др.);
- 3) собственно профессиональные (твердое знание и умение применять закон, наблюдательность, коммуникативность и др.)¹.

¹ См.: *Игнатов С. Д.* Требования, предъявляемые к личности следователя // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: Экономика и право. 2014. № 2. С. 135.

Составной частью психолого-правовой направленности личности следователя является глубокий интерес к своей профессии, понимание им своей работы как дела большого государственного значения. Только такое отношение к профессии способствует формированию чувства долга и ответственности за порученное дело, которые необходимы следователю.

Ввиду большой социальной значимости профессиональной деятельности следователя, к нему предъявляются повышенные требования со стороны общества. Как справедливо отмечалось в литературе, «даже в условиях существующей узкой профессиональной дифференциации следователи относятся к числу наиболее специфических профессиональных групп»². Мораль получает свое «профессиональное опосредование» преимущественно в творческих по своему характеру сферах деятельности³. Работа следователя, безусловно, творческая. Все это позволяет говорить о специфических нравственных требованиях, предъявляемых к ней⁴, о профессиональной морали следователя.

Высокая моральная ответственность – определяющее начало в деятельности всех работников правоохранительных и судебных органов, которые призваны принимать решения по уголовным делам. Ярко и четко обрисовал это качество применительно к судьям А. Ф. Кони: «Судья, решая дело, никогда не имеет ни права, ни нравственного основания говорить: “...я так хочу”. Он должен говорить: “...я не могу иначе, не могу потому, что и логика вещей, и внутреннее чувство, и житейская правда, и смысл закона твердо и неуклонно подсказывают мне мое решение, и против всякого другого заговорит моя совесть как судьи и человека”»⁵.

Практическая реализация данных нравственных начал имеет определенные сложности. Образовательный уровень, психологическая устойчивость, профессиональное мастерство сотрудников проверяются в процессе работы, однако нравственным качествам практически не уделяется такого внимания. Пренебрежительное отношение к моральным принципам в правоохранительной деятельности в уголовном процессе способно подорвать авторитет закона, публичный порядок государства, привести к разочарованию человека в государственных институтах, созданных для защиты его конституционных прав и свобод.

Сложившаяся ситуация, однако, постепенно исправляется, чему способствуют разрабатываемые и принимаемые кодексы профессиональной этики, определяющие нравственные качества сотрудников правоохранительных органов, например утвержденный в 2011 г. Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета РФ, который закрепляет основные принципы, нормы и правила поведения и предусматривает ответственность за их нарушение государственных служащих Следственного комитета РФ. Целью Кодекса является установление основных этических норм и правил поведения государственных служащих в служебной и неслужебной деятельности, а также укрепление авторитета государственных служащих Следственного комитета РФ и доверия к нему граждан.

Нами был проведен опрос граждан Московской области г. Серпухова, не имеющих прямого отношения к сфере уголовного судопроизводства, на предмет

² Михайлов А. И. Научная организация труда следователя. М., 1974. С. 52.

³ См.: Полушин Г. И. Понятие нравственной ценности научной деятельности // Вестник Моск. ун-та. Серия: Философия. 1975. № 5. С. 46.

⁴ См.: Котов Д. П. Психология следователя. Воронеж, 1977. С. 52–53.

⁵ Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. М., 1967. Т. 4. С. 39.

нравственных качеств, которыми, по их мнению, должен обладать следователь. Было опрошено 50 человек.

В результате было выяснено, что на первом месте по значимости стоит порядочность – 94 % ответов; профессионализм и компетентность – 82 %; справедливость – 70 %; честность – 52 %; вежливость – 45 % ответов. В опросных листах содержатся и другие качества, такие как пунктуальность, сдержанность, целеустремленность, любовь к работе.

Нами был также проведен опрос представителей Следственного комитета РФ о том, какими нравственными качествами должен обладать следователь. В отличие от граждан для них на первом месте по значимости стоит профессионализм и компетентность – 98 %; уважительность – 70 %; принципиальность – 40 %; коммуникабельность – 26 %, а также целеустремленность, выдержка, трудолюбие и др.

По нашему мнению, основными качествами следователя в первую очередь должны быть:

– компетентность, так как для правильного применения правовых норм необходимо их знать в совершенстве;

– объективность – как неотъемлемый нравственный принцип, необходимый для того, чтобы следователем были установлены как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства, независимо от его социального, должностного или иного статуса;

– добросовестность – следственная работа предполагает максимальную отдачу собственных сил и возможностей;

– уважительность – следователь должен быть корректен и вежлив;

– уравновешенность – подразумевается спокойная манера поведения следователя в любой ситуации.

Однако, как известно, данным нравственным принципам следуют далеко не всегда, в связи с этим в научной среде высказываются различные мнения, относящиеся к способам и средствам, направленным на предотвращение данной проблемы. Нам импонирует точка зрения Н. В. Филипповой, которая в своей статье предлагает при отборе кандидатов на должность следователей использовать «метод моделирования конфликтных и бесконфликтных ситуаций следственных действий, изучая способ реагирования и действий претендента на ее характер. Учитывая при этом, что степень сдержанности и тактичности кандидата будет определено несколько выше имеющей место в действительности»⁶.

В подобных модельных следственных действиях целесообразно участие наиболее опытных следственных работников. Оценка же должна производиться руководителями следственных органов, которые в случае положительного решения вопроса о трудоустройстве кандидата осуществляли бы контроль его морально-нравственного поведения на службе.

Профессиональное становление следователя, формирование необходимых для этого качеств – это воспитательный процесс, активными участниками которого являются сам следователь, его коллеги и руководители⁷.

Развитие личностных качеств следователя возможно также в процессе самой профессиональной деятельности. Отсутствие повседневной работы над собой влечет профессионально-нравственную деформацию, утрату правовых ориенти-

⁶ Филиппова Н. В. Нравственные начала производства следственных действий // Известия Оренбургского гос. аграрного ун-та. 2011. Т. 1, № 29-1. С. 247.

⁷ См.: Найденов В. В. Советский следователь. М., 1980. С. 65.

ров, а также весьма нежелательные социальные последствия в отношениях внутри коллектива, между органами следствия и населением.

В деятельности следователя такое явление имеет тяжкие последствия, и ошибки одного сотрудника деперсонифицируются в общественном сознании, рассматриваются как недостатки всех сотрудников, порождая соответствующие негативные стереотипы. А. Ф. Кони в связи с этим подчеркивал: «...как бы хороши ни были правила деятельности, они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых и недобросовестных руках»⁸.

Формирование личности следователя должно проводиться на протяжении всей его службы. Воспитательная работа руководителя следственного органа, поддержка наставника и коллектива, самоконтроль умственных, нравственных, поведенческих качеств следователя являются действенным средством предупреждения профессионально-нравственной деформации⁹. В конечном счете соблюдение нравственных принципов при производстве следственных действий позволяет избежать процессуальных нарушений.

Анализ законодательства показывает, что процесс юридического оформления нравственных норм законодателем еще не завершен. Усовершенствование процесса отбора кандидатов и ужесточение требований, предъявляемых к будущим следователям, будет одной из составляющих успешного решения обозначенных проблем. И в первую очередь, главной проблемы – эффективного применения нравственных критериев в практической деятельности следственных работников. Это будет играть большую роль для расследования и раскрытия преступлений. Изменения и дополнения в УПК РФ возможны только после оценки законопроектов с позиций соответствия их положений общим представлениям о праве и нравственности, справедливости и гуманизме.

⁸ Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе : общие черты судебной этики. М., 1956. С. 198.

⁹ См.: Яснева Е. В. О значении нравственности в деятельности следователя // Вестник Костромского гос. техн. ун-та. Серия: Государство и право : вопросы теории и практики. 2016. № 1. С. 100.

Воронежский государственный университет

Викулина Н. А., студентка

**Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса А. Ю. Астафьев**

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ПАТЕНТНЫХ ПОВЕРЕННЫХ

Поступила в редакцию 12 сентября 2017 г.

Институт патентных поверенных был введен в российское законодательство в 1992 г., когда в Российской Федерации был принят блок законов по правовой охране объектов промышленной собственности. С тех пор данный институт претерпел определенные изменения, но до сих пор нет единой саморегулируемой организации и норм профессиональной этики, единых для всего сообщества.

Патентный поверенный – это гражданин, получивший в установленном порядке статус патентного поверенного и осуществляющий деятельность, связанную с правовой охраной результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, защитой интеллектуальных прав, приобретением исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, распоряжением такими правами.

Правовую базу деятельности патентных поверенных составляют: Гражданский кодекс РФ (ч. 4)¹, Федеральный закон «О патентных поверенных»² (далее – ФЗ о патентных поверенных) и ряд административных регламентов.

Регистрацией патентных поверенных занимается Роспатент, который ведет реестр представителей данной профессии. Аттестуют и регистрируют патентных поверенных с определенными ограничениями областей деятельности – специализациями (ч. 7 ст. 6 ФЗ о патентных поверенных). Всего таких специализаций пять:

1. «Изобретения и полезные модели».
2. «Промышленные образцы».
3. «Товарные знаки и знаки обслуживания».
4. «Программы для электронно-вычислительных машин, базы данных, топологии интегральных микросхем».
5. «Наименования мест происхождения товаров».

Патентному поверенному может быть присвоена квалификация сразу по нескольким специализациям.

Зачем патентному поверенному нормы этики?

1. Деятельность патентного поверенного, как и любого представителя юридической профессии, связана с людьми. Взаимодействуя с клиентами, которые обращаются за помощью, например при регистрации товарного знака, патентный поверенный обязан соблюдать нормы морали и этики. Несомненно, такие нормы должны быть закреплены в специальном акте – кодексе профессиональной этики патентных поверенных.

2. Важным моментом является то, что патентный поверенный консультирует и оказывает помощь по вопросам интеллектуальной собственности. Интеллектуаль-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : федер. закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ в ред. от 3 июля 2016 г., с изм. от 28 марта 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 20.04.2017).

² О патентных поверенных : федер. закон от 30 декабря 2008 г. № 316-ФЗ в ред. от 2 июля 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 1. Ст. 24. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83197/ (дата обращения: 20.04.2017).

ная собственность – особая категория, результат творения человеческого разума. Она требует более пристального внимания как со стороны законодателя, так и со стороны того, кто помогает осуществлять охрану результатов интеллектуальной деятельности.

3. Длительная процедура регистрации товарного знака или получения патента на изобретение требует длительного сотрудничества патентного поверенного с клиентом. Тем не менее существуют ситуации, когда консультанты по таким вопросам оказывают разовые консультационные услуги (например, только помогают составить заявку на патент или регистрацию товарного знака), не информируя при этом клиента о последствиях или рисках, которые могут быть. Часто это является причиной для досрочного прекращения правовой охраны товарного знака в связи с его длительным неиспользованием. Отсюда вытекают дополнительные расходы, к примеру судебные, а также ряд других проблем.

4. Бывают случаи, когда патентные поверенные одного юридического образования одновременно консультируют спорящие стороны. Этичность такого поведения тоже находится под вопросом.

Идея о создании кодекса профессиональной этики патентных поверенных была высказана еще в 1999 г. Существовало несколько проектов закона о патентных поверенных. И ряд законопроектов содержал положения о кодексе профессиональной этики патентных поверенных. В частности, в 2000 г. В. Н. Севастьянов разработал один из проектов кодекса профессиональной этики патентных поверенных³.

Возникает вопрос: почему нормы этики патентного поверенного должны быть объединены в единый акт – кодекс профессиональной этики?

Нормы этики и морали, как, например, правовые нормы, должны быть регламентированы и четко закреплены в едином акте, который стал бы основой для соответствующего поведения патентного поверенного. Наличие свода правил, а именно кодекса, также поможет понимать не только представителям этой профессии, но и другим субъектам, что именно поощряется, а что порицается профессиональным сообществом патентных поверенных.

В подтверждение идеи о создании единого акта этических и моральных норм стоит привести мнение В. Н. Севастьянова – патентного поверенного, который стоял у истоков формирования данной профессии. Он предлагает патентному сообществу задуматься над вопросом: зачем патентным поверенным нужен кодекс профессиональной этики? На момент 2005 г. существовало несколько законопроектов. Среди них был законопроект, согласно которому должна быть создана Ассоциация российских патентных поверенных. По мнению В. Н. Севастьянова, необходимо, чтобы каждый участник патентного сообщества еще до вступления в палату отчетливо понимал: будет ли он разделять и возьмет ли на себя обязательства применять в своей повседневной деятельности нравственно-этические принципы, заложенные в идеологии организации палаты. Автор статьи прямо не высказывается по поводу принятия закона о патентных поверенных (которого в то время не было), но убеждает в необходимости принятия этических норм: «Ведь каждому из нас не безразлично, как жить: по закону или по понятиям»⁴. Очевидно, что В. Н. Севастьянов на стороне закона.

³ См.: *Севастьянов В. Н.* Проект кодекса профессиональной этики членов Палаты патентных поверенных Российской Федерации. URL: patentovedam.narod.ru/Download/sevas2.doc (дата обращения: 20.04.2017).

⁴ *Севастьянов В. Н.* По закону или по понятиям? // Патентный поверенный. 2005. № 3. С. 13–14.

Федеральный закон о патентных поверенных носит больше рамочный характер. Правовое регулирование деятельности патентных поверенных в основном направлено на определение критериев позитивной ответственности. Вообще позитивная ответственность – нравственно-правовая категория. Ее сущность состоит в обязанности индивида выполнять соответствующие юридические требования, предъявляемые ему обществом, государством. Правовые последствия нарушения патентным поверенным возложенных на него законом или договором обязанностей приводят нас к выводу о том, что позитивная ответственность не справляется с правовым регулированием деятельности представителей данной профессии. Именно это и является одной из причин необходимости разработки и принятия кодекса профессиональной этики.

По мнению И. Е. Артюхиной, профессиональная деятельность патентных поверенных «должна основываться на основных принципах добросовестности, честности, объективности, конфиденциальности, профессиональной компетентности и должной тщательности, что будет служить гарантией обеспечения и защиты прав их клиентов»⁵.

В связи с этим необходимо разработать комплекс норм профессиональной этики патентных поверенных, которые включали бы в себя сложившиеся и широко применяемые при осуществлении патентной деятельности правила поведения патентного поверенного, в том числе и не предусмотренные действующим законодательством.

Патентный поверенный А. А. Христофоров считает, что правила профессиональной этики ввести необходимо – на это указывает и практика, и мировой опыт. Но тут же возникает вопрос: «как ввести нормы профессиональной этики, если нет объединения патентных поверенных, правомочного их утвердить?»⁶.

Следовательно, для того чтобы ввести кодекс профессиональной этики, необходимо создать единую организацию, в состав которой входили бы все патентные поверенные Российской Федерации. Предложения о создании единой организации высказываются неоднократно в профессиональном сообществе патентных поверенных. Отсутствие единой саморегулируемой организации, которая под своей эгидой объединяла бы всех патентных поверенных, создает проблему в едином регулировании их деятельности с позиции этических и моральных норм.

В настоящее время существуют отдельные нормы этики применительно к различным объединениям патентных поверенных. Например, в рамках Санкт-Петербургской коллегии патентных поверенных действует Кодекс профессиональной этики членов данной коллегии⁷. Он был принят еще 16 февраля 1998 г., имеет небольшой объем, но содержит в себе наиболее важные положения этики патентных поверенных.

В настоящее время действует также Межрегиональная общественная организация содействия деятельности патентных поверенных «Палата патентных поверенных». Данная организация является самой крупной общественной организацией патентных поверенных в Российской Федерации и объединяет около 250

⁵ Артюхина И. Е. Правовой статус патентного поверенного по российскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 7.

⁶ Христофоров А. А. Закон о патентных поверенных : работа продолжается // Патентный поверенный. 2005. № 1. С. 62.

⁷ Кодекс профессиональной этики членов Санкт-Петербургской коллегии патентных поверенных : утв. Общим собранием Коллегии 16 февраля 1998 г. URL: <http://spbkkp.org/raznoe/> (дата обращения: 20.04.2017).

патентных поверенных из более чем 20 регионов России. В рамках данной Палаты патентных поверенных существует Комитет по этике, а также разработан проект кодекса профессиональной этики⁸.

Общий анализ этого проекта показал, что основные нормы были позаимствованы с Кодекса профессиональной этики адвоката. Если проводить параллель между профессиональными сообществами, то адвокатура, разумеется, находится в более выигрышном положении. Во-первых, число адвокатов превышает примерно в 37 раз число патентных поверенных (адвокатов – 67 709 человек⁹, патентных поверенных – 1806 человек¹⁰). Во-вторых, в адвокатуре существует целая сеть адвокатских палат, которая занимается принятием в свои ряды новых адвокатов (сдача квалификационного экзамена, рассмотрение дисциплинарных проступков и др.), в то время как это все в отношении патентных поверенных осуществляет Роспатент. В-третьих, отсутствие единой саморегулируемой организации патентных поверенных является препятствием для взаимодействия представителей данной профессии.

Данный проект кодекса был разработан в рамках предложений по совершенствованию законодательства о патентных поверенных. Палата патентных поверенных на своем сайте разместила материалы, связанные с внесением изменений в федеральный закон о патентных поверенных. Особое внимание стоит уделить тексту законопроекта с изменениями, которые внесены, в соответствии с решением Совета Палаты от 6 февраля 2017 г. и с учетом некоторых поступивших предложений от патентных поверенных¹¹. В данном законопроекте предлагается создать Федеральную палату патентных поверенных (далее – Палата). Одним из полномочий данной Палаты является разработка и утверждение кодекса профессиональной этики патентного поверенного (п. «в» ч. 9 ст. 5 законопроекта). Созданная организация объединит в себе патентных поверенных РФ. Входящие в организацию патентные поверенные должны заняться разработкой стандартов профессии и кодекса профессиональной этики. На принципах самоуправления через исполнительные органы палата будет обеспечивать защиту интересов поверенных, а также соблюдение поверенными стандартов и этических норм, совместно с Роспатентом проводить аттестацию кандидатов в поверенные, в том числе с выездом в федеральные округа.

Относительно Палаты в «Концепции проекта изменений в Федеральный закон «О патентных поверенных» содержится следующая мысль: «Палата должна обладать, прежде всего, моральным авторитетом, так как она является отражением совместной воли всего сообщества поверенных, являющихся независимыми советниками и представителями»¹². Что именно составители данной концепции

⁸ Тезисы об общих положениях Правил профессии патентного поверенного и/или кодекса этики патентного поверенного. URL: <http://palatapp.ru/novosti/vazhnaya-informacziya/21-22maya.html> (дата обращения: 20.04.2017).

⁹ Адвокатские палаты субъектов РФ. URL: http://fparf.ru/FPA_RF/house/ (дата обращения: 20.04.2017).

¹⁰ Справка о количестве патентных поверенных в регионах Российской Федерации. URL: http://www.rupto.ru/activities/pat_pov/sved-pat-pov (дата обращения: 20.04.2017).

¹¹ Текст законопроекта с изменениями, которые внесены в соответствии с решением Совета Палаты 06.02.17 и с учетом некоторых поступивших предложений от патентных поверенных. URL: <http://palatapp.ru/novosti/vazhnaya-informacziya/21-22maya.html> (дата обращения: 20.04.2017).

¹² Концепция проекта изменений в Федеральный закон «О патентных поверенных» от

понимают под моральным авторитетом, остается только догадываться. Как правило, под моральным авторитетом в широком смысле понимается «общеизвестное влияние лица или организации на различные сферы общественной жизни, основанное на знаниях, нравственных достоинствах, опыте данного лица или организации, когда общество признало их критерием или идеалом поведения, по которому оцениваются установки и социальные действия остальных членов общества»¹³.

Таким образом, члены данной Палаты патентных поверенных должны быть образцом поведения и соблюдать этические нормы (которые, впрочем, сама Палата и разрабатывает), чтобы создавать благоприятное отношение других лиц к своей профессии и повысить престиж патентного поверенного.

Последствием нарушения профессиональных стандартов и этических норм, согласно данной Концепции, будет порицание. Порицание, согласно Толковому словарю Д. Н. Ушакова, – «осуждение, выговор, неодобрение»¹⁴. Порицание будет размещаться в открытом доступе – его смогут увидеть как другие члены Палаты, так и доверители лица, которому будет выражено порицание. Здесь возникает соответствующий вопрос: как будет выглядеть порицание и где оно будет размещено? Логично предположить, что порицание должно размещаться на интернет-сайте Федеральной палаты патентных поверенных, а также печататься в периодическом издании данной Палаты. Возможно создание специальных списков патентных поверенных, которым было выражено порицание в связи с несоблюдением норм этики. Таким образом, при должной внимательности клиент патентного поверенного сможет заранее узнать, нарушал ли данный патентный поверенный нормы этики и морали, и если да, то насколько серьезными были эти нарушения.

Вступление части патентных поверенных, а именно патентных поверенных – ассессоров, в Палату будет добровольным. В связи с этим часть патентных поверенных может и не быть членами Палаты. Таким образом, предлагается ввести правило, согласно которому патентный поверенный, не являющийся членом Палаты, должен будет предупредить об этом своего доверителя при заключении договора. Кроме того, такой патентный поверенный должен будет оговорить, что на его деятельность не распространяются в обязательном порядке кодекс профессиональной этики патентного поверенного и федеральные стандарты деятельности патентного поверенного.

В целом идея с созданием кодекса профессиональной этики патентного поверенного и федеральных стандартов деятельности патентного поверенного является разумной. Таким образом, можно будет обеспечить единообразное поведение патентных поверенных по всей России. В настоящее время отсутствие единой саморегулируемой организации патентных поверенных создает разрозненность в деятельности представителей данной профессии. Для каждой общественной организации патентных поверенных действуют свои нормы этики и морали, которые отличаются друг от друга. Это является, несомненно, одной из главных проблем. Сообщество патентных поверенных буквально «кричит» о необходимости создания единой Федеральной палаты и принятия общего кодекса профессиональной

30 декабря 2008 г. № 316-ФЗ. URL: <http://palatapp.ru/novosti/vazhnaya-informacziya/21-22maya.html> (дата обращения: 20.04.2017).

¹³ Словарь по биомедицинской этике для студентов всех факультетов высших медицинских учебных заведений. URL: <https://vocabulary.ru> (дата обращения: 20.04.2017).

¹⁴ Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М., 2000.

этики. Но законодатель пока не идет навстречу данному профессиональному сообществу. Остается только догадываться, почему.

В соответствии с вышеизложенным, хотелось бы предложить проект кодекса профессиональной этики патентных поверенных, который размещен в приложении к данной работе. Это компиляция проекта кодекса профессиональной этики, созданного Палатой патентных поверенных, кодекса профессиональной этики Санкт-Петербургской Коллегии патентных поверенных, а также проекта кодекса профессиональной этики (автор – В. Н. Севастьянов) и собственные дополнения.

Предлагаются следующие основные разделы кодекса:

1. Отношение к своей профессии. Здесь акцент должен быть сделан на основных принципах, на которых базируется деятельность патентного поверенного.

2. Отношение к профессиональным обязанностям. В данном разделе должны быть закреплены основные положения, касающиеся обязанностей патентного поверенного как представителя своей профессии. Например, нормы о соблюдении тайны поверенного, о разрешении конфликта интересов и др.

3. Ограничения и запреты, связанные с деятельностью патентного поверенного. Например, нормы о возможности или невозможности быть автором изобретения вместе с доверителем и т. д.

4. Отношение к коллегам. Нормы этики о взаимодействии представителей одной профессии всегда были важны. Не является исключением и профессиональное сообщество патентных поверенных.

5. Дисциплинарная ответственность. Здесь необходимо закрепить механизм действия данного кодекса, а именно определить, каким образом будут рассматриваться нарушения патентным поверенным норм этики, какие будут последствия такого нарушения.

6. Разрешение разногласий по вопросам профессиональной этики. Следует закрепить порядок создания комиссии, которая будет рассматривать нарушения требований кодекса (в случае наличия конфликта) и принимать итоговое решение.

Создание единой саморегулируемой организации патентных поверенных и, следовательно, кодекса профессиональной этики значительно улучшит деятельность патентного поверенного. Улучшение деятельности патентного поверенного приведет к улучшению ситуации в сфере прав на интеллектуальную собственность, а также повышению эффективности в сфере внедрения инноваций.

Приложение

КОДЕКС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

патентных поверенных

Настоящий Кодекс устанавливает нормы профессионального поведения членов Федеральной палаты патентных поверенных (далее – Палата), которым они обязаны следовать.

1. Отношение к своей профессии

1.1. Профессиональная деятельность патентных поверенных основывается на принципах добросовестности, честности, разумности, объективности, конфиденциальности, профессиональной компетентности и должной тщательности, гарантируя обеспечение и защиту прав клиентов.

1.2. Каждый член Палаты должен воздерживаться от любых действий, которые могут нанести ущерб репутации своей профессии – профессии патентного поверенного.

1.3. Член Палаты должен воздерживаться от неуважительных высказываний в адрес специалистов других профессий.

1.4. До начала своей деятельности патентный поверенный должен принести присягу перед президентом Палаты патентных поверенных. Текст присяги патентного поверенного

следующий: «Я, ... присягаю на верность Российской Федерации; я буду добросовестно осуществлять деятельность патентного поверенного в интересах моих клиентов, соблюдать Конституцию, а также другие законы Российской Федерации. Я буду хранить ставшую мне известной конфиденциальную информацию, и я сделаю все возможное для защиты законных интересов моих клиентов».

2. Отношение к профессиональным обязанностям

2.1. Член Палаты при ведении дел с федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности в качестве патентного поверенного обязуется не выходить за пределы ограничений, определяемых при его государственной регистрации и указанных в его Свидетельстве.

2.2. Член Палаты обязан сохранять в тайне конфиденциальную информацию, доверенную ему клиентом, и не разглашать ее без письменного разрешения клиента.

2.3. Член Палаты не должен браться за ведение дел или выступать представителем разных клиентов, интересы которых приходят в противоречие друг другу.

2.4. Член Палаты должен воздерживаться от выполнения услуг, направленных на поддержку действий клиента, если ему известно или должно быть известно, что такие действия клиента являются нарушением законодательства или формой недобросовестной конкуренции. Поверенный сообщает клиенту о мотивах отказа, а также разъясняет ему возможные негативные последствия нарушения требований закона.

2.5. Член Палаты не должен вводить клиента в заблуждение, в том числе путем предоставления ему соответствующих гарантий относительно сроков и результатов проведения экспертизы заявленных объектов промышленной собственности и других действий, совершаемых федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности.

2.6. Член Палаты свободен в установлении стоимости своих услуг. При этом патентный поверенный обязан полностью раскрыть стоимость своих услуг (тариф) по запросу клиента. Допускается согласование вознаграждения в виде фиксированной суммы, поощрительной суммы (гонорар успеха) или в виде части от присужденного или полученного (сбереженного) доверителем при представительстве патентного поверенного в конкретном деле. Вместе с тем патентный поверенный должен избегать оплаты своей помощи в виде части прибыли от коммерческой деятельности клиента от использования его интеллектуальной собственности (часть сумм роялти и т. п.).

2.7. Член палаты не должен навязывать свои услуги. Патентный поверенный по просьбе клиента предоставляет достоверную информацию о своем образовании, квалификации и стаже работы по специальности, а также о наличии страхования или иной формы покрытия ответственности за ущерб интересам клиента от действий поверенного.

2.8. Член Палаты при осуществлении своей профессиональной деятельности и ее рекламировании вправе ссылаться на свое членство в Палате.

3. Ограничения и запреты, связанные с деятельностью патентного поверенного

3.1. При рекламе или ином продвижении услуг патентного поверенного членам Палаты не допускается:

- гарантировать получение положительного судебного либо иного решения по вопросу, с которым обратился клиент к патентному поверенному;
- делать некорректные сравнения или негативно отзываться об услугах других патентных поверенных;
- указывать или создавать впечатление о наличии неформальных связей с лицами, принимающими решения по предмету деятельности патентного поверенного;
- указывать на оказание услуг в отношении объектов интеллектуальной собственности, по которым патентный поверенный не аттестован.

3.2. Член Палаты не имеет права заявлять и/или получать на свое имя в Российской Федерации или в других государствах исключительные права на объекты интеллектуальной собственности, в отношении которых ему известно или должно быть известно, что права на них принадлежат другим лицам.

3.3. Члену Палаты запрещено заниматься систематической деятельностью в целях извлечения прибыли контролируемых им юридических лиц прав на средства индивидуализации, в том числе подавать заявки на средства индивидуализации с целью последующего отчуждения данных прав.

3.4. Вне зависимости от характера помощи, то есть даже если такая помощь включала творческий вклад, члену Палаты не рекомендуется указывать себя в качестве автора (соавтора) и запрещается становиться лично или через контролируемые им юридические лица владельцем (совладельцем) патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец в отношении объектов, с просьбой о помощи в отношении патентовании которых к нему обратился клиент.

4. Отношение к коллегам

4.1. Член Палаты обязан сотрудничать с другими членами Палаты в соблюдении норм и правил настоящего Кодекса.

4.2. Каждый член Палаты должен воздерживаться от:

– устных или письменных заявлений, вводящих клиентов в заблуждение относительно характера;

– квалификации, качества и сроков выполнения услуг, оказываемых другими членами Коллегии или фирмами, утверждения в рекламе, что его услуги дешевле или выше качеством, чем у других коллег;

– других видов преднамеренного нанесения ущерба профессиональной репутации своим коллегам и действий, которые являются формами недобросовестной конкуренции в соответствии с Парижской конвенцией, Соглашением ТРИПС и действующим законодательством РФ.

4.3. В случае, если патентный поверенный действовал с нарушением норм профессиональной этики, член Палаты, которому это стало известно, исходя из уважения к репутации своей профессии, должен обратить внимание коллеги на эти факты и предупредить его о недопустимости подобных действий.

При неадекватной реакции члена Палаты на подобное замечание и/или продолжении с его стороны действий, противоречащих нормам профессиональной этики, лицо, располагающее доказательствами таких действий члена Палаты, может обратиться по этому вопросу в Палату с предоставлением соответствующих доказательств.

5. Дисциплинарная ответственность

5.1. Поступок патентного поверенного, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет профессионального сообщества, неисполнение или ненадлежащее исполнение патентным поверенным своих профессиональных обязанностей перед клиентом, а также неисполнение решений органов Палаты должны стать предметом рассмотрения соответствующей конфликтной комиссией и Совета.

5.2. При осуществлении дисциплинарного производства принимаются меры для охраны сведений, составляющих тайну личной жизни лиц, обратившихся с жалобой, коммерческую тайну и тайну поверенного, а также меры для достижения примирения между поверенным и заявителем.

5.3. Дисциплинарное производство осуществляется только конфликтной комиссией и Советом Палаты.

5.4. К патентному поверенному, нарушившему правила Кодекса профессиональной этики, могут быть приняты следующие меры дисциплинарной ответственности:

а) порицание;

б) предупреждение.

5.5. Информация о нарушении норм этики конкретным патентным поверенным (порицание/предупреждение) размещается в открытом доступе на интернет-сайте Палаты, а также печатается в периодическом издании Палаты.

6. Разрешение разногласий по вопросам профессиональной этики

6.1. Для разрешения разногласий по вопросам соблюдения патентными поверенными

норм профессиональной этики любое лицо может обратиться письменно в Совет Палаты, который в 2-недельный срок должен назначить конфликтную комиссию с учетом мнения спорящих лиц.

6.2. Конфликтная комиссия рассматривает вопрос, связанный с профессиональной этикой патентных поверенных по конкретному обращению в возможно короткий срок.

6.3. Результаты рассмотрения конкретного вопроса и свои рекомендации по этому вопросу конфликтная комиссия передает в Совет, который принимает решение о прекращении дела или целесообразности его вынесения на Общее собрание Палаты.

Воронежский государственный университет

Касьянова М. Н., студентка

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации судебной власти
и правоохранительной деятельности **В. А. Ефанова**

НРАВСТВЕННОСТЬ И ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ В ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ

Любая этика, тем более юридическая, обусловлена человеческим пониманием. Юристы – фундамент для любой страны. Люди ищут у них защиту, взывают к их справедливости, требуют законности и предъявляют строгие моральные требования, превращая их в бесчисленный перечень правил, которые следует соблюдать. Государство может развиваться, вбирая в себя симбиозы различных наук и шлифуя плоды их трудов, но только право способно сдерживать постоянно развивающееся общество от превращения в хаотичное движение сил без возможностей. Четкая грань «от» и «до», поставленная в законе, на деле нередко растворяется в реалиях. Закон и люди смотрят друг на друга разными взглядами, а примирить их существование может только юрист.

Законы созданы из соображений совести, безопасности, целесообразности, но если в них ничего не осталось «человечного», закон «умирает», перестает существовать.

Законы неизменно регулируют отношения в обществе, давая ему толчок в развитии и устраивая его распорядок. Действия и решения законодательных органов напрямую затрагивают нашу жизнь. Чем больше отклика вызывает новый законопроект, тем больше степень заинтересованности граждан страны своими судьбами¹. Законотворчество – сложный часовой механизм, со своими шестеренками, слаженная работа которых может наладить весь остальной процесс. Законами регулируется вся деятельность государства, ими регулируется и наша жизнь. Всем известный «эффект бабочки» проходит волной от одного решения до больших последствий, и это заставляет законодателя задаваться вопросом: как отразится его решение на жизни общества и каждого гражданина в частности. Без твердых нравственных принципов любая деятельность теряет смысл². Простых решений не бывает, рано или поздно всему находится своя цена.

Педагоги ведущих юридических университетов страны дают студентам глубокие профессиональные знания, прививают нравственные основы. Но воспитать в себе человека они должны сами, продираясь через тернии скептицизма, дебри черствости и пласт бездушия. Нравственность и сохранение человечности – первостепенная задача самого человека, истинная суть морали. Она вырастает из общества, из его правил, а также из поступков и решений, границы которых определяют сами люди. Со временем меняются не только эпохи – меняется мораль. Она создается в связи с катастрофами, которые сотрясают общество: войны, кризисы, депрессии и др.³ Право неуклонно обновляется, соответствуя изменениям в мире, и наша современность открывает широкий веер законов, вызвавших наибольший общественный резонанс.

¹ См.: Сорвин К. В., Сусоколов А. А. Человек в обществе. Система социологических понятий в кратком изложении. М., 2011. С. 127.

² См.: Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса. Воронеж, 1993. С. 5.

³ См.: Шадже А. М. К вопросу о содержании и значении юридической этики // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 8.

© Кулинич В. П., 2017

«Проект Яровой»⁴ уже частично вступил в силу, распространяя свое влияние на многие сферы нашей деятельности, паутиной сомнений закрадываясь в сердца россиян. Мы доверяем свою личную жизнь средствам связи – они же, в свою очередь, доверяют ее государству. Все наши мысли, как на ладони, стоит только посмотреть. Поиск объяснений столь тщательному наблюдению обычно приходит к одному и тому же ответу: очевидно, это наша защита? Общества от общества, человеческой души от человеческой злобы. Опыт Эдварда Сноудена, британский «Билль о полномочиях на досудебные расследования» показали, что подобные механизмы присущи любому государству, только кто-то делает это в тайне, а кто-то, посмотрев на запад, решает все же открыть карты, пусть и частично. Хоть где-то мы находим честность.

Допускает ли этика и нравственность контроль конституционного права над личной жизнью? Конечно, нет. Допускает ли защиту общества и государства от террористических атак? Бесспорно, да. Но если этот нашумевший проект – попытка держать руку на пульсе, почему мы наблюдаем картину прогремевшего ужаса последнего времени? Очередной карточный домик рухнул. Невидимая стена безопасности рассыпается у нас на глазах. Ее нет ни за стенами нашего дома, когда мы настороженно обводим взглядом улицу, прежде чем на нее шагнуть, ни, тем более, в нем. Наши слова, которые мы доверяем близким, программа автоматически доверяет кому-то свыше, но обещанная защита, ради которой мы это терпим, оказывается мнимой. Законодатели сделали один неточный расчет, и люди обернулись против нововведений, пытаюсь сберечь и защитить свое последнее достояние в открытом доступе – мысли. И так всегда: в корне принятия решения лежат как свои большие цели, без которых иначе никак, так и последствия, которые необходимо принимать в расчет.

Однако все относительно. Законодатель всегда переживает моральный выбор, а особенно в трудные времена, когда общество требует перемен, к которым порой не готово. За смешными на первый взгляд проектами, вроде требований Роскачества к мобильным приложениям, запрета на обладание профиля в социальной сети детям до 14 лет или платного въезда в центр города, если будет решена его религиозная значимость, безусловно, кроется смысл. Мы со скрипом приемлем то, что снова встряхивает нашу жизнь, но время сгладит острые углы. Общество всегда испытывает необходимость в пермутациях, оно жаждет реформ, иначе развитие будет раз за разом, встречая сопротивление закона, обращаться в хаос. На наших глазах возносятся и низвергаются лица, нравственность, мораль – все изменяется. Мы тоже по-своему меняемся. Возможно, польза новых законов будет видна сквозь века, не сразу осознаваемая умами современников.

Чем больше человечество демонстрирует «язвы» своих пороков, которые необходимо контролировать и пресекать, тем больше возвышаются над ним отдельные личности.

Так кем же в глазах народа остается тот, кто законами изменил их жизнь? Сколько времени мы ни потратили бы на детальный разбор нашей истории, она всегда найдет, чем удивить. Всегда находятся люди, события и поступки, которые поворачивают стрелки компаса, вынуждая иначе взглянуть на них и на себя. Мы

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : проект федерального закона № 1039149-6. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=144432#0>

живем прошлым, воспитываемся страницами пропыленных трактатов, перенимаем опыт других людей, учась у них жизни, умению использовать свои навыки, руководить своей судьбой, создавать право и запускать механизмы экономики. Законодатель, взваливая на себя порой непреодолимо тяжелую ношу решений, не всегда оказывается способен сохранить свое доброе имя.

Что мы знаем о Томасе Кромвеле, который некогда, будучи секретарем Генриха VIII Тюдора, провел великую религиозную реформацию, разом перевернув жизнь своей страны? Великобритания стала примером для нас во многих отношениях. Но разве была бы она способна быть столь самостоятельной, примером столь выдающихся успехов, будучи зависимой от Римской церкви? Толчок, который ей дала реформация, стоил большого успеха и не менее большой цены. Люди меняли свое мировоззрение, переводили Библии на новый лад, перекраивали отношение к церкви, государю, сражаясь с извечной болью перемен своими консервативными душами⁵. Томас Кромвель стал политиком, державшим оборону столько, сколько не смог никто другой; шедшим вперед, изыскивающим в звоне монет справедливость, а в лязге металла — развитие прогресса; улаживающим дразги лордов и выполняющим черную работу, за которую не находил в себе смелости взяться никто другой; сражающимся с собственной моралью, со сложностью выбора, чтобы дать жизнь стране. Время и люди придали лоск поступкам его идеологических противников и знатно окутали туманом его собственные, в итоге получив то, что знаем мы теперь.

Готова ли была Россия к деятельности Петра I, перевернувшего ее взгляд на запад, заимствующего опыт у других стран и переносящего его на отечественные реалии? Он учредил Правительствующий сенат, провел военные реформы, разделил крестьян, регламентировал даже внешний вид, введя налоги и вызвав особенное недовольство знати⁶. Время изменило взгляды на его политику. Неординарность его личности выделила среди остальных. Начатые им реформы продолжались другими политическими деятелями России, поддерживающими страну⁷. Законодатели сражались со своими «драконами», веря, что людям нужна хорошая власть, такая, которой не стыдно подчиняться, и лучшие из них надеялись, что силы их нравственности будет достаточно, чтобы изменить привычный ход жизни и приблизиться к идеалу.

За каждой историей — другая история, лейтмотив изменений закона зарождает в людях изменения их моральных ценностей и этических соображений. Кто-то сражался за свои идеи, получая прижизненную славу, а кто-то сражался в этой битве до самого конца, так и не отступив, и все же проиграл. Плоды их трудов живы до сих пор, но имена и значение поступков забыты.

Этические соображения, жизнеспособные в одном обществе, проваливаются в другом, разница положений тех, кто вне и снаружи закона, законотворцев и граждан всегда рождала и будет рождать споры. Люди восходили на самые вершины лестницы и, прежде чем упасть с нее, уйти со сцены или объявить антракт, касались самого солнца, давали нам предпосылки, ставшие нашей свободой, нашими возможностями жить и творить. Каждый из них оставил свой неизгладимый

⁵ См.: Хилари Мантел. Внесите тела / пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой, М. Клеветенко. М., 2014.

⁶ См.: История России с древнейших времен до наших дней : учебник : в 2 т. / под ред. А. Н. Сахарова. М., 2012–2013.

⁷ См.: Иванов Ю. А., Кувшинова Н. А. Отечественная история : учеб.-метод. пособие. Воронеж, 2001.

мый след. Но иногда, равняясь на западный опыт, перенимая его и воплощая в условиях России, мы забываем, сколько пожарищ и разоренных судеб брошены во всепоглощающее кострище идейных устремлений.

Хилари Мантел в книге «Волчий зал» написала: «Миром правит не скрежет пушечного механизма, а скрип пера на векселе, которым оплачены и пушка, и пушечный мастер, и порох, и ядра»⁸. Действительно, иногда судьба мира решается в одном кабинете. Решается путем споров, столкновений нравственности и остроты ума, и только от них зависит, в каком мире проснемся мы завтра.

⁸ Хилари Мантел. Волчий зал / пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой, М. Клеветенко. М., 2011.

Воронежский государственный университет

Кулинич В. П., студентка

E-mail: ladislavakulinich@mail.ru

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации судебной власти
и правоохранительной деятельности **В. А. Ефанова**

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗМЕЩЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О СУИЦИДЕ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Поступила в редакцию 8 сентября 2017 г.

«Нравственные воззрения общества не так устойчивы и консервативны, как писанные законы; в нравственном сознании людей всегда происходит то медленная, постепенная, то иногда резкая, неожиданная переоценка ценностей; глубоко вкоренившиеся, казалось бы, взгляды иногда со дня на день изменяются и часто сталкиваются между собой»¹. Трудно переоценить влияние морали и нравственных основ на развитие общественных отношений. В сфере общественных отношений особняком выделяются отношения в сфере уголовного судопроизводства. Некоторые нравственные начала нашли закрепление в нормах уголовно-процессуального законодательства (наиболее яркий, на наш взгляд, пример связан с производством освидетельствования), другие законодательством не закреплены, но относятся к тем правилам поведения, не соблюдая которые человек перестает быть человеком. А мы рассматриваем представителя правоохранительных органов, который осуществляет свои полномочия от имени государства. Следовательно, нарушение последним не только норм законодательства, но и норм профессиональной этики, нравственности влечет за собой и утрату доверия граждан к правоохранительным органам и как следствие к государству. Полагаем, что проблемных вопросов, которые можно было бы рассмотреть, достаточно много. Это во многом связано с тем, что «...нравственные принципы и нормы определяют моральный характер процессуальных действий, процессуальных отношений, моральное сознание всех участников уголовного процесса. Они касаются всех сфер уголовно-процессуальной деятельности, пронизывают собой все уголовно-процессуальные отношения»². Уголовно-процессуальные отношения являются частью общественных отношений, которым свойственно изменяться. Эти изменения накладывают отпечаток и на уголовно-процессуальные отношения. К одному из таких изменений относится информатизация общества. В связи с этим, на наш взгляд, представляет интерес вопрос о соблюдении следователем положений ст. 13, 161 УПК РФ и пределы его взаимодействия со средствами массовой информации.

В настоящее время с уверенностью можно сказать, что в первой половине XXI в. роль информации и информационных технологий в жизни современного общества является определяющей. Информационный вакуум негативно отражается на развитии и осведомленности как конкретного человека, так и общества в целом. Общеизвестно высказывание о том, что тот, кто владеет информацией, тот владеет и миром. Особенно актуально данное выражение в связи с тем, что главной ценностью постиндустриального общества является информация, ее производство, хранение и реализация.

¹ Сергеев П. Искусство речи на суде. СПб., 1910. С. 150.

² Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса : учеб. пособие. Воронеж, 1993. С. 84–85.

© Лемешев К. А., 2017

Движущей силой и основным источником распространения информации в современном обществе являются СМИ. Согласно ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»³, под СМИ следует понимать периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмму, радиопрограмму, видеопрограмму, кинохроникальную программу, иную форму периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием).

Среди основных средств массовой информации можно выделить телевидение, радио и прессу. Интересным представляется и тот факт, что на основании указанного закона к средствам массовой информации стал относиться и Интернет, где размещают значительное число сетевых изданий, журналов и газет, получивших таким образом доступ к глобальной аудитории.

Значение средств массовой информации в жизни современного общества трудно переоценить: своевременность и оперативность, доступность и удобство получения, свобода слова и массовость. Они настолько прочно обосновались в нашей повседневности, что мы даже представить себе не можем своего существования без них. Влияние информационных источников на человека возникает с самого раннего возраста и продолжается в течение всей жизни.

К сожалению, при всех плюсах и достоинствах средств массовой информации не стоит отрицать и наличие негативных сторон информационных источников и порталов.

Во-первых, современные средства массовой информации умышленно могут не объективно освещать или даже искажать события, происходящие в современном мире.

Во-вторых, СМИ, безусловно, влияют на общественное поведение и сознание людей, побуждая их к достижению тех или иных целей. При этом цели не всегда носят положительный характер.

Отсюда вытекает и третья проблема. Информация, которую распространяют новостные издания – теле-, радиоканал, интернет-портал, – не всегда является законной, а в некоторых случаях губительно влияет как на отдельного человека, так и на социум и государство в целом.

Одним из примеров пагубного влияния СМИ на общество, при освещении определенных новостных репортажей, может служить так называемый «Эффект Вертера». Суть данного синдрома в том, что после широкого и подробного освещения телевидением или радиоканалом, описании в литературе, размещении в интернет-портале или другими СМИ очередного знаменитого самоубийства человека, особенно подростка, вспыхивает волна похожих суицидов.

Причем сходство между ситуацией первого самоубийства, ставшего знаменитым, и ситуациями тех, кто покончил с собой вслед за ним, настолько велики, что неподготовленный наблюдатель может принять эти несвязанные между собой явления как определенный продуманный план жертв суицида или даже преступной организации, подталкивающей к совершению однородных, практически одновременных суицидальных действий. К примеру, если жертва находилась в преклонном возрасте, то возрастали суицидальные действия среди пожилых людей, если самоубийца относился к конкретной социальной группе или профессии, то вспыхивала волна суицида в этих сферах.

³ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/f977773d5130bdc4b8aa5c541d1fa7ca381b18f4

Особенно остро проблема встает при самоубийствах несовершеннолетних, так как подросткам присущи повышенная восприимчивость и внушаемость, способность ярко реагировать и переживать, склонность к резким изменениям в настроении, импульсивность в принятии решения.

Подготовленный читатель может возразить и привести в пример положения п. «в» ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» о том, что средствам массовой информации запрещено публиковать информацию о способах совершения самоубийства, а также призывы к совершению самоубийства⁴.

Но даже такое ограничение закона не позволяет полностью решить данную проблему. К сожалению, в настоящее время органы, осуществляющие мониторинг информационного пространства, не всегда могут оперативно реагировать на некорректно всплывающую информацию в СМИ об очередном самоубийстве. Не стоит отрицать и вину следователя, ведущего предварительное расследование, так как его взаимодействие со средствами массовой информации может выходить за рамки, установленные законодателем, а именно ст. 161 УПК РФ.

Ярким примером может служить такое явление, как «группы смерти». 23 ноября 2015 г. 16-летняя студентка колледжа из Уссурийска Рената Камболина совершила суицидальные действия, бросившись под поезд, опубликовав перед этим предсмертное фото в социальной сети. После широкой, неэтичной публикации и обсуждения в СМИ тысячи подростков по всей России захотели последовать примеру студентки. Тут и начали свою преступную деятельность так называемые «группы смерти». Данные сообщества служили неким организатором и подстрекателем детей к суициду, мотивируя и подталкивая к совершению самоубийства.

Безусловно, пример студентки не является главной причиной самоубийств подростков, каждый случай суицида индивидуальный. Причинами могут быть как напряженные отношения с родителями и сверстниками, так и различные психические расстройства. Но можно с уверенностью сказать, что неэтичное и непрофессиональное оглашение подробностей суицида подростка, стало неким толчком, примером, побудившим остальных, имеющих совершенно разные причины для суицида, к совершению подобных действий.

Неэтичное освещение суицида в прессе сопряжено со множеством рисков – от повторной попытки совершения неудавшегося самоубийства, до копирования суицида – спектр последствий удручающий.

Результаты многочисленных исследований, проведенных по всему миру, показывают, что определенные виды новостных сообщений или репортажей о совершенных самоубийствах могут способствовать повышению степени суицидального риска у наиболее уязвимых людей. При этом масштабы воздействия напрямую зависят от количества, продолжительности и значимости (отводимое место среди новостей) такого рода материалов в различных СМИ.

Установлена прямая зависимость между повышением риска самоубийства в обществе и подробным описанием способов самоубийства, использованием драматических заголовков, шокирующих изображений и картинок в новостных источниках. Сказывается также повторное освещение произошедшего в СМИ, преобладание сенсационного аспекта, особенно когда суицид представляется как геройский, романтический, достойный или заслуживающий уважения поступок.

⁴ URL: <http://base.garant.ru/12148555/#friends>

Осторожная медиатизация самоубийства может способствовать предотвращению суицидальных действий среди населения, а также изменить ошибочное восприятие общественности и развеять мифы, стимулирующие уязвимых людей к совершению подобных поступков.

В целях предотвращения подражательного поведения не следует представлять факты суицида исключительно как сенсационное происшествие, представлять самоубийство как единственный выход, как необъяснимое решение. При взаимодействии правоохранительных органов со средствами массовой информации следует избегать спекуляций по поводу мотивов самоубийства и предположений о том, что могло твориться в голове человека в тот момент.

В основе каждого освещения случая самоубийства должен быть принцип: «не навреди!». Возможно сохранение конфиденциальности личности потерпевшего, его семьи, родственников, друзей, окружения. Следовательно не следует представлять и излагать средствам массовой информации и в целом общественности содержание предсмертных записок, дневников и анкет жертвы.

Совершенно непозволительно сообщать о специфических подробностях и упрощенной мотивации самоубийцы. Это может придать загадочность и «шарм» акту суицида для некоторых уязвимых, неуравновешенных и склонных к суицидальным мыслям людей в определенных жизненных ситуациях, воспринимаемых как безвыходные. Не этично окутывать историю самоубийства шлейфом героизма или романтизма.

Законодатель запрещает излагать неоправданные и излишние подробности, чтобы не сообщать другим потенциальным жертвам способы сведения счетов с жизнью, не описывать в подробностях помещения, где было совершено суицидальное действие.

Не следует также забывать о семье и родственниках погибшего. Упоминание в средствах массовой информации об акте суицида близкого им человека может негативно сказаться на психическом, а впоследствии и физическом здоровье членов семьи жертвы самоубийства. Особенно когда СМИ прибегают к неэтичному раздуванию произошедшего и делают из этого шоу для поднятия рейтингов информационных площадок.

В ч. 4 ст. 161 УПК РФ установлена возможность распространения следователем, дознавателем или прокурором в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или иным публичным способом сведений по поводу предварительного расследования⁵. Но данная статья не конкретизирует, какие сведения и в каком количестве стоит оглашать, а какие необходимо сохранить в тайне от СМИ и общественности. Из этого следует что, объем данных, предаваемых гласности, определяет орган расследования, исходя из интересов предварительного расследования. Следовательно, должен оглашать материалы предварительного следствия с соблюдением требований законодательства после тщательной проверки имеющейся информации, в том числе на основе нравственных начал, придерживаясь четких юридических формулировок, не выходить за рамки этических норм и морали.

Необходимо, установить некое ограничение для следственных органов в процессе расследования подобных явлений и запретить информировать СМИ об оче-

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 17.04.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/76735e55abaa5af067e2ceda1625ad5d248f3abb

редном акте самоубийства, пока не расследованы и не выявлены все причины суицидального действия. Особенно, когда жертвой самоубийства становится лицо, относящееся к группе уязвимых слоев населения, которая в перспективе может брать пример с данного «мученика». По нашему мнению, в подобную группу риска следует отнести несовершеннолетних, лиц студенческого возраста, а также пожилых людей. Не следует забывать и о работе психологов, так как в подобных случаях правоохранительные органы редко прибегают к помощи профессионалов.

Взаимодействие следователя со СМИ и общественностью первоначально может показаться не таким уж важным моментом в работе правоохранительных органов по поводу противодействия, расследования и раскрытия преступлений. Но из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что непрофессиональная работа следователя, неэтичное и некорректное доведение до общественности об очередном акте самоубийства может не только усугубить расследование произошедшего события, но и способствовать возникновению новых подобных случаев. Таким образом, необходимо разработать четкие правила взаимодействия правоохранительных органов со средствами массовой информации, а именно: какую информацию можно сообщать общественности, от сообщения какой пока стоит воздержаться, в каком объеме и в какой последовательности стоит оглашать расследованные факты. Особенно когда речь идет о «громких» и общественно опасных деяниях, будь то самоубийство или террористический акт, которые подталкивают наиболее уязвимые слои населения копировать совершенные деяния, да и просто ввиду неэтичного, аморального оглашения наносят психический, а иногда и физический вред общественности. В противном случае все чаще будем сталкиваться с фактом совершенного суицида, что оказывает негативное влияние как на семью погибшего, так на общество и государство в целом.

*Саратовская государственная юридическая академия,
Институт юстиции*

*Лемешев К. А., студент
E-mail: lemeshev.kirill@yandex.ru*

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации **Ю. Н. Михайлова**

СООТНОШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА СУДЬИ И ЕГО НРАВСТВЕННО-МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ИЛИ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ СУДЬИ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО-НРАВСТВЕННОЕ КАЧЕСТВО

Поступила в редакцию 4 сентября 2017 г.

И как ни громко кричат страсти, они все-таки
робеют перед тихим, спокойным и упорным голосом совести.

Л. Н. Толстой

В основе всей нравственной сущности личности специалиста-юриста лежит чувство совести, являющееся его нравственным стержнем, способностью личности к нравственному самоконтролю.

Как известно, реформирование российской судебной системы предполагает решение ряда проблем юридического, организационно-управленческого и нравственно-этического характера. Наиболее приоритетными признаются независимость судей, а точнее, их зависимость от внешних и внутренних факторов и борьба с коррупцией. Об этом много говорят и много пишут, демонстративно и сурово борясь с подобными негативными явлениями. Очевидно, что эти две многоплановые проблемы тесно взаимосвязаны и не могут рассматриваться изолированно друг от друга. Следует согласиться с мнением А. Ф. Скутина, что если судья при осуществлении правосудия независим, то он и не коррумпирован, и наоборот, коррумпированный судья всегда «прислушивается» к мнению других лиц¹. Вместе с тем проблема обеспечения подлинной независимости, в свою очередь, производна от нравственно-моральных качеств судьи, поскольку именно они определяют степень его свободы, принципиальности и сознательности. Обуславливать коррупцию отсутствием независимости – все равно что объяснять приход весны сорванным листом календаря. Первопричина все-таки гораздо глубже и кроется в низком профессионализме судей, разрушенной системе нравственных ценностей в обществе.

В настоящее время вопросы судейской этики находятся в центре внимания и судейского сообщества, и всей общественности. Бесспорно, что авторитет закона напрямую зависит от людей, олицетворяющих собой справедливость и профессионализм. Установление соответствия свойств и качеств личности требованиям профессии является главной задачей профессионального отбора кандидатов на должности судей. Необходимость деловых и соответствующих нравственно-моральных качеств обуславливается, во-первых, повышенными требованиями к личности судьи, включенного в сложные социально-правовые отношения; во-вторых, тяжестью последствий от ошибок, допускаемых в сфере правосудия и правозащиты, в результате которых могут существенно ущемляться законные права и

¹ См.: Скутин А. Ф. Судебная реформа и проблема коррупции в судах // Рос. правосудие. 2008. № 10; Гущина Н. А. Независимость судей и проблемы коррупции в судах // Современное право. 2015. № 11. С. 82–88.

интересы граждан². Профессиональная пригодность к осуществлению правосудия в большей мере зависит от высокого уровня общего развития личности, чем от каких-то специальных способностей.

Отсутствие у определенной части представителей судейского сообщества соответствующих нравственных качеств негативно отражается на общественном сознании, и следствием этого становится неверие в закон и правосудие. Верно утверждение С. В. Лаптинской о том, что между нормами права и личностями, представляющими закон и должными служить законности, существует прямая зависимость. Поведение служителей закона влияет на правовой нигилизм простых граждан больше, чем правовая безграмотность или историческая память³.

На первом курсе обучения в институте права Волгоградского государственного университета нам выдали белые футболки с символикой нашего института. Математики, физики, историки, филологи заманчиво красовались в ярких красных, зеленых, синих, фиолетовых, вызывая у нас неприкрытую зависть и удивление. Может, нам не хватило цветов, хотя, как известно, даже у серого цвета есть 50 оттенков? Объяснение оказалось настолько глубоким и простым, что запало в душу и предопределило выбор темы статьи.

Так почему же все-таки белый? Нам объяснили, – потому, что у юриста должны быть чистые помыслы и совесть, незапятнанная честь и достоинство. Внешняя белизна как символ внутренней чистоты.

Будучи студенткой, еще не дипломированным юристом, усвоила, что начинать свой профессиональный путь необходимо, обладая нравственно-моральными качествами, позволяющими при всем многообразии ситуаций, меняющемся ритме жизни, многочисленном «цветном» и «сером» окружении оставаться «чистой» душой и помыслами.

Профессионала можно воспитать, незнающего – научить, но невозможно из профессионала сделать высоконравственного юриста, если он изначально подл, корыстен, не критичен, не порядочен, завистлив, труслив, эгоистичен и т. п.

В связи с этим возникают вопросы: «Как определить, кто может стать судьей? Как не ошибиться при назначении на должности судей? Как оградить людей от чиновничьего произвола, коррупции и несправедливости?» К сожалению, эти негативные явления пронизывают действующую судебную систему. Судьи оторвались от тех, чьи законные интересы и права должны защищать, стали «небожителями», поверили в свою исключительность и вознеслись над чужими проблемами, горем, болью, ошибками, раскаянием и т. д.

Трудно водночасье изменить годами складывающуюся и самоцементирующуюся ситуацию. Однако, полагаем, выход есть. Предлагаем свое решение данной проблемы.

Во-первых, необходимо увеличить возраст, при достижении которого возможно назначение на должность судей, до 30–35 лет для всех судей, начиная с мирового. Тем самым решится еще одна важная задача – единый статус судьи станет не простой формальностью, а аксиомой, без исключений и ссылок на авторитеты и придуманную целесообразность.

Достаточно много судей считают, что провозглашенный законодательством принцип о единстве статуса судей в Российской Федерации не соблюдается, и ста-

² См.: Котов Д. П., Шиханцов Г. Г. Психология следователя. Воронеж, 1976. С. 98 ; Радушная Н. В. Народный судья. Профессиональное мастерство и подготовка. М., 1977. С. 105.

³ См.: Лаптинская С. В. Формирование личности специалиста-юриста : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2006. С. 28.

тус судей имеет значительные отличия в зависимости от занимаемой в суде должности, инстанции суда, субъекта РФ и других обстоятельств. В 2013 г. так посчитали 46 % мировых судей, 52 % судей районных судов, 28 % судей областных судов, 32 % судей арбитражных судов субъектов РФ, 60% судей арбитражных апелляционных судов, 40 % судей федеральных арбитражных судов округов, 17 % судей ВАС РФ. В 2015 г. так посчитали 40 % судей военных судов, 80 % судей уставных судов субъектов РФ, 47 % мировых судей, 52 % судей районных судов, 17 % судей областных судов, 37 % судей арбитражных судов субъектов РФ, 30 % судей арбитражных судов округов, 33 % судей Верховного Суда РФ⁴.

Кроме того, 30–35-летний возраст определяет человека как зрелую личность, взвешенность, вдумчивость, принципиальность, смелость и прочие необходимые судье качества которого обусловлены его жизненным опытом, накопленными знаниями, приобретенными навыками, умением работать с людьми, способностью сопереживать, сочувствовать и нести ответственность за свои поступки и решения. Повышение нижнего возрастного порога для судей до 30–35 лет, несомненно, будет способствовать укреплению доверия к правосудию⁵.

Во-вторых, следует поддержать высказываемую в литературе идею создания специального органа судейского сообщества, выполняющего функции судебной инспекции, который мог бы проверять организационную деятельность судебных инстанций при осуществлении ими правосудия, в целях обеспечения: быстроты процесса, прозрачности деятельности по осуществлению правосудия и открытости перед обществом, эффективности деятельности судебных инстанций, судей и персонала судебных инстанций, соблюдение Кодекса этики судьи и т. д.⁶

В-третьих, необходимо повышение доверия населения к судьям. Как свидетельствуют результаты социологических исследований, показатели доверия населения весьма печальны. Так, по данным, полученным фондом «Общественное мнение» (ИНДЕМ), россияне не доверяют судам и уверены, что большинство судей берут взятки (67 % опрошенных), и лишь 12 % назвали их честными и неподкупными; 47 % уверены, что суды чаще выносят несправедливые приговоры, а 24 % опрошенных считают, что справедливые приговоры бывают редкими⁷.

Негативное воздействие на общественное мнение, авторитет конкретного судьи оказывают проявляемое им чиновничье чванство, неразборчивость в связях, посещение заведений, пользующихся сомнительной репутацией, поддержание дружеских связей с лицами, о которых в городе (области) ходит дурная слава, и др.

Представляется, что законодательное закрепление требований, характеризующих *моральную составляющую личности кандидата* на должность судьи, станет барьером для претендующих на эти должности случайных лиц, не способных устанавливать различия между справедливым и несправедливым, нравственным

⁴ См.: Орлова К. А. Проблемные вопросы правового статуса судьи : взгляд изнутри // Рос. судья. 2016. № 5. С. 48–53 ; № 6. С. 58–64.

⁵ См.: Рахманова Е. Н. Об укреплении доверия к судам и снижении коррупции // Адвокатская практика. 2013. № 6. С. 29–34.

⁶ См.: Клеандров М. И. Интересные структуры и институты судейского сообщества в международном и зарубежном измерениях // Рос. судья. 2013. № 7. С. 37–40.

⁷ См.: Павловский Г. Правосудие – борьба с коррупцией в судах // Словарь текущей политики. М., 2006. URL: <http://politike.ru/dictionary/785/word/pravosudie-borba-s-korupciei-v-sudah> (дата обращения: 03.11.2015).

и безнравственным, порой имеющих предрасположенность к коррупционным действиям⁸.

В-четвертых, возможно, недоверие общества к суду связано с трудностями в просвещении общества и, как следствие, способностью к осознанию и пониманию категории судебного усмотрения. Если понятие «судейское усмотрение» так сложно для понимания и является трудной темой даже для юристов, то как в нем разобраться обычному гражданину, не имеющему юридического образования? Поэтому полагаем, что обязанность доступного толкования судебного усмотрения должна лечь на плечи государства в лице его органов, а не самих граждан, произвольно толкующих эту сложную правовую категорию.

«Граждане боятся не усмотрения судьи, а его произвола, они протестуют не против власти судьи определять справедливость в отдельных случаях, а против чрезмерности ее и поставления в зависимость от нее основных прав гражданина»⁹.

В-пятых, необходимо законодательное определение такого понятия, как «профессионализм судьи» и его четких критериев, несмотря на то что Кодекс этики судьи содержит указание, какими качествами должен обладать судья, в частности проявлять корректность в общении с гражданами, с уважением относиться к нравственным обычаям и традициям народов, учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп и конфессий, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию, не допускать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету судебной власти¹⁰.

Содержание профессионализма очень сложно формализовать, поскольку оно лишь условно поддается разделению на составляющие. Вместе с тем совершенно очевидно, что представление о профессионализме судьи трудно отделить от конкретной личности, действующей в конкретных обстоятельствах. Это обобщенная форма оценки судьи со стороны квалификационных коллегий судей, выраженная в их решениях¹¹. Понятие профессионализма судьи не ограничивается только уровнем специальных знаний, в него включают также деловые и нравственные качества судьи¹².

С точки зрения психологии под профессионализмом понимается особое свойство людей систематически, эффективно и надежно выполнять сложную (*профессиональную*) деятельность в самых разнообразных условиях. Данное определение, на наш взгляд, дает наиболее полное представление о единстве составляющих профессионализма судьи – сочетании деловых и нравственных качеств – и может быть положено в основу решения проблемы соотношения профессиональных знаний и морально-нравственных качеств. Правда, при данном подходе возникают

⁸ См.: Гущина Н. А. Указ. соч. С. 82–88.

⁹ Люблинский П. И. Основания судебного усмотрения в уголовных делах. СПб., 1904. Цит. по: Некрасов С. Ю., Галин В. И. Судейское усмотрение и доверие общества к судебной власти // Рос. судья. 2016. № 1. С. 55–57.

¹⁰ Кодекс судебской этики : утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. (в ред. от 08.12.2016).

¹¹ См.: Организация и деятельность судов общей юрисдикции : новеллы и перспективы / А. А. Гравина [и др.] ; отв. ред. В. П. Кашепов. М., 2016.

¹² См.: Кузнецов В. В. Рожденные для позитивных перемен Квалификационные коллегии судей : в интересах судебной власти и общества // Квалификационные коллегии судей : вчера, сегодня, завтра : сб. статей. М., 2012. С. 25.

противоречие и нелогичность в постановке самой проблемы. Ведь если речь идет о профессионализме как собирательном понятии, включающем в себя наряду с профессиональными качествами и нравственные, то их не следует противопоставлять друг другу, а иметь в виду и то и другое, говоря о профессионализме судьи. Однако необоснованное и неоправданное умаление роли второй составляющей профессионализма (а именно, нравственных качеств), сложившееся на законодательном уровне и закрепившееся на практике, дало основание для существования такого конфликта внутри самого понятия и в результате привело к постановке рассматриваемой проблемы. Было бы правильнее, говоря о профессионализме судьи, предполагать набор всех вышеуказанных качеств. Однако, пока данная категория не нашла отражения в законе в широком смысле слова, каждый раз необходимо акцентировать внимание на ее нравственную составляющую. Таким образом, неопределенность роли и юридической силы нравственных стандартов поведения юристов требует, в свою очередь, унификации этих норм¹³.

В-шестых, необходимо активнее внедрять в систему высшего образования разработанные в современной философской, социологической, этической, психолого-педагогической науке методики воспитания будущего специалиста¹⁴. Вместе с тем, как указывает Е. Г. Шрайбер: «...следует заметить, что в исследованиях... не уделяется особого внимания выявлению некоего «ядра» профессионально значимых личностных качеств будущих юристов как целостного образования»¹⁵.

В основу содержания образовательных ценностей должна быть положена идея, исходящая из самой сущности человеческого бытия в цивилизованном обществе. Эта идея может быть сконцентрирована в двух основных понятиях – профессионализма и нравственности¹⁶.

Безнравственный профессионал более опасен, чем просто непрофессионал. Вряд ли возможно построить правовое общество, если профессионалы правовой сферы не будут иметь нравственного принципа гражданственности и социального чувства, не преодолеют правовой нигилизм, не сформируют определенных качеств личности.

Профессионализм в структуре личности юриста должен быть всегда «закреплен» нравственностью как социально значимой характеристикой личности юриста. В этом видится также соотношение рассматриваемых качеств.

Однако было бы ошибочно думать, что только в вузе начинается формирование личности будущего профессионала. Это сложный и длительный процесс воспитания, берущий начало еще со школы, а, возможно, и раньше. Тогда можно будет вести речь о сформированном морально-нравственном облике судьи, являющемся неотъемлемой составляющей его профессионализма. Профессиональная пригодность к работе в правоохранительных органах в большей мере зависит от высокого уровня общего развития личности, чем от каких-то специальных способностей.

¹³ См.: Бурдина Е. В. Квалификационная аттестация судей как функция квалификационных коллегий судей // Рос. судья. 2014. № 5. С. 35–38.

¹⁴ Вопросы воспитания профессионально значимых личностных качеств будущих юристов рассматриваются у О. В. Афанасьевой, А. Р. Васильева, М. И. Еникеева, А. Э. Жалинского, А. С. Кобликова, А. П. Коренева, Е. А. Красниковой и др.

¹⁵ Шрайбер Е. Г. Воспитание профессионально значимых личностных качеств будущих юристов в вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2009. С. 3.

¹⁶ См.: Гунибский М. Ш. Профессионализм и нравственность личности юриста : философско-социологический анализ // История государства и права. 2014. № 4. С. 53–58.

Критериями измерения уровня воспитанности профессионально значимых личностных качеств будущих юристов являются: осведомленность и сознательность (точность и полнота знаний и представлений о совести, справедливости и ответственности как правовых и этических категориях, как качествах, необходимых юристу в его профессиональной деятельности; убежденность в правоте собственных трактовок усвоенных знаний и представлений), действенность (активность студентов в проявлении устойчивого позитивного отношения к совести, справедливости, ответственности в индивидуальной интерпретации исполнения профессиональных компетенций), продуктивность (опора на триединство совести, справедливости, ответственности при принятии профессиональных решений в ситуациях морального выбора).

Полагаем, что и белые футболки, символизирующие чистоту помыслов, можно также рассматривать как элемент сложного и разноаспектного процесса воспитания молодых специалистов. Во всяком случае это серьезный повод для размышлений, поскольку задача высшего образования состоит в том, чтобы студенты не только приобрели глубокие знания в юриспруденции, но и стали настоящими юристами, людьми с высокой общей и профессиональной культурой, подлинными гуманистами, сознательно принимающими решения и несущими ответственность за свои поступки, чтобы в их профессионализме в будущем никто не усомнился.

Институт права Волгоградского государственного университета

Соловьева П. В., студентка

**Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики В. М. Шинкарук**

Франсуа Мариус Гране «Стелла в тюрьме» (1810)

СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ЖИВОПИСИ

Традиционно следственный эксперимент считается наиболее сложным и трудоемким процессуальным способом собирания доказательств. К нему обращаются в исключительных случаях, когда другие затраты тщетны в установлении истины. Но если уж эксперимент проведен, то его результаты становятся, пожалуй, самыми весомыми доказательствами в суде, которые сложно оспорить даже экспертизе. В искусстве же, наоборот, экспериментировать необходимо, без нового подхода не отыскать художественной правды. Эксперимент в искусстве расширяет горизонты в мастерстве художника и будит новые чувства у почитателей его таланта. Однако история и правосудия, и живописи знает примеры, когда одни и те же эксперименты верно служили целям этих искусств.

Французский живописец Жак Стелл^á (1596–1657) в 20-летнем возрасте решил перебраться в Италию – Мекку искусства: сначала отправился во Флоренцию и работал при дворе Медичи, оттуда перебрался в Рим, где приобрел известность, благодаря своим картинам и резным миниатюрам на меди и камне. Прожив десять лет в Риме, он получает приглашение от испанского короля Филиппа IV стать придворным художником в Мадриде. И здесь, казалось бы, в зените славы, случается репутационная неприятность – Жак Стелла становится жертвой ложного доноса, был обвинен в преступлении, которое не совершал, и заключен в тюрьму. При аресте он не имел при себе документов, поэтому не смог доказать, что он не тот, за кого его принимают. Находясь в заключении, Жак на стене камеры написал картину «Мадонна с младенцем», которая привела в восхищение и тюремщиков, и других заключенных. Талант художника, раскрывшийся в следственном эксперименте, помог установить его личность, освободиться из заключения и восторжествовать правосудию.

Двести лет спустя к этому сюжету обращается в своем творчестве другой выдающийся французский художник Франсу^á Мариу^s Гране (1775–1849). Возможно, что идея написать картину о преступном оговоре собрата-художника связана со схожестью их судеб. Гране тоже француз, отправляется в Италию изучать выдающиеся художественные школы, а затем, как и Стелла, возвращается на родину в Париж, где

успешно продолжает карьеру живописца. Гране называли французским Рембрандтом, поскольку господствующей чертой его таланта остается гармония между действующими лицами его произведений и средой, в которую он их ставил, а равно и забота о световых эффектах. Именно поэтому картина «Стелла в тюрьме» имела огромный успех в Риме, где была написана в 1810 г., ею восхищались в Париже, сегодня она выставляется в Москве в ГМИИ имени А. С. Пушкина.

Но если Жаку Стелле пришлось подтвердить свой талант, чтобы выбраться из тюрьмы, то другой нидерландский художник – ван Мегерен – употребил все свое «искусство», чтобы не быть заточенным пожизненно. Хенрику^s Антониус ван Мегерен (1889–1947) – выдающийся фальсификатор прошлого века, чьи искусно подделанные и состаренные картины европейские искусствоведы приняли за редчайшие образцы творчества голландских классиков Яна Вермеера и Питера де Хоха. На своих подделках он заработал миллионное состояние. Возможно, его преступная тайна не была бы раскрыта, если бы в 1943 г. ван Мегерен не продал за баснословную сумму неравнодушному к искусству рейхсмаршалу Герману Герингу свою новую работу «Христос и судьба», выдавая ее за Вермеера. В 1945 г. американцы обнаружили картину в нацистской коллекции и им не составило труда установить, что продавцом работы выступил ван Мегерен. Голландские власти предъявили ему обвинение в распродаже национального культурного достояния. За коллаборационизм ему грозил пожизненный тюремный срок. Ван Мегерен был взят под стражу. После двух недель тюремного заключения он заявил, что на самом деле проданные им картины являются подделками. Для проверки подлинности его заявлений голландское правительство на 6 недель поместило ван Мегерена под арест в специально арендованном доме, где тот должен был под наблюдением в порядке следственного эксперимента написать подделку. Так появилась его последняя картина – «Иисус среди книжников». Присяжные приговорили ван Мегерена всего к году заключения, но он не отбыл даже этого срока. Сразу после суда он попал в больницу, где умер от инфаркта. Тем не менее следственный эксперимент спас Лжевермеера от эшафота!

Д. Зотов